

Приятного чтения!

Зов Ангела

Гийом Мюссо

- [Пролог](#)
- [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
- [Часть вторая](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19*](#)
 - [19**](#)
 - [19***](#)
 - [19****](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
- [Часть третья](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [Места и люди...](#)
- [Ссылки](#)
- [Сноски](#)

Гийом Мюссо

ЗОВ АНГЕЛА

Берег надежнее, но я люблю бороться с волнами.
Эмилия Дикинсон

Пролог

Мобильный телефон?

Поначалу вы не видите особой от него пользы, но, чтобы не казаться совсем допотопным, начинаете пользоваться самой простой моделью с обыкновенным базовым пакетом функций. В первое время вас еще иногда удивляют те, кто слишком громко говорит в ресторане, поезде или на террасе кафе. Но это правда оказывается весьма удобно — ведь можно всегда держать семью и друзей в зоне слышимости.

И вот, как и все остальные, вы уже научились писать эсэмэски, набирая их на крошечной клавиатуре, и теперь то и дело отовсюду их отправляете. Как и все, вы отказались от своего ежедневника, заменив его электронной версией. Освоив приложения, вы ввели в каталог телефонные номера ваших друзей, членов вашей семьи и любовника. Там же вы закамуфлировали имена ваших бывших, а также пин-код кредитной карты, который вы постоянно забываете.

Вы теперь используете мобильник даже для того, чтобы делать фотографии, правда, не очень хорошего качества. Это же так здорово — всегда иметь при себе смешную картинку, чтобы показать ее коллегам.

Все вокруг поступают точно так же. Мобильник стал предметом эпохи, стирая грани между личной, профессиональной и общественной жизнью. Ведь в повседневной действительности все стало таким срочным, таким подвижным, и это требует постоянного жонглирования вашими планами и графиками.

А недавно вы сменили свой старый аппарат на более продвинутую модель: на маленькое чудо, позволяющее не только получить доступ к вашей почте, но и просматривать интернет-сайты и скачивать сотни нужных приложений.

И вот так вы стали подключенным. Мобильник стал как бы вашим продолжением, сопровождая вас даже в ванной комнате или в туалете. Вы редко выдерживаете хотя бы полчаса, чтобы не бросить взгляд на экран, не проверить пропущенные вызовы, не ответить на интимное или дружеское послание. И если ваш почтовый ящик пуст, вы все равно нажимаете на кнопки, чтобы убедиться, что почта не стоит в режиме ожидания.

Телефон оберегает вас, подобно тому, как в детстве оберегало одеяло: его экран такой мягкий, такой успокаивающий, как снотворное. Он дает вам уверенность в любых ситуациях, дарит способность мгновенно установить нужный контакт, что открывает перед вами массу возможностей...

Но однажды вечером, возвращаясь домой, вы, обшарив все карманы и сумки, вдруг понимаете, что ваш мобильник исчез. Потерян? Украден? Нет, вы отказываетесь в это поверить. Вы проверяете все еще раз, но безуспешно, а потом начинаете убеждать себя, что просто забыли мобильник в офисе, но... Нет, вы же прекрасно помните, что пользовались им в лифте, уже уйдя с работы, и — вероятно — в метро тоже, и в автобусе.

Черт!

Сначала вы злитесь из-за потери телефона, а потом хвалите себя: ведь вы застраховались от «кражи/потери/поломки», а значит, уже завтра сможете получить новую высокотехнологичную игрушку.

Тем не менее в три часа утра вы понимаете, что так и не смогли заснуть...

Вы встаете тихо, чтобы не разбудить человека, спящего рядом с вами.

В кухне на верхней полке шкафа вы находите старую пачку сигарет, которую спрятали туда на крайний случай. Вы закуриваете одну, а за ней следует стакан водки.

Черт!

Вы сидите, согнувшись, на стуле. Вам холодно: пришлось оставить окно открытым, чтобы выветрился запах сигарет.

Вы пытаетесь вспомнить, что было в утерянном телефоне: видео, около пятидесяти фотографий, сообщения, ваш адрес (включая код от входной двери здания), адрес ваших родителей, номера людей, которые необязательно должны были там находиться, сообщения, по которым можно предположить, что...

Не надо быть параноиком!

Новая затыжка и еще один глоток алкоголя.

По-видимому, там нет ничего действительно компрометирующего, но вы прекрасно знаете, что внешние представления обманчивы.

А беспокоит вас то, что ваш аппарат мог попасть в недобрые руки.

И вот вы уже жалеете о некоторых фотографиях, нескольких письмах и разговорах. Прошлое, семья, деньги, секс... Хорошо

поискав, тот, кто захочет вам навредить, найдет то, чего будет достаточно, чтобы сломать вашу жизнь. Вы сожалеете, но эти сожаления бессмысленны.

Вас пробирает дрожь, и приходится встать, чтобы закрыть окно. Прижавшись лбом к стеклу, вы наблюдаете за редкими огнями, которые еще сияют в ночи, говоря вам о том, что на другом конце города находится человек, просматривающий ваш телефон и с восторгом копающийся в вашей частной жизни, методично пытающийся отыскать в недрах аппарата ваши маленькие грязные секреты.

Часть Первая

КОТ И МЫШЬ

1

Обмен

Есть существа, которым суждено пересечься. Где бы они ни находились. Куда бы они ни шли. Однажды они встречаются.

Клод Галле

*Нью-Йорк
Аэропорт имени Джона Кеннеди
За неделю до Рождества*

ОНА

— И что потом?

— Потом Рафаэль подарил мне бриллиантовое кольцо от Тиффани и попросил меня стать его женой.

С телефоном, словно приклеенным к уху, Маделин шла вдоль высоких витрин, доходивших до самого асфальта. В пяти тысячах километров от этого места, в своей квартирке на севере Лондона, ее лучшая подруга слушала, полная нетерпения, подробный отчет о ее романтических приключениях в Большом Яблоке.^[1]

— Он тебя действительно втянул в большую игру! — заметила Джулиана. — Выходные на Манхэттене, номер в «Уолдорф-Астории», поездка в карете, предложение в лучших традициях...

— Да, — ответила Маделин. — Все было прекрасно, как в кино.

— Может быть, немного даже слишком идеально, нет? — поддразнила ее Джулиана.

— Можешь мне объяснить, как что-то может быть «слишком» идеально, госпожа скептик?

Джулиана неуклюже попыталась исправиться:

— Я имела в виду, что в этом не было неожиданности. Нью-Йорк, Тиффани, прогулка под снегом и каток в Центральном парке... Это ожидаемо, можно даже сказать, что это клише!

Маделин не осталась в долгу:

— Если я правильно помню, Уэйн попросил тебя выйти за него замуж, когда вы возвращались из паба, после выпивки. Паб был набит, как в метро в час пик, а его вырвало в туалете сразу после того, как он попросил твоей руки, не так ли?

— Хорошо, ты выиграла этот раунд. — Джулиане было нечего возразить.

Маделин улыбнулась, приблизившись к зоне прилета, пытаясь найти Рафаэля посреди толпы. В начале рождественских праздников тысячи туристов собрались в терминале, который гудел, как растревоженный улей. Некоторые торопились к своим семьям, другие спешили на другой конец света, в райские уголки, подальше от серости Нью-Йорка.

— Слушай, — продолжила Джулиана, — но ты не сказала мне, каков был твой ответ.

— Ты что, шутишь? Я сказала «да», конечно же!

— И ты даже не помучила его немного?

— Помучила? Джул, мне почти тридцать четыре года! Тебе не кажется, что я и так достаточно долго ждала? Мне нравится Рафаэль, мы с ним вместе уже два года и сейчас пытаемся завести ребенка. Через несколько недель мы переедем в свой дом, который выбрали вместе. Джулиана, первый раз в моей жизни я чувствую себя защищенной и счастливой.

— Ты говоришь так, потому что он находится рядом, не так ли?

— Нет! — воскликнула Маделин, смеясь. — Он пошел регистрировать наш багаж. Я говорю так, потому что я действительно так думаю! — Она остановилась у газетного киоска. Плотные сложенные пачки газет щетинились картинками мира, несущегося по течению: экономический кризис, безработица, политические скандалы, социальные конфликты, экологические катастрофы...

— Ты не боишься, что с Рафаэлем твоя жизнь будет предсказуемой? — нанесла удар Джулиана.

— Это не проблема! — ответила Маделин. — Мне был нужен кто-то твердый, надежный, верный. Ведь вокруг нас все так неустойчиво, хрупко и шатко. Я не хочу подобного в моем браке. Я хочу возвращаться вечером домой и быть уверенной, что найду там мир и спокойствие. Ты понимаешь?

— Хм... — отозвалась Джулиана.

— Никаких «хм», Джул. Иди лучше, начинай обход магазинов, выбирай платье — тебе быть подружкой невесты!

— Хм, — тем не менее повторила молодая англичанка, но на этот раз больше для того, чтобы скрыть свое волнение, чем для того, чтобы продемонстрировать свой скептицизм.

Маделин посмотрела на часы. У нее за спиной, на взлетно-посадочной полосе, серебристые самолеты ожидали своей очереди на взлет.

— Хорошо, я оставляю тебя в покое, мой рейс отправляется в 17.30, а я еще не получила моего... моего мужа!

— Твоего будущего мужа, — поправила ее Джулиана. — Когда ты приедешь ко мне в Лондон? Почему бы не в этот уик-энд?

— Как бы мне хотелось! Но это невозможно, мы приземлимся в Руасси слишком рано. У меня едва хватит времени, чтобы

принять душ у себя дома перед открытием магазина.

— То есть ты не прекращаешь работу, ведь так?

— Я флорист, Джул! А в Рождество у меня больше всего работы!

— Постарайся хотя бы поспать во время перелета.

— Ладно! Я перезвоню тебе завтра, — пообещала Маделин.

ОН

— Не настаивай, Франческа, не может быть и речи, чтобы мы увиделись!

— Но я всего лишь в двадцати метрах от тебя, внизу, у самого эскалатора...

С телефоном, словно приклеенным к уху, Джонатан нахмурился и подошел к балюстраде, выходящей на эскалатор. Внизу стояла молодая брюнетка, которая говорила по телефону, держа за руку ребенка в слишком большой для него куртке. У нее были длинные волосы, джинсы с заниженной талией, дутая пуховая куртка, а также дизайнерские солнцезащитные очки с широкой оправой, которые, словно маска, скрывали часть ее лица.

Джонатан махнул рукой в сторону своего сына, робко ответившего на его приветствие.

— Отправь ко мне Чарли и уходи! — приказал он.

Каждый раз, когда он видел свою бывшую жену, его охватывал гнев, смешанный с болью. Это было сильное чувство, которое он не мог контролировать и которое делало его одновременно и злым, и подавленным.

— Ты не можешь продолжать разговаривать со мной так! — запротестовала она. В ее речи слышался небольшой итальянский акцент.

— Не смей даже пытаться учить меня! — взорвался он. — Ты сделала свой выбор, и теперь тебе придется мириться с последствиями. Ты предала свою семью, Франческа! Ты предала нас, Чарли и меня.

— Оставь в покое Чарли!

— В покое? В то время как он как раз и есть тот, кто платит за разбитую посуду? Это из-за твоей выходки он видит своего отца всего лишь несколько недель в году!

— Я сожа...

— А самолет! — перебил он. — Ты хочешь, чтобы я напомнил тебе, почему Чарли боится летать на самолете один, и из-за этого я должен ехать через всю страну во время любых школьных каникул? — спросил он, повышая голос.

— Все, что произошло с нами... это жизнь, Джонатан. Мы взрослые люди и должны понимать, что нет только черного и только белого.

— Но судья почему-то решил не так, — заметил он и вздохнул, вспомнив про развод, который был решен в пользу его бывшей жены.

Задумавшись, Джонатан посмотрел вниз. Было всего 16.30, но ночь должна была вот-вот наступить. На освещенных взлетных полосах стояла целая вереница больших широкофюзеляжных лайнеров, ожидавших сигнала на взлет в направлении Барселоны, Гонконга, Сиднея, Парижа...

— Ладно, хватит болтать, — сказал он. — Занятия в школе начнутся третьего января, и я привезу тебе Чарли накануне.

— Ладно, — согласилась Франческа. — И еще одно: я купила ему мобильник. И я хочу иметь возможность поговорить с ним в любое время.

— Ты что, шутишь? Об этом не может быть и речи! — взорвался он. — В семь лет нет надобности в телефоне.

— Спорный вопрос, — возразила Франческа.

— Если спорный, то ты не должна была принимать решения в одиночку. Мы поговорим об этом, может быть, но сейчас ты заберешь эту штуковину и отпустишь Чарли ко мне!

— Хорошо. — Франческа сдалась.

Джонатан наклонился через перила и прищурил глаза, чтобы убедиться, что Чарли передал Франческе маленький яркий чехол, потом мальчик поцеловал мать и неуверенно шагнул на эскалатор.

Джонатан толкнул нескольких пассажиров, чтобы подхватить наверху своего сына.

— Привет, пап.

— Привет малыш. — Он сжал его в объятиях.

ОНИ

Пальцы Маделин с огромной скоростью бегали по клавиатуре. С телефоном в руке она прошла мимо витрин магазинов зоны беспошлинной торговли, составляя почти вслепую эсэмэску в ответ на эсэмэску Рафаэля. Ее спутник зарегистрировал багаж, но теперь надо было отстоять очередь, чтобы пройти контроль безопасности. Маделин написала ему, что они могут встретиться в кафетерии.

— Пап, я немного голоден. Можешь купить мне панини, пожалуйста? — вежливо попросил Чарли.

Положа руку на плечо сына, Джонатан пересек лабиринт из стекла и стали, который вел к выходу на посадку. Он ненавидел аэропорты, особенно в это время года, в Рождество, ведь терминалы напоминали ему об ужасных обстоятельствах, при которых он два года назад узнал об измене своей жены. Но, радуясь встрече с Чарли, он подхватил его, оторвав от пола.

— Один панини для молодого человека! — весело сказал он, входя в ресторан.

«Небесные врата», главное кафе терминала, располагались вокруг атриума, в центре которого различные стойки предлагают широкий ассортимент блюд.

«Шоколадный торт или кусочек пиццы?» — спросила себя Маделин, глядя на одну из стоек. Конечно, какой-нибудь фрукт — это было бы более разумно, но ей очень хотелось есть. Она поставила на поднос пирог, а затем вернула его на место, практически мгновенно, как только ее «Джимини Крикет» шепнул ей количество калорий, содержащихся в этом искушении. Немного разочарованная, она поковыряла яблоко в плетеной корзинке, заказала чай с лимоном и пошла оплачивать все это на

кассе.

Чиабатта, песто, маринованные помидоры, пармская ветчина и сыр моцарелла: Чарли пускал слюнку, глядя на свой панини. С раннего возраста он сопровождал отца по кухням ресторанов, и это развило у него вкус к хорошим вещам и любопытство ко всевозможным ароматам.

— Будь осторожен, не опрокинь свой поднос, хорошо? — посоветовал Джонатан, оплатив покупки.

Мальчик кивнул, осторожно стараясь сохранить хрупкое равновесие между своим панино и бутылкой воды.

Ресторан был переполнен. Помещение овальной формы было вытянуто вдоль стеклянной стены, выходившей прямо на взлетно-посадочные полосы.

— Куда мы сядем, папа? — спросил Чарли, потерявшись в потоке пассажиров.

Джонатан озабоченно посмотрел на плотную толпу, толкающуюся между стульями. Очевидно, клиентов было больше, чем свободных мест. А потом, словно по мановению волшебной палочки, освободился столик возле окна.

— Поворот на восток, приятель! — объявил он, подмигивая сыну.

И в тот момент, как они ускорили шаг, посреди всеобщего гула вдруг раздался звон телефона. Джонатан замешкался. Руки у него были заняты (чемодан на колесиках он толкал одной рукой, а в другой держал поднос), но он все же попытался извлечь мобильник из кармана пиджака, как тут...

«Что за сутолока!» — подумала Маделин, глядя на армаду пассажиров, захвативших ресторан. А она-то надеялась расслабиться на мгновение перед полетом, но не тут-то было: ни одного свободного столика!

«Ай!» — она еле сдержалась, чтобы не закричать, когда какой-то подросток наступил ей на ногу, даже не подумав извиниться.

«Маленький паршивец», — подумала Маделин, бросив на него строгий взгляд, на который какая-то девчонка ответила незаметным жестом, смысл которого не оставлял никаких сомнений.

У Маделин даже не было времени, чтобы рассердиться на этот акт агрессии, — она увидела свободный столик возле большой стеклянной стены и ускорила шаг, боясь упустить драгоценное место. Буквально в трех метрах от цели мобильник вдруг завибрировал в ее сумке.

«Как же не вовремя!»

Она решила не отвечать, но потом передумала: наверняка это ее искал Рафаэль. Она неуклюже взяла поднос одной рукой. «Черт, этот чайник такой тяжелый», — Маделин рылась в сумке, пытаясь достать мобильник, засунутый между связкой ключей, ежедневником и романом, который надо было дочитать. Она изогнулась, стараясь поднести аппарат к уху, но тут...

Маделин и Джонатан столкнулись лоб в лоб. Чайник, яблоко, сэндвич, бутылка кока-колы, стакан вина — все полетело в воздух, а потом оказалось на полу.

Испуганный Чарли тоже уронил свой поднос и принялся плакать.

«Какая идиотка!» — раздраженно подумал Джонатан и закричал:

— Что, нельзя смотреть, куда вы идете?

«Какой кретин!» — со злостью подумала Маделин, приходя в себя.

— Ах! Так это еще и моя вина? Не надо путать, дружище! — ответила она, принявшись подбирать с пола свой телефон, кошелек и ключи.

Джонатан наклонился, чтобы успокоить сына, а потом поднял его панини, защищенный пластиковой упаковкой, бутылку с водой и телефон.

— Я увидел этот столик первым! — заявил он с негодованием. — Мы уже практически сели, когда вы налетели на нас, словно лавина, и даже не...

— Вы что, шутите? Я заметила этот столик раньше вас!

Ярость Маделин лишь подчеркнула ее английский акцент, до того незаметный.

— Во всяком случае, вы одна, а я с ребенком.

— Красивое оправдание! Не вижу, каким образом факт наличия малолетки дает вам право налетать на меня и портить мне блузку! — Маделин рассердилась еще больше, заметив винное пятно у себя на груди.

Потрясенный, Джонатан покачал головой и закатил глаза. Он собрался было возразить, но Маделин опередила его.

— И вообще, я не одна! — заявила она, увидев Рафаэля.

Джонатан пожал плечами и взял Чарли за руку.

— Пойдем в другое место. — И, покидая ресторан, крикнул напоследок: — Тупица несчастная...

Рейс «Дельта 4565» вылетел из Нью-Йорка в Сан-Франциско в 17 часов. Радуюсь встрече с сыном, Джонатан не замечал времени. После развода родителей Чарли очень боялся полетов. Для него было невозможно путешествовать в одиночку или спать во время перелета. Из-за этого все семь часов перелета они рассказывали друг другу анекдоты, всевозможные истории, посмотрели в двадцатый раз «Красавицу и Чудовище» на экране ноутбука, отвлекаясь на поедание мороженого. Это лакомство было зарезервировано для бизнес-класса, но понятливая стюардесса, уступив молящему взгляду Чарли и неуклюжему обаянию его отца, все же решила нарушить правила.

Самолет рейса «Эр Франс 29» вылетел из аэропорта имени Джона Кеннеди в 17.30. В приглушенном комфорте бизнес-класса (конечно, ведь Рафаэль знал свое дело) Маделин включила свой фотоаппарат и принялась просматривать кадры с их приключениями в Нью-Йорке. Словно приклеенные друг к другу, влюбленные радостно наслаждались лучшими моментами

своего медового месяца. Затем Рафаэль уснул, а Маделин в энный раз с восторгом посмотрела «Магазинчик за углом», старую комедию Эрнста Любича, предлагавшуюся для просмотра на борту.

Из-за разницы во времени не было и девяти вечера, когда самолет Джонатана приземлился в Сан-Франциско. Измученный своими страхами, Чарли заснул на руках у отца, едва они сошли на землю.

В зале прибытия Джонатан стал искать взглядом своего друга Маркуса, вместе с которым они держали небольшое французское бистро в самом центре Норт-Бич, — тот должен был приехать встретить их на машине. Он встал на цыпочки, чтобы посмотреть поверх толпы.

— Я буду удивлен, если он приедет вовремя! — проворчал Джонатан.

Устав искать, он решил посмотреть в мобильнике, нет ли там каких сообщений. Как только он отключил режим «самолет», тут же на экране появилось текстовое сообщение:

Добро пожаловать в Париж, моя дорогая! Я надеюсь, что ты смогла отдохнуть во время полета и что Рафаэль не сильно храпел :-). Прости меня: я действительно рада, что ты выходишь замуж и что ты нашла человека, который может сделать тебя счастливой. Я обещаю сделать все возможное, чтобы со всей серьезностью и торжественностью справиться с ролью подружки невесты!

Твой друг на всю жизнь, Джулиана.

«Что это за ерунда?» — подумал Джонатан, еще раз перечитав эсэмэску. Тупая шутка Маркуса? Он задумался на несколько секунд, пока проверял аппарат: та же модель, того же цвета, но... это был не его мобильник! Беглый взгляд на приложение к электронной почте позволил ему узнать имя владелицы: некая Маделин Грин, которая жила в Париже.

— Блин! — взревел он. — Это телефон той девки из аэропорта!

Маделин посмотрела на часы, борясь с зевотой. Половина седьмого утра. Полет продолжался чуть более семи часов, но с учетом разницы во времени самолет приземлился в Париже в субботу утром. Аэропорт Руасси просыпался в ускоренном темпе. Как и в Нью-Йорке, наступление рождественских праздников чувствовалось в аэропорту, несмотря на ранний час.

— Ты уверена, что хочешь сегодня идти на работу? — спросил Рафаэль, когда они стояли у ленточного конвейера для багажа.

— Конечно, дорогой! — ответила Маделин, включая свой мобильник, чтобы проверить почту. — Бьюсь об заклад, у меня уже есть несколько отложенных сообщений.

Сначала она решила прослушать автоответчик, и там некий сонный и растягивающий слова голос, совершенно ей незнакомый, вдруг выдал:

— Привет, Джон, это Маркус. Э-э... У меня тут небольшая проблема с машиной: утечка масла и... Короче, я объясню тебе позже. Я это говорю для того, чтобы сообщить, что буду немного позже. Прости...

«Кто этот извращенец? — подумала она, отключив сообщение. — Кто-то ошибся номером? Хм...»

Маделин удивленно осмотрела свой мобильник: он был той же марки, той же модели... но он был не ее.

— Дерьмо! — выпалила она вслух. — Это же телефон того чокнутого из аэропорта!

2

Separate Lives^[2]

Страшно остаться одному, когда вас было двое.

Поль Моран

Джонатан послал первую эсэмэску...

У меня ваш телефон. А мой у вас? Джонатан Лемперер.

На что Маделин ответила почти мгновенно:

Да! А вы где? Маделин Грин.

В Сан-Франциско. А вы?

В Париже :(Что будем делать?

Ну, во Франции ведь существует почта, не так ли? Я вам отошлю ваш завтра через Фед Экс.

Очень любезно с вашей стороны... Я сделаю то же самое, как только будет возможно. А какой у вас адрес?

Ресторан «Френч Тач», 1606, Стоктон-стрит, Сан-Франциско, Калифорния.

А вот мой: «Чудесный сад», улица Делабр, 3-бис, XIV округ.

Вы флорист, не так ли? Если да, то вот вам срочный заказ от некоего Олега Мордорова: 200 алых роз доставить в Театр Шатле для актрисы, которая раздевается в третьем акте. Между нами, я сомневаюсь, что это его жена...

Какое право вы имели слушать мой автоответчик?

Чтобы оказать вам услугу, недотепа!

Я вижу, что вы такой же хам в эсэмэсках, как и на словах! А вы ресторатор, Джонатан?

Да.

В таком случае у вашей забегаловки есть новый заказ: столик на двоих завтра вечером на имя месье и мадам Стржешовски. Короче, это то, что я поняла из их сообщения, но прием был неважный...

Очень хорошо. Спокойной ночи.

В Париже сейчас семь утра...

Джонатан покачал головой от досады и спрятал телефон во внутренний карман своего пиджака. Эта женщина определенно раздражала его.

Сан-Франциско
21.30

Древняя «Рено 4» ярко-красного цвета сошла с автострады 101 и съехала на дорогу, ведущую к даунтауну. Драндулет тащился, как теленок по Эмбаркадеро, создавая впечатление движения в замедленном темпе. Хотя отопление и работало на полную, окна машины были затуманены испарениями.

— С этой твоей ржавой рухлядью мы вот-вот свалимся в кювет, — проворчал Джонатан, сжавшись на пассажирском кресле.

— Нет, она еще помурлычет, моя крошка, — начал защищаться Маркус. — Если бы ты знал, как я ее обожаю!

Спутанные волосы, густые брови, восемнадцатидневная борода и набухшие веки как у мультяшного пса Друпи: Маркус, казалось, телепортировался из другой эпохи, из доисторических времен, а порой казалось, что и с другой планеты. Плавая в мешковатых штанах и гавайской рубашке, открытой до пупа, его низкорослая фигура, казалось, была специально изогнута, чтобы вписаться в интерьер его автомобиля. Обутый в пару шлепанцев, он управлял машиной одной ногой — пяткой, стоявшей на сцеплении, и пальцами, перемещавшимися с педали газа на педаль тормоза.

— А мне нравится машина дяди Маркуса! — откликнулся Чарли, заерзав на заднем сиденье.

— Спасибо, малыш! — ответил тот, подмигивая мальчику.

— Чарли! Пристегни ремень и прекрати елозить, — приказал Джонатан. Затем, повернувшись к другу, он спросил: — Ты был в ресторане сегодня днем?

— Э-э... Мы же сегодня закрыты, разве нет?

— Но ты хотя бы взял на себя доставку уток?

— Каких еще уток?

— Утиных ножек с рукколой, что поставляет нам Боб Вудмарк по пятницам!

— А! А я-то думал, про что такое я забыл!

— Чертов осел! — рассердился Джонатан. — Как можно было забыть то единственное, что я попросил тебя сделать?

— И чего так все драматизировать... — проворчал Маркус.

— Ах вот как! Пусть Вудмарк и невыносим, но его фирма поставляет нам наши лучшие продукты. Если ты его прокатил, он рассердится и больше не захочет иметь с нами дело. Сделай крюк через ресторан: бьюсь об заклад, что он оставил свой груз на заднем дворе.

— Я смогу посмотреть сам, — уверил его Маркус. — А сначала я отвезу вас до...

— Нет! — перебил его Джонатан. — Ты несчастный бездельник, на которого невозможно положиться, так что я возьму все в свои руки.

— Но малыш же уже никакой!

— Нет, нет! — обрадовался Чарли. — Я хочу поехать в ресторан, я тоже!

— То есть решено, — отрезал Джонатан. — Поверни на Третью улицу, — приказал он, вытирая рукавом конденсат на лобовом стекле.

Но старая «Рено 4» не любила сворачивать со своего маршрута. Ее узких шин не хватало для хорошего сцепления, и внезапное изменение направления движения чуть не спровоцировало аварию.

— Ты же совсем не можешь контролировать это свое безобразие! — взревел Джонатан. — Блин, ты убьешь нас!

— Я делаю, что могу! — заверил его Маркус, выворачивая руль под звуки раздраженных клаксонов.

Лишь поднявшись по Кирни-стрит, драндулет обрел подобие стабильности.

— Ты в таком состоянии потому, что увидел мою сестру? — спросил Маркус после долгого молчания.

— Франческа всего лишь твоя сводная сестра, — поправил его Джонатан.

— Как там она?

Джонатан посмотрел на него с враждебностью.

— Если ты думаешь, что мы болтали...

Маркус знал, что эта тема болезненна для его друга, и не стал настаивать. Он сосредоточился на вождении, и вскоре они достигли Коламбус-авеню, где он припарковал свою «крошку» перед пивной «Френч Тач» на углу Юнион-стрит и Стоктон-стрит.

Как Джонатан и думал, Боб Вудмарк оставил свой груз на заднем дворе ресторана. Двое мужчин тут же подхватили ящики и поместили их в холодильную камеру, а потом пошли проверить, все ли в порядке в главном зале.

«Френч Тач» представлял собой кусок шестиугольника в центре Норт-Бич, итальянского квартала Сан-Франциско.

Небольшое, но очень приятное, это место воспроизводило интерьер французского бистро 30-х годов: деревянные панели, лепнина, мозаичные полы, огромные зеркала в стиле «бель эпок», старые афиши Жозефины Бейкер, Мориса Шевалье и Мистенгетт. Заведение предлагало традиционные блюда французской кухни, непритязательные и лишённые каких-либо претензий. На доске, висевшей на стене, можно было прочесть: «Пирог из улиток с мёдом, филе утки с апельсинами, торт Тропезьен...»

— А можно мне мороженое, папа? — спросил Чарли, усаживаясь перед оцинкованной стойкой, шедшей вдоль всего зала.

— Нет, дорогой. Ты его уже съел несколько кило в самолёте. И потом, уже очень поздно, и тебе давно пора быть в постели.

— Но ведь праздники...

— Ну Джон, будь добряком! — попросил Маркус.

— О нет, ещё и ты теперь!

— Но это же Рождество!

— Два мелких зануды! — не смог удержаться от улыбки Джонатан.

Он занял место в углу ресторана, за прилавком открытой кухни, которая позволяла гостям принять участие в приготовлении пищи.

— Что сделало бы тебя счастливым? — спросил он у сына.

— «Белая Дама»! — в восторге закричал малыш.

«Повар» с ловкостью сломал несколько плиток тёмного шоколада, размельчил их в небольшой миске, которую потом поставил растапливаться в водяной бане.

— А тебя? — спросил он Маркуса.

— Можно было бы открыть бутылочку вина...

— Если хочешь.

Широкая улыбка озарила лицо Маркуса. Он с энтузиазмом направился в своё любимое место: в подвал ресторана.

В это время под жадными взглядами Чарли Джонатан положил в чашку два шарика ванильного мороженого, добавив к нему безе. Как только шоколад расплавился, он добавил в него ложку сливок, потом полил горячим шоколадом мороженое и покрыл все это взбитыми сливками, а сверху ещё посыпал поджаренным миндалем.

— Наслаждайтесь! — сказал он, втыкая небольшой бумажный зонтик в купол из крема.

Отец и сын устроились за столом, прижавшись друг к другу на мягком диване. Чарли, с блеском в глазах, вооружился длинной ложкой и начал дегустацию.

— Посмотрите на это чудо! — воскликнул Маркус, возвращаясь из погреба.

— «Screaming Eagle»^[3] 1997 года! Ты что, сошел с ума? Эти бутылки у нас только для гостей! — возмутился Джонатан.

— Давай! Это будет мой рождественский подарок, — уговаривал его Маркус.

После чисто формального сопротивления Джонатан все же согласился открыть дорогое вино. В любом случае это было лучше, чем если бы Маркус пошел выпить куда-нибудь в другой ресторан. Так, по крайней мере, можно было за ним следить. В противном случае канадец мог бы начать турне по барам, а когда он находился под воздействием алкоголя, немедленно что-то случалось и стихийные бедствия происходили одно за другим. Бывало, что собутельники пользовались добротой и доверчивостью Маркуса, чтобы обыграть его в покер и заставить подписать расписки по фантастическим долгам, которые Джонатану потом приходилось как-то урегулировать.

— Полубойся цветом этого нектара! — восхитился Маркус, переливая вино в графин.

Маркус, внебрачный ребенок отца Франчески и кантри-певицы из Квебека, после смерти своего отца, богатого нью-йоркского бизнесмена, не получил ни сентима. Его мать умерла недавно, и он продолжал поддерживать отношения с Франческой. Оставшись без гроша в кармане, он жил в полной беззаботности, безразличный к своей внешности, не обращая внимания на правила этикета и законы жизни в обществе. Он спал по двенадцать часов в день, иногда помогая в ресторане. Но жизненные стрессы и график работы, казалось, его совершенно не трогали. Не от мира сего, в равной степени наивный и милый, он был трогательным, хотя последствия его безответственности часто выглядели весьма утомительными для того, кто привык управлять своей повседневной жизнью.

Пока Джонатан находился в браке, он видел в Маркусе лишь придурка, с которым у него не может быть ничего общего. Но когда Франческа от него ушла, её брат оказался единственным, кто его поддержал. В то время, несмотря на то что у него был Чарли, Джонатан соскользнул в черную дыру депрессии. Праздный и беспомощный, он впал в печаль и стал слишком часто посещать господ Джека Дэниелса и Джонни Уокера.^[4]

К счастью, чудесным образом Маркус смог оставить свою лень и первый раз в жизни взял дело в свои руки. Он заметил старый итальянский ресторанчик, который как раз менял собственника, и смог убедить новых покупателей превратить его во французское бистро, доверив печи своему зятю. Эта инициатива позволила Джонатану восстановиться. Но, едва почувствовав, что друг спасен, Маркус вновь погрузился в обычную заторможенность.

— Твое здоровье! — крикнул он, протягивая Джонатану бокал вина.

— То есть это у нас Рождество, наступившее раньше срока, — заключил Джонатан, включая радио в стиле ар-деко, которое он разыскал на блошином рынке в Пасадене.

Он настроил радио на рок-станцию, транслировавшую живую версию песни «Зажги мой огонь».

— Ах! Как хорошо! — воскликнул Маркус, откидываясь на спинку дивана, и было непонятно, говорит он о вине или о музыке группы «Дорз».

Джонатан, в свою очередь, тоже попытался расслабиться. Он расстегнул ворот рубашки и сбросил куртку, но вид лежащего на столе телефона Маделин раздражал его. «Эта история с мобильниками лишит меня клиентов!» — вздохнул он. Некоторые из постоянных гостей ресторана действительно имели его личный номер: это была привилегия, которая позволяла им рассчитывать на столик даже в вечерние часы пик.

Пока Маркус рассматривал аппарат, Джонатан взглянул на своего сына, который уже спокойно спал. Он хотел бы взять десяток праздничных дней, чтобы провести их с Чарли, но не мог себе этого позволить. Он как раз выбрался из финансовой пропасти, которая почти поглотила его несколько лет назад, и эта история научила его избегать разных кредитов,

овердрафтов, неоплаченных штрафов и тому подобного.

Он прикрыл глаза, и к нему явилась Франческа, такая, какой он ее видел в аэропорту. Прошло уже два года, но боль еще жила. Почти невыносимо. Джонатан открыл глаза и сделал глоток вина, чтобы прогнать ее образ. Это была не та жизнь, о которой он мечтал, — это была ее жизнь.

— Эй! Неплохая бабешка! — воскликнул Маркус, и его жирные пальцы заскользили по сенсорному экрану, пролистывая фотографии, находившиеся в памяти мобильного.

Заинтригованный, Джонатан склонил голову к экрану.

— Давай посмотрим.

Среди изображений молодой женщины некоторые выглядели удивительно эротично. Ее позы были увековечены в черно-белом изображении: мелкие кружева, атласные бретельки, рука, робко прикрывающая грудь или касающаяся линии бедра. Впрочем, ничего серьезного в то время, когда многие закачивали себе онлайн-ленты чистого секса...

— Можно посмотреть, папа? — спросил неожиданно проснувшийся Чарли.

— Нет, нет. Спи. Это не для детей.

Удивительно, но, несмотря на свой вздорный и чопорный облик, эта чума из аэропорта продемонстрировала им достаточно шаловливые позы.

Более удивленный, чем возбужденный, Джонатан увеличил лицо модели. Видимо, она забавлялась, добровольно придаваясь игре, но за ее улыбкой можно было заметить некоторый дискомфорт. Без сомнения, такого рода снимки были в кайф ее бойфренду, который на время возомнил себя Хельмутом Ньютоном.^[5] Кто стоял за камерой? Ее муж? Любовник? Джонатан видел в аэропорту какого-то мужчину, но сейчас не смог вспомнить, как тот выглядел.

— Ладно, хватит! — сказал он, несмотря на разочарованный взгляд Маркуса.

Вдруг почувствовав себя подсматривающим, он задался вопросом, по какому праву вдруг влез в частную жизнь этой женщины.

— Как будто это помешает ей сделать то же самое! — заметил Маркус.

— Я об этом позаботился: нет никакого риска, что она найдет подобного рода фотографии в моем телефоне! — воскликнул Джонатан, подливая себе вина. — Или ты думаешь, что я уже успел позабавиться, фотографируя Пополь...

Каберне отдавало изысканными красными фруктами и пряниками. Наслаждаясь напитком, Джонатан мысленно перебрал все, что могло находиться в его мобильнике, но так и не вспомнил ничего особенного.

«В любом случае ничего интимного или компрометирующего», — успокоил он себя.

В этом он крупно ошибался.

Париж
7.30

«Ягуар» последней модели с ребристым капотом двигался в холодной металлической синеве парижской кольцевой дороги. Весь из благородных материалов — белой кожи, орехового дерева и полированного алюминия, — интерьер машины дышал роскошью и безопасным комфортом. На заднем сиденье сумки марки «Монограм» соседствовали с сумкой для гольфа и номером «Фигаро магазин».

— Ты уверена, что хочешь открыть свой магазин сегодня? — снова спросил Рафаэль.

— Дорогой, — воскликнула Маделин, — мы говорили об этом уже несколько раз!

— Но можно было бы продолжить каникулы... — настаивал он. — Я еду до Довилля, мы проводим ночь в Нормандии и завтра обедаем с моими родителями.

— Заманчиво, но... нет. Кроме того, у тебя назначена встреча с клиентом, ты же собирался съездить на стройку.

— Тебе решать, — капитулировал Рафаэль, поворачивая на бульвар Журдана.

Данфер-Рошро, Монпарнас, Распай: автомобиль проехал большую часть XIV округа, а потом остановился у дома 13 по улице Шампань-Премьер, прямо перед темно-зеленой входной дверью.

— Я заеду за тобой сегодня вечером в магазин? — спросил Рафаэль.

— Нет, я приеду к тебе на мотоцикле.

— Но ты же замерзнешь!

— Может быть, но я обожаю свой «Триумф»! — сказала Маделин, целуя его.

Поцелуй длился, пока клаксон торопящегося водителя такси не вернул их жестоко на землю.

Маделин хлопнула дверцей автомобиля и отправила прощальный поцелуй своему любовнику. Она набрала код, чтобы открыть дверь, ведущую во внутренний двор. Там, на первом этаже, находилась квартира, которую она снимала с тех пор, как стала жить в Париже.

— Бррр! Да тут минус пятнадцать! — задрожала она, входя в небольшой дуплекс, типичную студию художника, которые были построены в этом районе в конце XIX века.

Маделин, чиркнув спичкой, зажгла водонагреватель, а потом включила чайник, чтобы приготовить себе чай.

Студия художника уже давно уступила место красивой двухкомнатной квартирке с гостиной, небольшой кухней и спальней в мезонине. Но высокие потолки, большие окна, прорезавшие главную стену, и пол из крашеного дерева еще напоминали об изначальном художественном призвании помещения, внося особый шарм в характер этого места.

Маделин включила канал «ТСФ-джаз», проверила батареи и отхлебнула чаю, переступая с ноги на ногу в ритме со звуками трубы Луи Армстронга, пока в квартире не стало тепло.

Она быстро приняла душ, дрожа вышла из ванной комнаты и достала из шкафа футболку из термолактила, джинсы и толстый свитер. Готовая идти, она откусила шоколадку «Киндер буэно», одновременно с этим надевая кожаную куртку и повязывая на шею самый теплый шарф.

Было чуть более восьми часов, когда она оседлала свой ярко-желтый мотоцикл. Ее магазин находился совсем близко, но она

не хотела возвращаться домой перед встречей с Рафаэлем. С развевающимися на ветру волосами, она пролетела несколько сотен метров по улице, которую так любила. Здесь Рембо и Верлен сочиняли свои стихи, Арагон и Эльза Триоле любили друг друга, а Годар увековечил эту улицу в конце своего первого фильма — в той грустной сцене, когда Жан-Поль Бельмондо падает с пулей в спине прямо на глазах своей американской невесты.

Маделин повернула на бульвар Распай и поехала по улице Делабр до «Чудесного сада» — магазина, который она открыла два года назад и который был ее гордостью.

Она подняла железные рольставни с трепетом — еще никогда ее отсутствие не было столь долгим. На время отпуска в Нью-Йорке она доверила бразды правления в магазине Такуми, своему японскому ученику, заканчивавшему обучение в Парижской школе флористики.

Войдя в помещение, Маделин вздохнула с облегчением — Такуми в буквальном смысле сделал все так, как она велела. Он отоварился накануне в Рунжи, и магазин был полон свежими цветами: орхидеями, белыми тюльпанами, лилиями, мимозами, нарциссами, фиалками. Большая елка, которую они наряжали вместе, сияла всеми огнями, а венки из остролиста и омелы свисали с потолка.

Успокоившись, Маделин сбросила куртку, надела фартук, собрала свои инструменты — секатор, лейку, мотыгу — и сосредоточилась на наиболее важных задачах: протерла листья фикуса, пересадила орхидеи и обрезала бонсай.

Она задумывала свой цветочный магазин как некое магическое и поэтическое место, оазис, способствующий размышлениям, убежище от шума и агрессивности большого города. Как бы ни было грустно днем, она хотела, чтобы ее клиенты могли забыть про свои заботы в тот момент, когда переступали порог ее магазина. В канун Рождества атмосфера «Чудесного сада» была особенно очаровательной, возвращала людей к ароматам детства и старым традициям.

После того как «первая помощь» закончилась, Маделин вынесла сосны, чтобы установить их в передней, и открыла свой магазин ровно в девять часов.

Она улыбнулась, увидев первого клиента (среди ее коллег ходила старая примета: если первым окажется мужчина, день будет удачным), но нахмурилась, услышав его просьбу: он хотел доставить букет жене, не оставляя визитной карточки. Это была такая новая модная уловка среди ревнивых мужей — заказать доставку цветов анонимно, а потом наблюдать за реакцией своих жен. Если, когда он вернется домой, она не скажет ему о букете, он убедится, что у нее есть любовник... Клиент оплатил заказ и вышел из магазина, не обратив внимания на состав букета.

Маделин начала работать. Такуми должен был к десяти часам доставить собранный ею букет в банк на улице Булар. И тут послышались звуки песни «Джек-попрыгунчик».^[6] Она нахмурила брови. Знаменитая песня «Роллинг Стоунз» слышалась из кармана ее рюкзака, в котором находился мобильный телефон этого Джонатана, или как его там. Она засомневалась, отвечать или нет, а когда решилась, вызов прекратился. Тишина продержалась минуту, а потом короткие и глухие сигналы начали указывать на то, что имеется пропущенное сообщение.

Маделин пожала плечами. Не будет же она слушать вызов, предназначенный не для нее... У нее есть и другие дела! И потом, ей было совершенно наплевать на этого Джонатана, такого грубого и такого неприятного. Но...

Движимая любопытством, она вдруг нажала на сенсорный экран и приложила телефон к уху. Послышался чей-то нерешительный голос: это явно была американка, говорившая с легким итальянским акцентом. Незнакомка изо всех сил пыталась подавить слезы.

— Джонатан, это я, это Франческа. Перезвони мне, пожалуйста. Нам нужно поговорить, нужно... Я знаю, что я предала тебя, знаю, что ты не понимаешь, почему я все испортила. Вернись, пожалуйста, сделай это ради Чарли, сделай это ради нас. Я люблю тебя... Ты не забудешь, но ты же меня простишь. У нас же только одна жизнь, Джонатан, и мы должны идти вместе и иметь еще детей. Начнем сначала, пусть все будет как прежде. Без тебя это не жизнь...

Голос итальянки захлебнулся в бесконечной грусти, и сообщение прекратилось.

В течение нескольких секунд Маделин стояла неподвижно, потрясенная тем, что услышала, и охваченная чувством вины. По рукам ее пробежали мурашки. Она вздрогнула, потом положила мобильник, еще полный слез, на стол, задавая себе вопрос, что она будет делать.

3

По Секрету

У каждого человека есть тайны. Нужно лишь выяснить какие.

Стиг Ларссон

Джонатан переключил передачу, перейдя на третью. Коробка передач издала пронзительный металлический скрежет, как будто автомобиль готов был развалиться на месте. Он потребовал ключи от «Рено 4»: хотя дом и находился близко, было невозможно даже представить, чтобы за руль сел Маркус. Лежа на пассажирском кресле, его друг потягивал вино и орал похабные куплеты из репертуара Жоржа Брассанса:

Лишь о Фернанде вспоминаю,
я кончаю, я кончаю...

— Потихе! — приказал Джонатан, бросив взгляд в зеркало заднего вида и убедившись, что его сын еще спит.

— Пардон, — извинился Маркус, повернувшись, чтобы опустить боковое стекло машины. Он высунул голову через окно, подставив лицо ветру, словно ночной воздух мог помочь ему протрезветь.

«Парень совсем покроется инеем...» — подумал Джонатан, замедляя движение и вновь переключая передачу, чтобы машина пошла со скоростью улитки-астматика.

Маленький автомобиль выехал на западную сторону Филберт-стрит, одной из самых крутых улиц в Сан-Франциско. В начале подъема драндулет кашлянул, угрожая развалиться, но в конце концов восстановил дыхание и кое-как достиг вершины холма,

освещенного белым светом Койт-Тауэр, мемориальной башни, возвышавшейся над городом. Джонатан произвел опасный маневр, чтобы припарковаться, повернув колеса в сторону тротуара. Испытав облегчение от того, что удалось благополучно добраться до места, он взял сына на руки и двинулся в проход между эвкалиптами, пальмами и бугенвиллеями.

Маркус, шатаясь, последовал за ним. Он снова начал петь свои непристойные песни, причем опять очень громко.
— Дайте выспаться! — крикнул сосед.

Джонатан подхватил друга под руку, чтобы заставить его поторопиться.
— Ты мой единственный настоящий друг, мой единственный реальный при... — бормотал пьяный Маркус, повиснув у него на шее.

Джонатан с трудом поддерживал его, и эти два с половиной мужчины с трудом спустились по деревянным ступенькам, которые шли вдоль Телеграф-Хилл. Винтовая лестница посреди всей этой почти тропической растительности предназначалась для обслуживания небольших разноцветных домов. Нетронутые разрушительным землетрясением 1906 года, эти жилища, первоначально построенные для моряков и докеров, ценились теперь у художников и разбогатевших интеллектуалов.

Наконец все трое подошли к воротам дикого и весьма пышного сада, где сорняки в итоге выжили рододендроны и фуксии.
— Ну, все по своим комнатам! — скомандовал Джонатан тоном главы семьи.

Он раздел Чарли, положил его и поцеловал, поправив одеяло. Затем сделал то же самое с Маркусом, за исключением поцелуя — это было бы слишком...

Уже в тишине Джонатан прошел на кухню, налил себе стакан воды и с ноутбуком под мышкой вышел на террасу. Несмотря на разницу во времени, он подавил зевоту, помассировал веки и опустил на тиковый стул.

— Что, приятель, не спится?
Джонатан повернулся на голос: это был Борис, тропический попугай, живший в доме. Он и забыл о нем!

Птица принадлежала бывшему владельцу, оригиналу, который включил в договор обязательство для любого покупателя дома заботиться во веки веков о его любимце. Борису уже было больше шестидесяти лет. На протяжении десятилетий его бывший хозяин ежедневно посвящал час его обучению говорить. Попугай знал тысячу слов и сотни готовых фраз, которые выдавал на удивление кстати.

Будучи флегматиком, он отлично ужился с новыми хозяевами, на радость Чарли. Конечно же, птица была прекрасно знакома и с Маркусом, который обучил ее целой коллекции ругательств капитана Хэдцока.^[7] Но это существо было тем еще шутником, и Джонатан смог лишь в определенной степени оценить его грязный характер и острый язык.

— Не спи-и-ится? — повторила птица.
— Да, представь себе, я слишком устал, чтобы спать.
— Придурок! — отозвался Борис.

Джонатан подошел к величественно сидящему на жердочке попугаю. У Бориса был большой крючковатый клюв и крепкие когти. Несмотря на возраст, его частично золотистые, частично бирюзовые перья сохранили блеск, а черный подшерсток, очерчивавший контуры глаз, придавал ему вид гордый и высокомерный.

Птица покачала длинным хвостом, расправила крылья и потребовала:
— Хочу яблок, слив и бананов...

Джонатан посмотрел на попугая.
— А не хочешь огурцов и цикория?
— Цикорий противный! Хочу орехов и аррраххххиса.

— Вот именно, а я хочу Мисс Вселенную к себе в постель. — Джонатан покачал головой и вошел в электронную почту. Ответил двум своим поставщикам, подтвердил несколько заказов столиков и закурил, глядя на тысячи огней, блестящих в океане. Отсюда вид на залив был просто великолепен. Небоскребы делового квартала стояли перед огромным силуэтом моста Бэй-Бридж, шедшего в сторону Окленда. И тут этот момент полнейшего спокойствия вдруг нарушил необычный звонок телефона: звук скрипки. Если верить не самым глубоким музыкальным знаниям Джонатана, это было начало «Каприза» Паганини.

Телефон Маделин Грин.
Если он захочет спать, надо будет не забыть его выключить: из-за разницы во времени телефонные звонки, скорее всего, могли пойти чаще. Джонатан решил ответить.

— Да?
— Это ты, моя дорогая?
— Э-э...
— Не слишком устала? У вас была хорошая поездка, я надеюсь.
— Отлично. Очень любезно, что вы об этом заботитесь.
— Но вы не Маделин?
— Верно подмечено!
— Это ты, Рафаэль?
— Нет, меня зовут Джонатан, я из Сан-Франциско.
— Джулиана Вуд, очень приятно. А можно поинтересоваться, почему вы отвечаете на телефонные звонки моей лучшей подруги?
— Потому что мы случайно обменялись мобильниками.
— В Сан-Франциско?
— В Нью-Йорке, в аэропорту. Короче, это слишком долго объяснять.
— Ах? Это смешно...
— Да, особенно когда это происходит с другими. То есть вы...
— А как это случилось?

— Ладно, слушайте, уже поздно, и это не очень интересно.

— О нет! Напротив, расскажите мне!

— Вы звоните из Европы?

— Я звоню из Лондона. Я попрошу Маделин все мне рассказать. Какой у вас номер?

— Простите?

— Ваш номер телефона.

— ...

— Чтобы я могла позвонить Маделин...

— Но я не дам вам свой номер, я вас не знаю!

— Но ведь у Маделин ваш телефон!

— О, черт! Но у вас же есть другой способ как-то связаться! Вам нужно позвонить Рафаэлю, вот!

«Что за сплетница!» — подумал он, решив закончить разговор.

— Алло, алло, — повторила Джулиана на другом конце света и, поняв, что он отключился, раздраженно подумала: «Вот негодай!»

Джонатан решил выключить мобильник, но любопытство вдруг подтолкнуло его еще раз посмотреть на снимки, сохраненные в телефоне. Кроме двух или трех чувственных поз, большинство файлов составляли обычные туристические снимки — настоящий сувенирный альбом приключений романтической пары. Маделин и Рафаэль демонстрировали свою любовь на пьяцца Навона в Риме, в гондоле в Венеции, перед зданиями Гауди в Барселоне, в трамваях Лиссабона и на лыжах в Альпах. Там было много мест, где Джонатан и сам побывал в свое время с Франческой, когда они любили друг друга. Глядя на счастье других, он испытал боль и поэтому лишь быстро пробежал эту галерею.

Тем не менее он продолжил исследование телефона, с интересом просмотрев музыкальную библиотеку Маделин. Он ожидал худшего — сборников эстрадных песенок, попсы и ар-энд-би, но обнаружил всю музыку, которую сам так любил: Тома Уэйтса, Лу Рида, Дэвида Боуи, Боба Дилана, Нила Янга.

Там были меланхолические и богемные композиции, в которых пелось о свободе и о разрушенных судьбах. Там были прекрасные блюзы...

Это было удивительно. Конечно, не ряса делает монахом, но ему было трудно представить себе, чтобы эта навороченная и наштукатуренная молодая женщина из аэропорта могла погружаться в такие миры.

Продолжая свои исследования, он просмотрел названия фильмов, что были загружены у Маделин. Очередной сюрприз: никаких романтических комедий и серий «Секса в большом городе» или «Отчаянных домохозяек». Там были гораздо более спорные «Последнее танго в Париже», «Столкновение», «Пианистка», «Полуночный ковбой» и «Покидая Лас-Вегас».

Джонатан застыл на последнем названии: эта история невозможной любви между безнадежным алкоголиком и проституткой была его любимым фильмом. Впервые он увидел картину, когда находился на вершине профессионального и семейного успеха. Тем не менее долгое падение Николаса Кейджа, топящего в алкоголе все свои проблемы, показалось ему почти знакомым. Это был такой фильм, который бережит ваши раны, будит старых демонов и инстинкты разрушения. Он отправляет вас к вашим самым потайным страхам, к одиночеству, напоминает о том, что никто не застрахован от падения в ад. В зависимости от состояния вашего духа этот фильм может вызывать тошноту или же заставить яснее увидеть самого себя. В любом случае он не оставит равнодушным.

Безусловно, у Маделин Грин были весьма неожиданные вкусы.

Недоумение Джонатана стало больше, когда он пробежался по ее электронной почте и эсэмэскам. Помимо чисто профессиональных сообщений, по большей части Маделин переписывалась с Рафаэлем — ее спутником, очевидно очень влюбленным в нее и заботливым, а также с Джулианой, болтушкой и сплетницей, но при этом преданной и лучшей подругой, к тому же отличающейся остроумием. Десятки сообщений от одного парижского предпринимателя позволяли догадаться о предстоящем переезде в Сен-Жермен-ан-Ле, где Маделин и Рафаэль с большой любовью выбрали себе дом, чтобы свить в нем свое первое гнездышко. Судя по всему, пара была на седьмом небе от счастья, разве что...

Продолжая то, что можно было бы назвать поиском, Джонатан наткнулся на электронный ежедневник Маделин и нашел там отметки о регулярных встречах с неким Эстебаном. Он тут же представил себе такого аргентинского плейбоя, любовника молодой англичанки. Дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, с 18 до 19 часов Маделин ездила на встречи со своим южноамериканским казановой! Любезный Рафаэль, а был ли он в курсе подобных проделок своей невесты? Нет, конечно. Джонатан в свое время пережил подобную незадачу, когда ему довелось узнать об измене Франчески как раз в тот момент, когда он был уверен, что его брак находится в полной безопасности от любых торнадо.

«Все они такие...» — разочарованно подумал он.

На фотографиях Рафаэль выглядел немного пресным — в свитере, накинутом на плечи, в голубой рубашке он походил на идеального сына. Но в этом столкновении с разрушителем семейного счастья, каковым, без сомнения, был этот Эстебан, Джонатан не мог не почувствовать к Рафаэлю симпатии — давала о себе знать солидарность обманутых мужей.

Среди прочих встреч постоянно возникал термин «гинеко»: доктор Сильвия Андрие, с которой Маделин шесть месяцев консультировалась по поводу проблемы бесплодия. По крайней мере, это можно было предположить по письмам, отправленным из медицинской лаборатории, которые Маделин перевела в резервные копии.

Перед экраном ее мобильного Джонатан чувствовал себя немного подглядывающим, и ему было от этого не по себе, но что-то

в этой женщине начало притягивать его.

В последние недели Маделин прошла ряд наиболее распространенных тестов для выявления возможного бесплодия: температурные кривые, отбор проб, ультразвуковые и радиографические исследования. Джонатан имел об этом представление: они с Франческой в свое время столкнулись с аналогичными проблемами и прошли тем же маршрутом до рождения Чарли.

Он потратил время и ознакомился с результатами более тщательно. Как ему удалось понять, они были скорее хорошими. У Маделин были регулярные циклы, обнадеживающие гормональные анализы и овуляция, не нуждавшаяся в стимулировании. Даже ее дорогой и нежный сдал свое семя на анализ и с облегчением констатировал, что его сперма достаточно обильна и мобильна, чтобы позволить иметь потомство.

Для полноты картины не хватало только одного анализа, так называемого теста Гюнтера. Просматривая электронный ежедневник, Джонатан увидел, что за последние три месяца его дата несколько раз переносилась.

Странно...

Он хорошо помнил свое душевное состояние в то время, когда сам проходил с Франческой этот тест, который позволяет проверить совместимость пары. У него имеются некоторые ограничения — анализ следует проводить в течение двух дней перед овуляцией и менее чем через двенадцать часов после незащищенного полового акта. При этом как только вы принимаете решение подвергнуть себя этому анализу, у вас остается только одно желание: чтобы все закончилось как можно быстрее, чтобы быть уверенным.

Почему же Маделин три раза переносила даты тестирования?

Он ломал себе голову, понимая, что не сможет найти ответ на этот вопрос. В конце концов, переносить встречи мог гинеколог или Рафаэль.

— Иди спать, Коко! — призвал его Борис.

На этот раз птица была права. Во что это он играл, в два часа ночи отчаянно роясь в мобильном телефоне женщины, с которой случайно пересекся всего на две минуты?

Джонатан встал со стула, решив идти спать, но телефон продолжал давить на него своей притягательной силой. Не будучи в состоянии его отложить, он подключил его к вай-фай и снова обратился к коллекции фотографий. И он вновь пробежал по позам Маделин, пока не нашел то, что хотел найти. Он пустил фотографию на распечатку.

Принтер покряхтел, а потом выдал ему картинку, изображающую типичный американский портрет молодой женщины у Большого канала в Венеции. Джонатан постарался как бы войти в изображение и проследить за взглядом Маделин.

В выражении ее лице читалась какая-то тайна. За светом и улыбкой он почувствовал некую трещину, что-то такое безвозвратно сломанное, словно фотография несла в себе подсознательное сообщение, которое он никак не мог расшифровать.

Джонатан вернулся на террасу. Загипнотизированный этим телефоном, он решил просмотреть различные приложения, загруженные Маделин, — выпуски новостей, планы парижского метро, информацию о погоде...

— В чем твой секрет, Маделин Грин? — прошептал он, касаясь экрана.

— Маделин Гри-и-и-ин, — громко повторил попугай.

В доме напротив зажегся свет.

— Хотелось бы поспать! — выругался сосед.

Джонатан открыл было рот, чтобы отругать Бориса, но тут одна программа привлекла его внимание: женский календарь, в котором Маделин записывала большую часть своей интимной жизни. Организованное как ежедневник, это приложение хранило в памяти дни ее месячных, напоминало о днях овуляции, уточняло дни, когда можно было забеременеть, и рассчитывало среднюю продолжительность менструального цикла. А еще этот «журнал» следил за динамикой веса, температуры и настроения, а специальные иконки в форме сердечек позволяли пользователю определить дни, когда у хозяйки телефона был секс.

Джонатан изучил расположение сердечек на календаре, и очевидность буквально бросилась ему в глаза: Маделин утверждала, что хочет ребенка, но позаботилась о том, чтобы не заниматься любовью в свои фертильные периоды...

4

Разница Во Времени

Сердце женщины представляет собой лабиринт тонкостей, бросающий вызов грубой натуре мужчины-охотника. Если вы действительно хотите обладать женщиной, надо начать думать, как она, и первое, что нужно сделать, — это завоевать ее душу.

Карлос Руис Сафон

А в это время в Париже...

— Такуми, окажи мне услугу.

Настенные часы в магазине пробили 11 часов. Стоя на приставной лестнице, с заколотыми волосами и расцарапанными руками, Маделин заканчивала составление огромного букета из остролиста.

— Конечно, мадам, — ответил молодой ученик.

— Прекрати называть меня мадам! — раздраженно одернула его Маделин, спускаясь на несколько ступенек.

— Хорошо, Маделин, — покраснев, согласился Такуми.

Называть свою начальницу по имени означало перейти границу близости, и он чувствовал себя неудобно.

— Мне хотелось бы, чтобы ты отправил посылку, — объяснила Маделин, протягивая ему небольшой пакет, в котором находился телефон Джонатана.

— Конечно, мада... то есть Маделин.

— Вот адрес в Соединенных Штатах, — уточнила она, протягивая ему бумажку в 20 евро.

Такуми посмотрел на адрес:

Джонатан Лемперер
«Френч Тач»
1606 Стоктон-стрит
Сан-Франциско 94133
США

— Джонатан Лемперер... Это шеф-повар? — спросил Такуми, садясь на электромопед, на котором он доставлял заказы.

— Ты его знаешь? — поинтересовалась Маделин, выйдя вместе с ним на тротуар.

— Все его знают, — ответил ее ученик, не понимая своей оплошности.

— Это значит, что я королева дур?

— Нет, э-э... Не так, я... — забормотал он.

Теперь Такуми стал совсем пунцовым. Маленькие капли пота выступили у него на лбу, а взгляд уткнулся в землю.

— Ладо, сделаешь себе харакири как-нибудь в другой раз, — ободрила его Маделин. — А пока скажи мне, кто этот тип.

Японец сглотнул слюну.

— Несколько лет назад Джонатан Лемперер держал лучший ресторан во всем Нью-Йорке. Родители пригласили меня туда, чтобы отпраздновать мой университетский диплом. Это было легендарное место: нужно было год стоять в листе ожидания, и там были такие оригинальные ароматы, какие не встречались нигде в мире.

— Я не думаю, что речь идет о том же человеке, — сказала Маделин, указывая на конверт. — Адрес, что он дал мне, это — ресторан, но больше похожий на таверну, чем на что-то пятизвездочное.

Такуми положил пакет в свой рюкзак и пнул педаль, не стремясь узнать больше.

— Пока. — Маделин слегка махнула рукой ему вслед и вернулась в магазин.

Слова ученика возбудили ее любопытство, но она попыталась возобновить работу, как будто ничего не случилось. С момента открытия магазин не пустовал. Как и День святого Валентина, Рождество пробуждало в людях эмоции: любовь, ненависть, одиночество, тоску. Только сегодня утром она увидела в своем магазине целую вереницу персонажей, один оригинальнее другого: один старый соблазнитель отправил двенадцать букетов двенадцати кокеткам из двенадцати разных городов; женщина средних лет отправила букет орхидей сама себе, чтобы утереть нос коллегам в офисе; молодая американка явилась вся в слезах, чтобы отправить своему парижскому любовнику букет из завядших цветов, что должно было означать их окончательный разрыв. Что же касается местного булочника, то он заказал в качестве подарка для своей любимой мачехи огромный мексиканский кактус с длинными и острыми шипами...

Маделин унаследовала страсть к цветочному искусству от отца. Сначала, руководствуясь исключительно энтузиазмом, она занималась самообразованием, а затем поступила на курс Пивердьер в престижной школе флористов в Анже. Она гордилась тем, что помогает людям отмечать крупные события в жизни: рождение, крещение, первое свидание, свадьбу, примирение, продвижение по службе, выход на пенсию, похороны. Цветы сопровождали людей от колыбели до самой могилы.

Она принялась за составление нового букета, но через пять минут оставила это занятие. Ей никак не удавалось выбросить из головы то, что рассказал Такуми.

Маделин прошла за прилавком и, включив компьютер, ввела слова «Джонатан Лемперер» в Гугле и получила более 600 тысяч упоминаний! Тогда она вошла в Википедию. Электронная энциклопедия содержала массу информации о шеф-поваре. Была там и фотография — без всякого сомнения, на ней был изображен тот самый человек, которого она встретила накануне в аэропорту, хотя на фотографии Джонатан выглядел чуть моложе и сексуальнее. Озадаченная, Маделин надела тонкие очки и, покусывая кончик карандаша, приступила к чтению информации на экране.

Джонатан Лемперер родился 4 сентября 1970 года, шеф-повар и французский бизнесмен, который провел большую часть своей карьеры в Соединенных Штатах.

Обучение

Гасконец по происхождению, он вышел из семьи скромных рестораторов и очень молодым начал работать в «Перстне с печаткой», ресторане своего отца, на площади Освобождения в Оше. С шестнадцати лет он поступил учеником и поменял несколько специальностей: служащий при кухне у Дюкасса, Робюшона и Ленотра, а потом стал помощником знаменитого провансальского шеф-повара Жака Лару в стенах «Ля Бастид» в Сен-Поль-де-Вансе.

Развитие

Самоубийство наставника продвинуло Лемперера во главу «Ля Бастид». Несмотря на все трудности, он умудрился удержать уровень заведения, став в двадцать пять лет самым молодым французским шеф-поваром во главе трехзвездочного предприятия, по гиду Мишлен.^[8] Престижный «Отель дю Капд Антиб» затем воспользовался его услугами, чтобы возродить свой ресторан «Ля Траттория». Менее чем через год после открытия заведение тоже получило три звезды, что сделало Джонатана Лемперера одним из четырех шеф-поваров, собравших шесть звезд в знаменитом справочнике.

Признание

В 2001 году он повстречал Франческу, дочь американского бизнесмена Фрэнка ДеЛилло, приехавшую в «Отель дю Кап» на свой медовый месяц с банкиром Марком Чедвиком. Франческа и Джонатан полюбили друг друга, и она развелась менее чем через неделю после свадьбы, поссорившись со своей семьей, в то время как руководство отеля, желая сохранить свою репутацию, уволило шеф-повара.

Пара уехала в Нью-Йорк, где они и поженились. С помощью своей жены Джонатан Лемперер открыл свой

собственный ресторан «Император», который находился на вершине Рокфеллер-центра.

Для Лемперера это стало началом особенно творческого периода. Экспериментируя с новыми технологиями, сохраняя при этом вкус блюд традиционной средиземноморской кухни, он стал одним из гуру «молекулярной гастрономии». Его успех был мгновенным. Через несколько месяцев он стал любимцем всех знаменитостей, политиков и кулинарных критиков. В тридцать пять лет был избран лучшим поваром в мире, по версии международного жюри, составленного из четырехсот обозревателей, которые отметили его «яркую кухню» и способность предложить гостям «необыкновенное по вкусу путешествие». В то время ресторан получал каждый год десятки тысяч заказов со всего мира, и очень часто приходилось ждать больше года, чтобы получить свободный столик.

Икона средств массовой информации

Помимо карьеры в качестве шеф-повара, Джонатан Лемперер прославился многочисленными выступлениями на телевидении, в том числе в программах «Час с Джонатаном» на Би-би-си-Америка и «Секреты шеф-повара» на Фокс, которые собирали каждую неделю миллионы телезрителей, а потом расходились в виде книг и на дивиди.

В 2006 году, при поддержке Хиллари Клинтон, сенатора от штата Нью-Йорк, Лемперер начал крестовый поход против меню нью-йоркских столовых. Его встречи с учащимися, родителями и учителями в конечном итоге привели к принятию в учебных заведениях более сбалансированных меню.

Со своей очаровательной улыбкой, в кожаной куртке и с неотразимым французским акцентом, молодой шеф-повар зарекомендовал себя как икона современной кухни и вошел в список самых влиятельных людей, по версии журнала «Тайм». Еженедельник даже дал ему по этому поводу прозвище «Том Круз кухонных печей».

— Вы продаете эти украшения?

— Простите?

Маделин подняла глаза от экрана. Поглощенная жизнью Лемперера, она и не заметила, что в магазин вошел клиент.

— Украшения, вы продаете их? — повторила женщина, указывая на деревянные полки пастельных тонов, где стояли всякие аксессуары: древние термометры, старые часы с кукушкой, клетки для птиц, треснутые зеркала, ветрозащитные лампы и ароматические свечи.

— Э-э... Нет, извините, они являются частью интерьера, — солгала Маделин, желая поскорее вернуться обратно к биографии Джонатана.

Бизнесмен: создание группы «Император»

Лемперер совместно с женой создал группу «Император», предназначенную развивать бренд. Пара стала открывать предприятие за предприятием: бистро, пивные, винные бары, роскошные отели... Их империя простиралась по всему миру — от Лас-Вегаса до Майами, проходя через Пекин, Лондон и Дубай. В 2008 года группа «Император» насчитывала более 2 тысяч сотрудников в более чем 15 странах мира и давала оборот в десятки миллионов долларов.

Финансовые трудности и уход из мира гастрономии

Пока клиенты продолжали осаждать его нью-йоркский ресторан, французский шеф-повар начал подвергаться все более и более жестоким атакам. Те же критики, которые несколько лет назад высоко оценивали его творчество и талант, теперь вдруг стали упрекать его в том, что он распыляется и становится «просто машиной для зарабатывания денег».

А тем временем многие виды деятельности концерна еще были далеки от достижения порога своей рентабельности. Группа «Император» начала тонуть в долгах и к декабрю 2009 года оказалась на грани банкротства. Несколько недель спустя, после расставания со своей женой, Джонатан Лемперер выбросил белый флаг, объявив себя «уставшим от критики», «лишенным вдохновения» и «разочаровавшимся в мире гастрономии». В возрасте тридцати девяти лет он был вынужден сдать лицензию на эксплуатацию своего имени и окончательно отошел от дел, оставив после себя заметный след в области современной кухни.

В конце статьи говорилось, что в 2005 году Лемперер издал книгу под названием «Признания влюбленного повара». Два-три клика — и она оказалась на сайте пивной «Френч Тач», которую в настоящее время Джонатан держал в Сан-Франциско. Сайт явно давно не обновлялся. Там значились некоторые примеры меню за 24 доллара: луковый суп, черный пудинг с яблоками, пирог с инжиром. Ничего особенного для того, кто несколько лет назад стоял во главе лучшей в мире кухни.

«Как такое могло произойти?» — спросила себя Маделин, прогуливаясь среди сосновых деревьев и орхидей. Она прошла в глубину магазина, устроенного как сад, и присела на качели, свисающие с огромной ветки, прикрепленной к потолку.

Звук магазинного телефона вернул ее к действительности.

Она вскочила с места и взяла трубку. Это был Такуми.

— Ты еще на почте?

— Нет, мада... то есть Маделин. Из-за забастовки тут все закрыто.

— Ладно, прежде чем вернуться, сделай крюк через книжный магазин и купи мне книгу. Тебе есть чем записать? Вот ее название: «Признания влюбленного повара»...

5

You've Got Mail^[9]

Желание узнать кого-то полностью есть способ узурпировать, эксплуатировать его.
Это постыдное желание, от которого следует отказаться.

Джойс Кэрол Оутс

Сан-Франциско, середина ночи

Джонатан резким ударом включил неоновый свет над зеркалом в ванной. Он не мог спать из-за нервозности и изжоги, которые не прекращали мучить его с того момента, как он выпил этого проклятого вина. Окруженный ореолом бледного света, он порывался в аптечке, пытаясь найти успокоительное и что-нибудь от гастрита. Достав две таблетки, он пошел на кухню, чтобы запить их минеральной водой.

В доме было тихо. Маркус, Чарли и даже Борис уже давно пребывали в объятиях Морфея. Створки окна остались приоткрытыми, но было не холодно. Поднялся теплый ветер, заставив мягко зазвучать бамбуковые шторы, и лунный свет упал сквозь стекло на экран телефона, который он поставил на зарядку. Джонатан не мог с собой ничего поделаться: одним нажатием на кнопку он активировал устройство, которое мгновенно загорелось яркими кристаллами. Маленькая красная точка свидетельствовала о том, что Маделин получила сообщение. Что-то вроде шестого чувства заставило его нажать на соответствующий значок, чтобы прочитать сообщение. Оно было послано десять минут назад и, как бы странно это ни выглядело, было послано ему...

Дорогой Джонатан (избавим себя с самого начала от месье Лемперера и мадемуазель Грин, не так ли?! В конце концов, я думаю, что если у вас хватило наглости прочитать мое сообщение, вы также должны были взглянуть на мои фотографии и даже полюбоваться двумя-тремя «художественными» снимками из моего альбома. Значит, вы извращенец и это ваша проблема, но избавьте меня хотя бы от выкладывания их в Фейсбуке, потому что я не уверена, что мой будущий муж будет вам за это признателен...

Дорогой Джонатан (бис), пользуюсь своим обеденным перерывом (да-да, в Париже уже за полдень), чтобы написать вам, наслаждаясь сэндвичем с мелко рубленной свининой, заботливо приготовленным фирмой «Пьер энд Поль», видным членом «Братства рыцарей рубленой свинины из Сарта», а также пекарней, что находится прямо передо мной. Я расположилась на солнышке, прямо за их дегустационной стойкой. Так что мой рот набит колбасными изделиями, хлебные крошки рассыпаны по всему свитеру, а жирные пятна украшают экран вашего прекрасного телефона: это не очень гламурно, согласна, но зато так вкусно. Наконец, не мне рассказывать вам о наслаждениях прелестями хорошей еды...

Итак, дорогой Джонатан, я отправляю вам это маленькое сообщение, чтобы сообщить две новости: одну хорошую, а другую плохую. Начнем с плохой: как вы знаете, в начале школьных каникул забастовка парализует прекрасную страну, каковой является Франция. Аэропорты, автострасы, общественный транспорт, почты — все заблокировано. Такуми, мой юный ученик, обнаружил закрытую дверь в почтовое отделение на бульваре Монпарнас, и я сейчас не могу отправить вам ваш телефон.

С уважением,

Маделин.

Реакция Джонатана не заставила себя долго ждать. Через двенадцать минут последовал его ответ:

Вы что, шутите? Что за забастовка?

Если она не собиралась отправлять ему его мобильник, не может быть и речи о том, чтобы он вернул ее!

Маделин ответила тридцать секунд спустя:

Еще не спите в это время, Джонатан? Вы вообще никогда не спите? Не из-за этого ли недостатка сна происходит та смесь раздражительности и плохого настроения, что, похоже, характеризует вас?

Джонатан вздохнул и передал новое сообщение:

Кстати, а вы обещали мне хорошие новости, чтобы компенсировать плохие...

Сидя на табурете, Маделин проглотила последний кусочек своего сэндвича, а потом ответила:

Точно, вот хорошая новость: несмотря на холод и забастовки, в Париже очень красиво.

Едва послав это сообщение, она стала ждать ответ, и он быстро пришел.

Вот теперь уже нет никаких сомнений: вы смеетесь надо мной.

Маделин не могла сдержать улыбку, несмотря на его озабоченность. Помешав возвращению телефона к его владельцу, эта забастовка общественных служб возложила на нее груз ответственности, а это ей было совсем не нужно. Должна ли она была рассказать Джонатану о сообщении, оставленном его бывшей женой, которая звывала к нему из Нью-Йорка, умоляя вернуться и жить с ней? Маделин невольно стала владелицей жизненно важной информации для этой пары, и это ей не нравилось.

Она заказала второй бокал вина и выпила его, наблюдая через стекло за движением пешеходов и автомобилей. Находясь близко от многих крупных торговых точек, улица Деламбр в этот последний уик-энд рождественских покупок была сильно оживлена. На тротуарах, освещенных лучами солнца, дутые пальто парижан, куртки подростков, детские шапочки, пестрые шарфы, стук каблучков и идущий из ртов пар — все смешалось в опьяняющем движении цветов и лиц.

Маделин допила свой бокал вина и, будучи немного навеселе, взялась за перо (если можно так выразиться), чтобы написать еще одно сообщение:

Дорогой Джонатан!

Сейчас 13 часов. Мой обеденный перерыв подходит к концу, и тем лучше, потому что, если я останусь на минуту дольше в этом заведении, то почувствую, что хочу проглотить и их торт татен с яблоками, шариком мороженого и всем прочим. Это настоящий убийца, как говорят у вас, но искушение за неделю до Рождества, согласитесь, не может быть разумным.

Было очень приятно побеседовать, хотя и кратко, с вами, несмотря на ваше плохое настроение, а также сварливость, угрюмость и мрачность, которые, как я понимаю, стали чем-то вроде вашего бренда, что вряд ли кому-то покажется привлекательным. В заключение позвольте мне все же удовлетворить свое любопытство, задав вам три вопроса:

- 1) Почему так называемый лучший повар в мире сегодня подает стейки в простом районном бистро?
- 2) Почему вы все еще не спите в 4 часа утра?
- 3) Любите ли вы еще свою бывшую жену?

Едва Маделин коснулась кнопки «ОТПРАВИТЬ», как поняла, что совершила глупость. Но слишком поздно...

Она вышла из «Пьер энд Поль» и, все еще немного пьяная, попыталась перейти улицу.

— Эй! Смотри, куда ты идешь, растяпа! — с ненавистью крикнул ей какой-то тип, который чуть не задавил ее своим мопедом.

Чтобы избежать наезда, Маделин резко отпрянула на шаг, но тут же была «накрыта» клаксоном джипа, пытавшегося объехать мопед справа. Она испугалась и едва увернулась от внедорожника, пробежав к противоположному тротуару, сломав при этом каблук сапога.

«Вот дерьмо!» — прошептала она, открывая дверь магазина, чтобы укрыться в своем «Чудесном саду». Она обожала Париж, но ненавидела парижан...

— Все в порядке, мадам? — спросил Такуми, видя, что она в шоке.

— Что-то тебя долго не было! — упрекнула его она, желая сохранить самообладание.

— Пардон. Все хорошо, Маделин?

— Да, просто этот проклятый каблук...

Она оставила фразу незавершенной и слегка смочила лицо водой, прежде чем под взглядом своего сотрудника, похожим на взгляд жареного мерлана, снять обувь и куртку.

— Бесполезно сверлить меня таким похотливым взглядом, дальнейшего стриптиза не последует, — язвительно заметила она.

Увидев, что Такуми покраснел, как пион, Маделин пожалела о своей вспышке и решила не смущать больше своего ученика.

— Ты можешь идти на обед. Не торопись, я обо всем позабочусь.

Оставшись одна в магазине, она с волнением достала телефон Джонатана. От него уже был ответ:

Дорогая Маделин!

Если это может удовлетворить ваше любопытство, вот ответы на ваши вопросы:

1) «Лучшим поваром в мире» я был очень давно. Давайте предположим, что я, как писатель, потерял вдохновение и страсть, необходимые для инновационных творений. Тем не менее, если вы с вашим Рафаэлем будете в Сан-Франциско, не упустите возможности зайти и насладиться стейком в нашем ресторане. Наши ребрышки удивительно нежны и вкусны, что же касается нашего жаркого, то это на самом деле жареный картофель с чесноком, базиликом и петрушкой. «Красотки из Фонтенуа» выращиваются в небольших количествах одним местным производителем, и все наши клиенты находят их особенно тающими во рту и достаточно прожаренными.

2) Это правда, сейчас 4 часа утра, и я все еще не сплю. В чем причина? Два вопроса, что застряли у меня в голове, мешают мне спать.

3) А не пойти бы вам...

Одесская улица. Такуми вошел в небольшой ресторан, где он любил бывать. Поприветствовав хозяина, он устроился немного позади, во втором зале, где было тише и меньше народа, и заказал себе слоеный пирог из томатов и козьего сыра: это было местное блюдо, которое для него открыла Маделин. Ожидая, он взял свою сумку и достал оттуда карманный словарь, чтобы посмотреть слово «похотливый», а найдя его, еще больше засмутился. Словно пойманный на месте преступления, он вдруг подумал, что все клиенты сверлят его обвиняющими взглядами. Маделин находила удовольствие в том, чтобы провоцировать его, сбивая с убеждений и установок. Ему было досадно, что она не относится к нему серьезно и рассматривает его скорее как подростка, чем как мужчину. Эта женщина очаровывала его, словно какой-то загадочный цветок. Чаще всего она была «большим солнцем», то есть блондинкой, словно подсолнух, распространяя вокруг себя свет, уверенность и энтузиазм. Но в некоторые моменты она могла становиться таинственной и темной, словно черная орхидея: это был редкий цветок, который всегда искали коллекционеры, и он расцветал посреди зимы под пальмами Мадагаскара.

Клиент вошел в неподходящее время. Чтобы его обслужить, Маделин пришлось перестать писать сообщение и спрятать мобильник в карман фартука. Это был подросток, от пятнадцати до семнадцати лет, на вид беби-рокер, каких много в выпускных классах лицеев приличных кварталов: узкие джинсы, белая рубашка, дулая куртка известной марки, тщательно растрепанные волосы.

— Могу ли я вам чем-то помочь?

— Я... э-э... Да, я хотел бы купить цветы, — объяснил он, положив футляр своей гитары на стул.

— Хорошо. Если бы вы хотели купить круассаны, это доставило бы мне больше проблем.

— Че?

— Ничего, забудем об этом. Большой круглый букет или большие цветы?

— Ну, я не знаю на самом деле.

— Пастельных тонов или яркий?

— Че? — повторил подросток, как если бы она говорила на китайском.

«Определенно, не самый смысленный представитель своего поколения», — подумала Маделин, пытаясь сохранить спокойствие и улыбку.

— Ну, у вас есть представление о сумме, которую вы могли бы потратить на покупку?

— Не-а. Но это могло бы быть че-то в районе трехсот евро?

На этот раз она не смогла сдержать вздоха: люди, которые не имели ни малейшего понятия о стоимости денег, были ей

отвратительны. В доли секунды всплыли на поверхность несколько воспоминаний о ее детстве: годы безработицы отца, жертвы ее семьи ради того, чтобы она смогла учиться... И как только могла существовать такая пропасть между этим ребенком, родившимся с серебряной ложкой во рту, и девчонкой, какой была она?

— Эй, слушай сюда, пацан, те не нада триста евро, чтоб купить букет. В любом случае не в моем магазине, понял?

— Да, — ответил он тихо.

— А эти цветы, для кого они?

— Для женщины.

Маделин подняла глаза к небу.

— Для твоей матери или для подружки?

— На самом деле для подруги моей матери, — сказал он немного смущенно.

— Ну, и какое сообщение ты хотел бы передать, даря этот букет?

— Сообщение?

— Ты даришь цветы — с какой целью? В благодарность за то, что она подарила тебе свитер на день рождения, или чтобы сказать что-то еще?

— Э-э... скорее последнее.

— Блин, это любовь делает тебя таким притырком или ты всегда такой? — не выдержала Маделин.

Подросток не счел нужным отвечать. Маделин отошла от прилавка и начала составлять букет.

— Как тебя зовут?

— Жереми.

— А подруга твоей матери, она какого возраста?

— Э-э... старше, чем вы, в любом случае.

— А сколько мне, по-твоему?

Опять же он предпочел не отвечать, что доказывало, что он был, пожалуй, не таким уж и кретином, как выглядел.

— Хорошо, ты этого не заслуживаешь, но вот лучшее из того, что у меня есть. — Она протянула ему букет. — Это мои любимые цветы: тулузские фиалки. Одновременно и просто, и шикарно, и элегантно.

— Это очень красиво, — признал он. — Но на языке цветов что это значит?

Маделин пожала плечами.

— На фиг этот язык цветов. Дари то, что ты находишь красивым, вот и все.

— Но все-таки, — настаивал на своем Жереми.

Маделин сделала вид, что размышляет.

— В том, что ты называешь «языком цветов», фиалка олицетворяет скромность и застенчивость, но она также символизирует и тайную любовь, так что если ты боишься, что это может показаться каким-то неоднозначным, я могу вместо этого составить букет из роз.

— Нет, фиалки мне очень даже подходят, — ответил он, одарив ее широкой улыбкой.

Он оплатил покупку и при выходе из магазина поблагодарил Маделин за ее советы.

Наконец-то оставшись одна, она достала телефон и поспешила закончить свое послание:

Джонатан, тысячу раз прошу прощения за такое неловкое вторжение в вашу частную жизнь. Один лишний стаканчик вина заставил меня написать быстрее, чем следовало бы. Это было белое вувре с ароматом меда, розы и абрикоса. Вы, наверное, такое знаете, а если это так, то вы простите меня :-)

Я надеюсь, что почтовая забастовка не продлится вечно, но, чтобы не рисковать, я собираюсь воспользоваться услугами частного перевозчика. Я связалась с курьером, и он приедет забрать телефон в конце дня. Даже считая выходные и праздничные дни, я уверена, что вы получите посылку до среды.

Позвольте мне пожелать веселого Рождества вам и вашему сыну.

Маделин.

PS: Я любопытна, извините. Вы написали мне в своем последнем сообщении, что если вы все еще не спите посреди ночи, то это потому, что два вопроса застряли у вас в голове и они мешают вам спать. Будет ли нескромным спросить вас, что это за вопросы?

Дорогая Маделин!

Хотите знать, что за загадки мешают мне спать? Вот они:

1) Интересно, кто такой ЭСТЕБАН.

2) Я удивляюсь, почему вы делаете вид, что хотите иметь ребенка, и в то же самое время принимаете все меры предосторожности, чтобы НЕ ИМЕТЬ его...

Потрясенная, Маделин выключила телефон и отошла от него, словно стремясь избежать опасности.

Он знал! Эстебан, ребенок... Этот тип копался в ее мобильнике и догадался обо всем!

Капля пота скользнула по ее спине. Она услышала стук сердца в груди. Руки ее тряслись, она почувствовала дрожь в ногах.

Как это было возможно? Ее ежедневник и ее электронная почта, конечно же...

В животе вдруг образовалась пустота, и Маделин пришлось приложить усилия, чтобы не потерять равновесие. Нужно было срочно успокоиться: со всем этим в одиночку Джонатан Лемперер не мог добраться до сути. Пока он не наложил руку на что-то другое, это не представляло реальной угрозы.

Но в недрах ее телефона содержался один документ, на который он не должен был наткнуться. То, чем сама Маделин не имела права обладать. То, что уже уничтожило ее жизнь и привело ее к вратам безумия и смерти.

Теоретически, тайна была хорошо защищена. Лемперер был грязным пронырой, но не асом в информатике и не профессиональным шантажистом. Он играл с ней, веселился за ее счет, но если она не станет скандалить, ему просто надоест.

По крайней мере, на это она надеялась.

6

Нить

Потому что (они) были соединены нитью (...), которая могла существовать лишь между двумя особями их типа, между двумя людьми, которые узнали свое одиночество в одиночестве другого.

Паоло Джорадано

Сан-Франциско
9.30

Маркус проснулся с трудом. Как лунатик, он прошел в ванную, стал под душ, не снимая пижамы, и стоял под струей до тех пор, пока бак водонагревателя не опустел. Ледяная вода заставила его открыть один глаз, а потом, быстро вытершись, он поплелся в свою комнату и обнаружил, что его ящик для нижнего белья пуст. Все трусы и футболки были свалены в плетеную корзину. Маркус вопросительно поднял бровь. Джонатан, столько раз угрожавший прекратить стирать его одежду, на сей раз свою угрозу осуществил!

— Джон! — позвал он, прежде чем понял, что сегодня суббота и в это время его друг, наверное, уже уехал на фермерский рынок в Эмбаркадеро, куда он навещался каждую неделю.

Тогда он залез в гору грязной одежды и вытянул оттуда первое из «многоцветного», что попало.

Затем Маркус поплелся на кухню и на ощупь нашел термос, который Джонатан готовил каждое утро, опустился на стул и отхлебнул большой глоток черного чая. Напиток словно разогнал его нейроны, и к нему внезапно пришло озарение: он быстро разделся и постирал свое нижнее белье в раковине при помощи жидкости для мытья посуды, после чего открыл дверцу микроволновой печи и выставил восемь минут.

Довольный собой, он вышел на террасу.

— Привет, прррропойца! — встретил его Борис.

— Здравствуй, эктоплазма в перьях, — ответил Маркус, погладив птицу.

В знак дружбы попугай прыгнул, склонил голову и открыл клюв, предлагая ему полуразжеванную массу из смеси различных фруктов.

Маркус поблагодарил его, а затем вытянулся во весь рост на солнце, зевнув так, что у него чуть не отвалилась челюсть.

— Встряхни котлетами! Встряхни котлетами! — крикнул попугай.

Подгоняемый подобными увещаниями, Маркус осуществил то, что считал наиважнейшей задачей дня: проверил систему водяного насоса, который орошал десяток кустов конопли, скрытых за розарием. Джонатан не одобрял его маленькое сельское хозяйство, но закрывал на это глаза. В конце концов, Калифорния была ведущим западным производителем индийской конопли, а Сан-Франциско считался символом терпимости к любым видам контркультуры.

Маркус еще некоторое время постоял на террасе, наслаждаясь теплом. Проведя большую часть своей жизни в холодном Монреале, он особенно любил мягкий климат Калифорнии.

На Телеграф-Хилл было трудно поверить, что приближается Рождество: начинали цвести золотистые венчики жасмина; пальмы, сливы и олеандры сияли на солнце; деревянные домики сгибались под весом плюща, и все тонуло в пышных джунглях, где чирикали воробьи и разноцветные колибри.

Несмотря на относительно ранний час, отдельные пешеходы уже спускались по ступеням лестницы Филбер. Обильная растительность не полностью скрывала дом от посторонних глаз, так что некоторые прохожие были удивлены, а другие вообще пребывали в шоке, но никто не остался равнодушным к этому волосатому изваянию, перебрасывающему непристойными словами с попугаем.

Маркус не обращал на них внимания, пока один турист не достал свой фотоаппарат, чтобы запечатлеть эту сцену.

— Может быть, вы оставите меня покое в моем доме! — проворчал Маркус и отступил в сторону кухни как раз в тот момент, когда таймер микроволновой печи просигнализировал об окончании «приготовления».

Интересуясь результатом, он открыл печь и достал свою одежду. Она была не только сухой, но и очень теплой и мягкой!

«Кроме того, все пахнет булочками», — поздравил он себя, вдыхая аромат белья.

Встав перед зеркалом, он натянул все на себя, довольно поправил штаны, провел ладонями по футболке, на которой красовалось его любимое изречение: «OUT OF BEER (life is crap)».^[10]

В желудке заурчало. Голодный, он открыл холодильник, порылся в его содержимом и приготовил рискованную смесь: на ломтик хлеба намазал толстый слой арахисового масла, покрыл его сардинами в масле, а сверху поместил ломтики банана.

«Вкуснота!» — подумал Маркус со вздохом удовлетворения. Он несколько раз откусил свой сэндвич, а потом вдруг заметил их. Фотографии Маделин.

Более пятидесяти портретов, приколотых к пробковой доске, прикрепленных магнитами к металлическим дверям шкафов или даже приклеенных к стенам.

Очевидно, его друг провел большую часть ночи, печатая эти фотографии. Молодая женщина была на них во всей красе: одна, в паре, анфас, в профиль... Джонатан даже увеличил некоторые снимки.

Озадаченный, Маркус остановил жевательный процесс и подошел к фотографиям. Не отдавая себе в этом отчета, он постоянно наблюдал за Джонатаном. Почему тот вдруг сделал это? В какую тайну он стремится проникнуть, глядя в глаза

Маделин Грин?

Несмотря на его внешний лоск, Маркус знал все слабости друга и понимал, что его «восстановление» еще очень неустойчиво. У каждого человека в сердце пустота, рана, чувство заброшенности и одиночества.

Маркус знал, что рана Джонатана очень глубока и подобное его поведение не сулит ничего хорошего.

А в это время в нескольких километрах...

— Папа, а я могу попробовать вяленое мясо? — спросил Чарли. — Это мясо ковбоев!

Посадив сына на плечи, Джонатан уже почти час бродил между палаток фермерского рынка, находившегося на эспланаде старого пирса. Для ресторатора это был неизменный ритуал: каждую субботу он приезжал сюда делать покупки и искать вдохновение для составления своего еженедельного меню.

Фермерский рынок был типичным местом для Сан-Франциско. Вокруг Ферри-билдинг собиралась сотня фермеров, рыбаков и садоводов, продававших местную биологическую продукцию. Именно там можно было найти самые красивые овощи, самые сочные фрукты, самую свежую рыбу и самое нежное мясо. Джонатан любил это место, которое каждый раз привлекало пеструю толпу: туристов, поваров и просто гурманов, ищущих качественные товары.

— П'жалста, папа, там же есть вяленое мясо! Я же его никогда не пробовал!

Джонатан спустил сына на землю, и тот бросился к прилавку. Полный энтузиазма, Чарли проглотил кусок вяленого мяса и тут же подавил гримасу.

Джонатан озорно подмигнул ему.

Посреди этого праздника вкуса он чувствовал себя как дома. Базилик, оливковое масло, грецкие орехи, свежий козий сыр, авокадо, кабачки, помидоры, баклажаны, зелень, тыква, салаты — он все проверял, нюхал, пробовал, выбирал. «Плох тот повар, который стремится скрыть оригинальный вкус ингредиентов, вместо того чтобы раскрыть его». Жак Лару, шеф-повар, его учитель, передал ему весь свой опыт и строгость в выборе продукции, внимание ко времени года и умение выбирать лучших поставщиков.

Здесь, в саду-огороде Соединенных Штатов, это было не очень сложно. Давным-давно уже органические продукты не считались прерогативой одних только хиппи. Теперь это стало образом жизни как в Сан-Франциско, так и во всей Калифорнии.

Держа Чарли в поле зрения, Джонатан купил пять красивых тушек птицы, десять рыбин-калканов и коробку морских гребешков из Сен-Жака. Он выторговал также десяток омаров и пять килограммов креветок.

При каждом заказе он давал продавцу номер места, где был припаркован его грузовик, чтобы рабочие доставили туда покупки.

— Эй, Джонатан, попробуй-ка вот это! — крикнул ему продавец из Пойнт-Рейеса, протягивая устрицу.

Это была у них такая шутка, ибо француз не признавал местного обычая промывать устрицы водой перед подачей на стол, а посему никогда не ставил этот тип моллюсков в меню своего ресторана.

Джонатан поблагодарил и проглотил моллюска с кусочком лимона и ломтиком хлеба.

Он воспользовался этой паузой, чтобы достать из кармана куртки телефон Маделин. Он посмотрел на экран и оказался немного разочарован тем, что та не ответила на его сообщение. Может быть, он должен был отправить ей эсэмэску с извинениями? Может быть, он зашел слишком далеко? Но эта женщина так заинтриговала его... В эту ночь, распечатав ее фотографии, Джонатан, изучив заполнение памяти телефона, сделал странное открытие:

Емкость диска: 32 Гб

Свободное пространство: 1,03 Гб

Использовано: 96,8%

Доступно: 3,2%

Эта информация удивила его. Как память устройства могла быть настолько переполнена? На первый взгляд в мобильнике было пять фильмов, штук пятнадцать приложений, пятьдесят фотографий, около двухсот песен и... это было все. И этого явно недостаточно, чтобы заполнить всю память. Чтобы понять это, не нужно быть специалистом в области информатики. Вывод? Жесткий диск должен содержать еще какие-то данные.

Опершись локтями на парапет, выходящий прямо на залив, Джонатан закурил сигарету, наблюдая за Чарли, который присел около кроличьей клетки. Без сомнения, было не очень правильно курить здесь, но из-за непродолжительного сна он нуждался в дозе никотина. Он сделал затяжку, отвечая на поклон своего коллеги. Джонатана стали гораздо больше ценить, когда все вышли из его тени! И теперь большинство рестораторов приветствовали его со странной смесью уважения и сострадания. А здесь большинство людей знали, кто он такой: Джонатан Лемперер, бывший шеф-повар, считавшийся самым креативным в своем поколении, бывший Моцарт кухни, бывший босс лучшего ресторана в мире.

Бывший, бывший, бывший...

Сегодня он был никем или почти никем. Юридически у него даже не было права на открытие ресторана. Когда он был вынужден продать лицензию на свое имя, то действительно стремился держаться подальше от кухонных печей. «Френч Тач» не принадлежал ему, и его имя никогда не значилось на фасаде или на сайте ресторана, равно как и на визитных карточках.

В своей статье одна журналистка из «Кроникл» подняла этот вопрос, но она признала, что скромное бистро, которое он возглавлял сегодня, не имеет ничего общего с «Императором». Джонатан также извлек из этого пользу и внес ясность: да, в его новом заведении подают только самые простые блюда по доступным ценам. Нет, он никогда не будет создавать никаких рецептов, и вдохновение к нему не вернулось. Нет, он больше не станет стремиться к каким-либо кулинарным наградам. По крайней мере, все было ясно, и та статья успокоила тех, кто опасался его возможного возвращения.

— Папа, а можно попробовать горох с васоби? — умоляюще спросил Чарли, с любопытством наблюдая за прилавком одного старого азиата, который предлагал также утиные языки и черепаховый суп.

— Нет, приятель. Тебе это не понравится: это очень остро!

— Ну, п'жалста! Это же так красиво!

Джонатан лишь пожал плечами. И почему с самого раннего возраста человеческая природа заставляет нас игнорировать полезные советы?

— Поступай как хочешь. — Он сделал новую затяжку и, прищурившись, посмотрел на солнце. На роликовых коньках, пешком или на велосипедах, множество людей, воспользовавшись хорошей погодой, вышли прогуляться вдоль береговой линии. Вдали сверкал океан, а в синем небе летали чайки, готовые наброситься на любую появившуюся пищу.

Ошпаренный вяленным мясом, Чарли должен был бы вести себя более осторожно, но красивый зеленый горошек усыпил его бдительность, и он проглотил горсть гороха с горчицей...

— Фу! Как жжет! — крикнул он, стараясь выплюнуть все, что проглотил. Под веселым взглядом старого японца ребенок повернулся к отцу. — Ты мог бы меня предупредить! — упрекнул он, стараясь скрыть свою досаду.

— Пойдем выпьем шоколада, — предложил Джонатан, раздавив ботинком окурок и подняв Чарли на плечи.

А в это время в Париже...

Было чуть больше семи вечера, когда курьер толкнул дверь «Чудесного сада». Несмотря на поздний час, в магазине было много народа, и Маделин попыталась сделать все, чтобы удовлетворить своих клиентов.

Сняв шлем, курьер подумал, что попал в другое измерение. Со всеми этими цветами в осенних тонах, смешанными запахами, весами и старой железной лейкой магазин напомнил ему сад в загородном доме его бабушки, где он провел большую часть своих детских каникул. Удивленный неожиданной сладостью этого островка природы, он почувствовал, что впервые за последние годы может вздохнуть полной грудью.

— Могу ли я вам чем-то помочь? — спросил Такуми.

— «Федерал Экспресс», — ответил он. — Меня просили прийти забрать посылку.

— Точно, вот пакет.

Курьер взял картонный конверт, который протянул ему азиат.

— Спасибо, приятного вечера.

Он вышел на улицу и сел на мопед. Выжав сцепление, нажал на стартер и помчался в сторону бульвара. Он уже проехал с десяток метров, как вдруг увидел в зеркале заднего вида женщину, махавшую ему рукой. Он затормозил и остановился у тротуара.

— Я Маделин Грин, — объяснила она, подбежав к нему. — Это я заполнила формуляр в Интернете, чтобы заказать экспресс-доставку этого пакета, но...

— Вы хотите отменить свой заказ?

— И получить пакет обратно, пожалуйста.

— Без проблем. — Молодой человек вернул конверт Маделин. Очевидно, так нередко случалось и заказчики часто меняли свое решение в последний момент.

Она подписала отказ от заказа и дала ему за это 20 евро компенсации.

После этого Маделин пошла в магазин, прижимая телефон к груди и задавая себе вопрос, правильно ли она поступила. Решая не возвращать телефон Джонатану, она понимала, что это может его спровоцировать. Если она не услышит о нем в ближайшие дни, то попросит его вернуть ее телефон, но в случае, если что-то пойдет не так, ей бы хотелось сохранить возможность иметь с ним прямой контакт.

Ей хотелось надеяться, что подобного никогда не случится.

Сан-Франциско

Джонатан продолжил движение под арками Ферри-билдинг. Вот уже более ста лет морской вокзал гордо стоял вдоль набережной Эмбаркадеро. Она пережила свой расцвет в 20-х годах, когда этот пассажирский терминал являлся крупнейшим в мире. Сегодня его главное здание было преобразовано в элегантный торговый пассаж, где сырные лавки, пекарни, продуктовые магазины, итальянские траттории и шикарные бакалеи, следуя друг за другом, создавали некое особое место для прогулок, популярное среди гурманов.

Джонатан купил зимние фрукты: виноград, киви, лимоны, гранаты и апельсины, — а потом, сдержав обещание, данное сыну, предложил ему большую чашку горячего шоколада в кафе, выходившем на причал.

Чарли с облегчением изгнал мягким и ароматным какао привкус горчицы, которая жгла ему рот. Джонатан же довольствовался чашкой пуэра. Его мысли были совсем в другом месте. Сделав первый глоток чая, он проверил экран мобильного. Но там не было никаких известий о Маделин.

Внутренний голос шепнул ему, что стоит остановиться. Во что он играет? Что пытается доказать? И что все это может принести, кроме неприятностей?

Однако он решил проигнорировать эти соображения. Прошедшей ночью он методично открыл все приложения, и одно показалось ему подозрительным: оно позволяло читать файлы большого объема — сканированные документы, фотографии, видео — после перенесения их с компьютера на телефон. Если Маделин и замаскировала какие-то документы в своем аппарате, а именно об этом говорил анализ состояния памяти телефона, то они могли быть только там.

Кроме того, приложение это было защищено паролем!

«Введите пароль».

Джонатан посмотрел на мигающий курсор, предлагающий вести пин-код. На авось он попытался последовательно ввести ее имя, фамилию и само слово «пароль».

Но это не подошло.

Когда третья попытка оказалась неудачной, он взглянул на часы и запаниковал, понимая, что слишком задержался. По выходным он нанимал помощника, молодого повара, но у того не было ключей, а на то, что этот лодырь Маркус придет вовремя, можно было и не рассчитывать.

— Эй, моряк, поднимаем паруса! — приказал он Чарли.

— Ой, папа, а можно пойти поздороваться с морскими львами?

Малыш любил, когда отец брал его посмотреть на этих странных морских животных, которые после землетрясения 1989 года выбрали пристань Пьер-39 местом своего обитания.

— Нет, дорогой, мне надо идти на работу, — ответил Джонатан с небольшой долей вины в голосе. — Мы увидим их завтра в Бодега-Бэй, когда будем ловить рыбу с лодки. О'кей?

— О'кей! — закричал Чарли, вскакивая со стула.

Джонатан вытер салфеткой усы, которые шоколад нарисовал под носом у его сына.

Не успели они дойти до стоянки машин, как телефон завибрировал в его кармане. Джонатан достал его и увидел имя ЭСТЕБАН на экране.

На мгновение он заколебался, стоит ли отвечать самому, но тут ответственный за поставки предложил ему помочь с загрузкой товаров. Чарли с радостью вызвался помогать, и трое мужчин быстро свалили все ящики в грузовой микроавтобус «Остин» модели 1960 года с эмблемой ресторана.

— Пристегни-ка ремень, — попросил Джонатан сына перед включением зажигания.

Поехав в направлении итальянского квартала, он поставил телефон в держатель, приклеенный к лобовому стеклу, и...

Бинго! Эстебан оставил сообщение! Он включил динамик для прослушивания, но вместо ожидаемого мужского голоса услышал мелодичный голос женщины, которая объявила:

— Здравствуйте, мадемуазель Грин, это кабинет доктора Эстебана, я звоню, чтобы узнать, возможно ли перенести на час вашу встречу в понедельник. перезвоните, пожалуйста. Приятных выходных.

Вот так сюрприз! Таким образом, Эстебан — это было не имя любовника из Южной Америки, а имя врача! Охваченный любопытством, он запустил приложение «Желтые страницы» на устройстве, но тут сын вернул его к действительности:

— Смотри на дорогу, папа!

Он кивнул:

— О'кей, парень, сейчас ты мне поможешь.

Радуюсь возможности помочь, Чарли затыкал пальцем по сенсорному экрану, вводя данные в онлайн-каталог. По команде отца он набрал «доктор Эстебан», а затем «Париж», после чего нажал на поиск. Через несколько секунд программа показала результат:

Лоуренс Эстебан

Психиатрическая медицина

66-бис, улица Лас Казес 75007 Париж

Таким образом, Джонатан ошибся относительно прелюбодеяний Маделин, но он угадал причину ее дискомфорта. На фотографиях она, возможно, и демонстрировала видимость полного счастья, но тот, кто два раза в неделю ходит на прием к психиатру, редко является образцом душевного спокойствия...

7

Падший Лемперер

Нам обоим нужно было забыться, переждать какое-то время, чтобы потом отправиться дальше нести свой груз небытия (...) Два заблудившихся существа, которые поддерживают друг друга в своем одиночестве.

Ромен Гари

Париж, VIII округ
1.00
Квартира в небольшом здании в Фобур-дю-Руль

Смесь дождя и снега падала на крыши столицы. При свете ночника, согревшись под одеялом, Маделин закончила последнюю страницу книги «Признания влюбленного повара» Джонатана Лемперера, которую Такуми купил этим утром.

Лежа рядом с ней, Рафаэль спал уже в течение двух часов. Когда он добрался до кровати, то надеялся, что его будущая жена прекратит чтение ради перспективы объятий, но Маделин была словно прикована к книге, и, прождав довольно долго, Рафаэль заснул.

Маделин любила читать в тишине ночи. Хотя квартира Рафаэля и находилась недалеко от Елисейских Полей, это был оазис спокойствия, защищенный от полицейских сирен и криков праздных гуляк. Она пожирала прозу Джонатана со смесью восхищения и отвращения. Книга была датирована 2005 годом. Лемперер проживал тогда свой золотой век, о чем свидетельствовала четвертая страница обложки, где были приведены восторженные отзывы критиков, которыми он мог наслаждаться в то время: «мастер вкуса», «Моцарт гастрономии», «самый талантливый шеф-повар в мире».

В ходе различных интервью Лемперер четко обозначил своего кредо: кулинарные творения — это особое искусство, такое же, как живопись или литература. Для него еда не ограничивалась удовлетворением вкусовых рецепторов, но включала в себя еще и художественный аспект. Более того, повара он считал творцом: сравнивая его работу с деятельностью писателя, сидящего перед пустой страницей, он утверждал, что практикует «авторскую кухню».

«Помимо простой работы ремесленника, я хочу, чтобы моя кухня рассказывала истории и провоцировала эмоции», — говорил он.

В этом контексте он возвращался к началам своих творений, чтобы определить корни своего искусства. Как формировалась его интуиция? Каким образом он сочетал один вкус с другим, чтобы получить неизвестное дотоле сочетание? Какую роль играет фактура блюда и его внешний вид?

«Мне интересно все, — признавался он. — Я питаю свое творческое начало, посещая музеи, выставки живописи, слушая музыку, смотря фильмы и созерцая пейзажи, но мой главный источник вдохновения — это моя жена Франческа. Я закрываю свой ресторан на три месяца, чтобы укрыться в своей студии в Калифорнии. Мне нужно это время для восстановления и для создания новых рецептов, которые я буду предлагать в „Императоре“ в следующем году».

Маделин была удивлена количеством глав в книге, посвященных цветам. Джонатан широко использовал их в своей кухне, именно вокруг них строя часть своих рецептов: бутоны засахаренных настурций, хрустящие кусочки фуа-гра с розовым конфитюром, лягушачьи лапки с карамелью и фиалками, шербет с мимозой и безе с сиренью, прозрачные конфеты с немурскими маками...

Маделин услышала, как урчит у нее в животе. Это чтение возбудило у нее аппетит! Очень тихо она выскользнула из кровати и, завернувшись в одеяло, пробралась на кухню, выходящую прямо на крыши. Она поставила чайник на огонь и открыла холодильник в поиске того, что можно было бы поесть.

Хм, не так-то и много...

Порывшись в шкафах, она достала начатый пакет гранолы.^[11] Пока закипала вода, она пожевала содержимое пакета и пробежала глазами приложения к «Признаниям влюбленного повара», где были напечатаны некоторые из рецептов, создавших особую репутацию нью-йоркского ресторана Лемперера. Во времена, когда Джонатан был шеф-поваром, «Император» каждый вечер предлагал некое кулинарное путешествие, организованное вокруг двадцати блюд, которые можно было посмаковать маленькими порциями, в строго определенном порядке, достойном сценария фильма, с такими же сюрпризами и поворотами. Посмотрев в меню, Маделин не могла сдержать слюноотделение.

Акт 1

Обжаренные в сухарях раки с икрой Хрустящий бекон с сыром Яичница с морскими ежами и пралине Оладьи из цветков акации с зефиром Соте из бобов, обжаренных с чесноком в панировочных сухарях
Настоящая ниццкая пицца

Акт 2

Жареные гребешки Сен-Жак с макаронами и ризотто с миндалем
Ризотто с трюфелями и эмульсией белого шоколада Телячья голень из Страны Басков, нашпигованная жасмином
Каре и седло молочного ягненка с медом и тимьяном

Акт 3

Мороженое с маршмеллоу, растопленное на костре
Ананас с лепестками магнолии
Клубника с цветком настурции, позолоченные сусальным золотом
Сирень с молочным муссом, оливковым маслом и медом
Ломтик банана с какао и рисовый пудинг с цветком бузины
Ложка кокосового карамелизованного мусса
Конфета с сахарной ватой

Маделин с чашкой чая в руке села перед экраном своего ноутбука. Через окно она наблюдала за ворсистыми хлопьями, которые, рассыпаясь, падали на крышу. Помимо своей воли она чувствовала все более и более сильное влечение к Лемпереру и к тайне, окружавшей его внезапный уход с кулинарной сцены. Почему еще молодой человек в полном расцвете славы и на вершине своего искусства вдруг решил покончить со своей карьерой?

Войдя в Гугл, она набрала «Джонатан Лемперер», добавив уточнение: «закрыл свой ресторан», и принялась за поиски...

А в это время в Сан-Франциско...

Четыре часа. Джонатан отправил последний на сегодня десерт — простой пирог с абрикосами и розмарином, — развязал фартук и помыл руки.

«Обслуживание окончено!» — подумал он, покидая кухню. В зале он поприветствовал одного из клиентов и пошел за прилавок приготовить два эспрессо — один для своего помощником, другой — для себя. Он взял чашки, проверил их температуру, чтобы убедиться, что потери тепла будут минимальны и аромат кофе сохранится. В Норт-Бич, итальянском квартале города, с этим не принято было шутить! Здесь и вопроса не стояло о том, чтобы сварганить ристретто или использовать одну из этих капсульных машин, которые — от Шанхая до Нью-Йорка — делают вкус кофе совершенно одинаковым.

С чашкой в руке он вышел на террасу и убедился, что Чарли не слишком скучает. Со своей тачпад-игрушкой парнишка был погружен в мир динозавров и даже не обратил внимания на отца, когда тот присел рядом с ним у одной из жаровен.

Джонатан незаметно закурил, наблюдая за прохожими и детьми, пересекавшими Вашингтон-сквер. Он любил это место и его

атмосфере. Хотя большинство его жителей в настоящее время уже было азиатского происхождения, квартал считался очень привязанным к своему италоамериканскому наследию, о чем свидетельствовали передвижные установки по продаже мороженого, уличные фонари, опоясанные зелено-бело-красными лентами и многочисленные рестораны, где можно было попробовать пасту с песто, панна котту и тирамису. Место это было легендарным: здесь жил Керуак, в местной церкви выходила замуж Мэрилин Монро и Фрэнсис Форд Коппола, постановщик «Крестного отца», обязательно брал отсюда какой-нибудь ресторан или офис.

Джонатан достал из кармана телефон Маделин. Сообщений так и не было. И он принялся за таинственное приложение, решив на этот раз обойти барьер в виде пароля.

«Введите пароль».

Так, надо было действовать по порядку. Нам постоянно вдалбливают, что ключ, который защищает наши дела, так же важен, как секретный код кредитной карты. Отлично. Нам прожужжали уши советами по выбору действительно надежного пароля: избегайте слишком коротких слов, не используйте информацию, известную вашим родным и близким, выбирайте комбинации букв, цифр и специальных символов. Нас уверяют, что в подобном контексте формула типа «!Efu(abu#\$vh%rgiubfu °oalkiis,dCX» была бы лучшим паролем, который практически невозможно взломать.

Да, если не принимать во внимание, что это также невозможно и запомнить...

Джонатан одним глотком проглотил свой кофе. Он был убежден, что надо искать что-то очень простое. В современной жизни нам приходится жонглировать различными видами кодов: кредитные карты, социальные сети, электронная почта... Чтобы получить доступ к любой службе, сейчас необходимо ввести пароль, и это слишком для нашей памяти. Таким образом, чтобы упростить себе жизнь, большинство людей склонны выбирать короткие и знакомые коды, которые легко вспомнить. В нарушение всех правил безопасности, обычно выбор падает на дату рождения, имена жены или детей, кличку животного, номер телефона или на простую серию последовательных цифр или букв.

И Джонатан методично набрал «123456», «abcde», «rafaele», «green» и номер мобильного Маделин.

Неудача.

Покопавшись в почте, он обнаружил сообщение, показавшееся ему интересным: это была заявка на регистрацию, отправленная Маделин дилеру, который продал ей мотоцикл. В нем среди прочего значилась фотокопия ее удостоверения личности. Узнав дату ее рождения, Джонатан набрал «21031978», «21mars1978», «21/03/78», а также по-английски «03211978», «march211978», «03/21/78».

Опять неудача.

— Думай! — подстегнул он себя вслух.

В качестве адреса электронной почты Маделин значилось: maddygreene78@hotmail.com, и он набрал «maddygreene», а затем «maddygreene78».

Неудача.

Джонатан почувствовал, как ярость и разочарование растут в нем. Он сжал кулаки и вздохнул. Это так раздражало — находиться у самой секретной двери и не иметь возможности получить к ней доступ!

Маделин надела тонкие очки, чтобы более комфортно прочитать результаты поиска, появившиеся на ее экране.

«Лемперер отрекается от престола», «свергнутый Лемперер», «падение Лемперера»: французские газеты соревновались в игре слов, объявляя об «отставке» Джонатана. Она нажала на ссылку, которая перенесла ее на статью на сайте газеты «Либерасьон».

КУЛЬТУРА 30/12/2009

ПАДШИЙ ЛЕМПЕРЕР

Волшебник авангардистской кухни провел вчера вечером пресс-конференцию на Манхэттене, в ходе которой было неожиданно объявлено о закрытии его ресторана и о продаже всех его активов.

С бледным лицом и заросший бородой, с запавшими глазами и весь сгорбленный — в таком виде понтифик нью-йоркской гастрономии, французский шеф-повар Джонатан Лемперер объявил в четверг о немедленном закрытии своего ресторана «Император» (три звезды по классификации Мишлен), а также продаже всех активов группы, которую он основал вместе со своей женой Франческой Де-Лилло. Это решение имело тяжелые последствия для двух тысяч сотрудников компании.

Особенный шеф-повар

Расположенный в легендарном «Рэйнбоу-Рум», ресторан «Император» неоднократно назывался лучшим рестораном в мире, по версии британского журнала «Ресторан мэгэзин».

Фантастический и изобретательный для одних, шарлатан и самозванец для других, Лемперер правил кулинарным миром на протяжении почти десяти лет.

Усталость

Оправдывая свое внезапное решение, шеф-повар заявил, что он «устал, измучен и лишен мотивации», объясняя таким образом крайнюю степень своего истощения и неспособность быть всегда на ходу, работать по 18 часов в сутки и 360 дней в году.

«Я остановил все. Окончательно», — сказал Лемперер, категорически исключая возможность дальнейшего руководства большим рестораном. «Я не чувствую больше удовольствия от своего искусства, и я не думаю, что оно в один прекрасный день может вернуться», — пояснил он, заявив также, что устал от критиков, которые не понимают его работы.

Семейные проблемы

Но, похоже, его решение уйти из мира гастрономии связано не только с критикой, но и с семейными проблемами. «Я был очень привязан к своей жене Франческе, и нет никаких сомнений, что наш недавний разрыв повлиял на мое

решение», — признался Лемперер, однако уклонился от дальнейших вопросов о своей личной жизни.

Финансовые проблемы

«Финансовые показатели также сыграли свою роль, сделав мой уход неизбежным», — сказал он. В течение нескольких лет группа «Император» действительно работала с крупной задолженностью, погрязнув в экономической модели с неэффективными и рискованными инвестициями. Таким образом, Лемперер с ножом у горла был вынужден продать лицензию на использование своего имени в роскошном гостиничном комплексе компании «Уин Энтертеймент», которая приняла на себя все активы группы.

Неопределенное будущее

Что будет теперь делать Лемперер, которому еще нет и сорока? Отдыхать? Заряжаться? Делать другую ставку? Шеф-повар оставил смутное представление о своем будущем. Спеша закончить свое выступление, он покинул пресс-конференцию в одиночестве, с потерянным взглядом. У него был вид усталого человека, но, возможно, втайне он испытывал облегчение от того, что не нужно больше продолжать игру с «Императором».

Маделин нажала на другую ссылку: это была статья на сайте «Нью-Йорк таймс», которая давала иное освещение события.

СИНДРОМ ВАТЕЛЯ

Текст: Тед Букер

Опубликовано: 30 декабря 2009 года

Культовый лидер авангардной кухни Джонатан Лемперер стал жертвой синдрома Вателя?^[12]

Нью-йоркский шеф-повар в действительности стал далеко не первым виртуозом печи, который вдруг сошел со сцены, разочаровавшись. Многие великие шеф-повара до него, от Бернара Луазо^[13] до Жака Лару, испытывали постоянный страх падения.

Джонатану Лемпереру чудом удавалось объединять творчество, признание критиков и рентабельность в течение целого десятилетия. Именно это тонкое равновесие и нарушилось сегодня вечером.

Следуя по ссылкам, которые шли после статьи, Маделин подумала, что все они похожи на некрологи, что все заинтересованные стороны говорят о Лемперере так, как если бы он... умер.

Майкл Блумберг, мэр Нью-Йорка, высоко оценил большой талант великого шеф-повара, который стал за эти годы настоящим сыном Нью-Йорка. Хиллари Клинтон напомнила об «активной поддержке Джонатаном Лемперером акций, проводившихся в школах для содействия развитию вкусового воспитания детей». Фредерик Миттеран, министр культуры Франции, приветствовал в нем «гения кулинарного искусства, который сумел внести свой вклад в международную репутацию французской гастрономии».

Но рядом с подобными высказываниями одно мнение явно диссонировало: это было мнение шотландского шеф-повара Алека Бакстера, который заявил, что Джонатана свергли с трона лучшего повара на планете. Бакстер брал реванш и не скрывал своего удовлетворения: «Лемперер был всего лишь падающей звездой в мире кулинарии. Метеором, созданным в средствах массовой информации. И вот наконец его поглотила та самая система, которая выдвинула его наверх. Кто будет помнить его имя через десять лет?»

Но самым сильным, самым личностным и самым острым свидетельством стало мнение Клер Лизье, одного из двух заместителей шеф-повара «Императора»: «Я работала с Джонатаном Лемперером десять лет, — писала она. — Именно он научил меня всему. Он заметил меня, когда я была простой официанткой в кафе „Мэдисон“, куда он каждое утро приходил завтракать. У меня не было продленного разрешения на работу, и он помог мне решить эту проблему, пригласив работать в свой ресторан. Он был человеком большой решимости, требовательным, но щедрым по отношению к своим сотрудникам».

— Ты, матушка, должно быть, была тайно влюблена в него... — пробормотала Маделин и продолжила читать.

«Джонатан представляет собой смесь силы и хрупкости, — продолжала Клер. — У него всегда был тяжелый характер, очень противоречивый, обожающий и боящийся средств массовой информации и славы. В последнее время я чувствовала, что он очень подавлен. Гиперактивный, постоянно находившийся в напряжении, он неустанно стремился к совершенству, и это стало для него своего рода рабством. Он был истощен, неустанно работая с утра до ночи, почти никогда не брал отпуск. Пока жена поддерживала его, у него был некий иммунитет, спасавший его от безумия, но когда она его покинула, он не выдержал. Все ошибаются по поводу Джонатана Лемперера: его жажда признания, его амбиции, его уступки „star system“ не были признаками чрезмерной мании величия. Мне кажется, что он делал это для Франчески. Чтобы угодить ей, чтобы она его любила. С того момента, как они расстались, я думаю, что все это перестало интересовать его, что все потеряло смысл...»

— Что ты тут делаешь?

Маделин аж подскочила и повернулась, словно ее застали на месте преступления. Это был Рафаэль. В халате, сонный, он как-то странно смотрел на нее.

— Ничего, ничего, — заверила его она, торопливо закрывая монитор своего компьютера. — Я... Я заполняла свои счета: взносы, URSSAF,^[14] налоги... Ну, ты же знаешь, что это такое.

— Но ведь сейчас два часа ночи!

— Я не смогла заснуть, дорогой, — объяснила она, снимая очки.

Он сделал глоток чая, уже ставшего холодным, сунул свой нос в пакет гранолы, но оказалось, что тот пуст.

Рафаэль наклонился и поцеловал ее в губы, потом провел рукой под ее ночной рубашкой и погладил живот. Его губы скользнули к шее Маделин. Очень медленно он сбросил одну бретельку ее шелковой рубашки, потом вторую...

Его любовный порыв был внезапно прерван рингтоном «Джека-попрыгунчика». Рафаэль вздрогнул от неожиданности и отступил.

Маделин посмотрела на вибрирующий телефон Джонатана, лежавший рядом с ее компьютером. На экране была изображена брюнетка серьезного вида, с темными и глубокими глазами. Картинка сопровождалась именем: «ФРАНЧЕСКА».

Не дав себе времени подумать, Маделин взяла трубку...

— Пап, мне немного холодно.

Джонатан поднял голову от экрана. В течение часа он был погружен в извилистые блуждания своих мыслей, безуспешно пытаясь взломать пароль Маделин. Он просмотрел большую часть ее почты, терпеливо пропуская через себя информацию и пытаясь найти соответствующий индекс.

— Пойди надень свитер, дорогой, — сказал он, протягивая сыну бумажное полотенце, чтобы тот вытер нос, из которого текло, как из фонтана.

Солнце исчезло, уступив место густому белому туману, покрывшему улицы и парк, на который выходила терраса. Не зря Сан-Франциско называли Городом туманов. Это, кстати, была одна из тайн: густой туман мог окутать весь город с его Золотыми Воротами всего за несколько минут.

Когда Чарли вернулся, одетый в толстую водолазку, Джонатан посмотрел на часы.

— Алессандра не опоздает. Тебе хочется пойти посмотреть мюзикл «Злая» вместе с ней?

Мальчик утвердительно кивнул и тут же воскликнул:

— Вот она! — И он принялся прыгать от радости при виде своей няни.

Студентка была дочерью Сандро Сандрини, владельца одного из старейших итальянских ресторанов в этом квартале. Она училась в Беркли, и каждый раз, когда Чарли приезжал в Калифорнию, Джонатан обращался к ее услугам.

Он поприветствовал девушку, и тут телефон завибрировал в его руке. Он посмотрел, что появилось на экране, и узнал знакомые цифры номера своей бывшей жены!

— Алло?

Франческа нейтральным голосом объяснила, что пыталась до него дозвониться и попала на некую парижанку, которая рассказала ей об обмене мобильниками. Она просто хотела убедиться, что все хорошо, и поговорить с Чарли.

— Это твоя мать, — сказал Джонатан и передал телефон сыну.

8

Те, Кого Любят

Иногда это тоже любовь: отпустить тех, кого любишь.

Джозеф О'Коннор

Округ Сонома

Калифорния

Воскресенье, утро

— Ты не любишь больше маму, ведь так? — спросил Чарли.

«Остин» летел вдоль извилистого берега Тихого океана.

Джонатан и его сын встали на рассвете. Они выехали из Сан-Франциско по хайвэю № 1, проходящему последовательно мимо пляжа Мьюир-Бич с черным песком и богемной деревни Болинас, жители которой в течение десятилетий уничтожали все указатели, чтобы защитить себя от массового туризма.

— Так ты все еще любишь маму? — переформулировал свой вопрос ребенок.

— Почему ты задаешь мне этот вопрос? — спросил Джонатан, убавляя звук радио.

— Потому что я знаю, ты скучаешь по ней, а она хочет, чтобы мы опять жили втроем.

Джонатан покачал головой. Он всегда старался, чтобы его сын не думал, что разлука с его матерью может быть временной. По опыту он знал, что ребенок часто сохраняет тайную надежду, что его родители вновь сойдутся однажды, и ему не хотелось, чтобы Чарли жил в этой иллюзии.

— Забудь об этом, дорогой. Этого не будет.

— Но ты мне не ответил, — заметил мальчик. — Ты ее еще немного любишь или нет?

— Слушай, Чарли, я знаю, что это трудно для тебя и что ты страдаешь в сложившейся ситуации. Мои родители разошлись, когда я был в твоём возрасте. Как и тебе, мне было очень грустно, и я упрекал их за то, что они не приложили усилий, чтобы примириться. Я готов признать, что мы все трое были счастливы, когда твоя мама и я любили друг друга. К сожалению, истории любви не вечны. Это так. И тут важно, чтобы ты понимал, что то время уже позади и оно не вернется.

— Кхм...

— Мама и я, мы друг друга очень любили, и ты — плод этой любви. Только из-за этого я никогда не пожалею о том времени.

— Кхм...

Джонатан никогда не говорил сыну, что Франческа — плохая мать. Да, он мог обвинить ее в том, что она оказалась неверной женой, но она все же была для Чарли прекрасной матерью.

— В отличие от связей внутри пары, связи между родителями и детьми длятся всю жизнь, — продолжил он, дословно используя советы психологов, которые ему доводилось читать. — Тебе не придется выбирать между нами: твоя мать всегда будет твоей матерью, а я всегда буду твоим отцом. Мы оба ответственны за твое образование, и мы всегда будем рядом с тобой, как в счастливые моменты твоей жизни, так и в трудные времена.

— Кхм...

Джонатан посмотрел на пейзаж через лобовое стекло. Дорога, извилистая и дикая, шла вдоль океана. Скалистые утесы, обдуваемые ветрами, делали эти места больше похожими на Великобританию или Ирландию, чем на Калифорнию.

Он чувствовал себя виноватым в том, что не смог найти в разговоре с сыном более точные слова. Для Чарли развод его родителей был внезапным и неожиданным. До этого момента Джонатан старался никогда не вводить его в подробности своих

отношения с его матерью, но было ли это правильным решением? Да, конечно же: ведь как было объяснить ребенку всю сложность брачных отношений и разрушительную силу измен? Несмотря на это, он решил уточнить:

— Я не отрицаю прошлое, но однажды я вдруг понял, что твоя мама — больше не та женщина, которую я думал, что знаю. В течение последних лет нашего брака я был влюблен в иллюзию. Ты понимаешь?

— Кхм...

— Кончай эти свои «кхм»! Ты понимаешь или нет?

— Я не уверен, — ответил ребенок, сделав смешную гримасу.

«Черт, и зачем я ему это сказал?..» — пожалел Джонатан.

Они проехали мимо стада коров и прибыли в пункт назначения: небольшую рыбацкую деревушку Бodega-Бэй. Расположенная в шестидесяти километрах к северо-западу от Сан-Франциско, она стала известна всему миру с тех пор, как Альфред Хичкок снял здесь большинство сцен из своего фильма «Птицы».

Этим зимним утром прибрежный городок медленно оживал. Они припарковались на почти пустой стоянке. Чарли вышел из машины и побежал к причалу, чтобы посмотреть на морских львов, которые грелись на солнце, испуская крики удовлетворения.

В порту несколько палаток предлагали еще шевелящихся ракообразных, а под навесами ресторанов уже показывались в креслах-качалках местные старожилы, наслаждаясь, несмотря на ранний час, гигантскими крабами и клем-чаудером.^[15]

Как он и обещал сыну, Джонатан арендовал лодку, напоминавшую небольшую марсельскую барку.

— Давай, дружище, прямо руля!

Водная гладь была спокойной, идеально подходящей для плавания.

Посудина отошла от берега, а потом остановилась в двух милях от порта. Чарли вытащил свою удочку и с помощью отца насадил червя на крючок, после чего забросил наживку в море.

Джонатан проверил мобильник Маделин, но эта часть страны была вне зоны действия сети. Продолжая следить краем глаза за сыном, он закурил сигарету и с наслаждением затянулся, любуясь птицами, летавшими вокруг лодки. Конечно, Хичкока это не могло не вдохновить: место было буквально наводнено чайками, бакланами, крачками, чьи крики смешивались с противотуманными сигналами лодки.

— Эй, почему ты куришь, если от этого умирают? — спросил Чарли.

Джонатан сделал вид, что не расслышал, и сам спросил:

— Клюет?

Но ребенок решил не отказываться от крестового похода против табака.

— Я не хочу, чтобы ты умер, — сказал он, и его глаза стали влажными.

Джонатан вздохнул.

«Как с этим бороться?»

Он сдался, сделал последнюю затяжку и притушил окурок.

— Доволен?

— Доволен! — ответил мальчик, и выражение лица у него мгновенно стало веселым.

А в это время в Довилле...

Комнатные часы только что пробили семь часов вечера.

Дрова потрескивали в камине. Рафаэль и его отец соревновались друг с другом у бильярдного стола. Сидя на диване из мягкой кожи, Маделин механически кивала головой, вполуха слушая болтовню Изауры — своей будущей свекрови, в то время как Султан, английский кокер, с любовью пускал слюни на ее новые туфли.

Снаружи шел дождь, он стучал по окнам с самого полудня.

— Ах! Я обожаю эту программу! — воскликнула Изаура, переключив вдруг внимание с Маделин на телевизор, который начал транслировать очередную ерунду.

Маделин воспользовалась этим, чтобы встать с дивана.

— Я пойду выкурю сигаретку.

— А я думал, что ты бросила, — запротестовал Рафаэль.

— Это убьет вас, дорогая, — добавила Изаура.

— Без всякого сомнения, — согласилась Маделин. — Но надо же умереть от чего-то, не так ли? — С этими словами она набросила куртку и вышла на террасу.

Хотя ночь уже давно наступила, сложная система прожекторов хорошо освещала небольшой дом в англо-нормандском стиле, подчеркивая его шпили и бирюзовую воду бассейна.

Маделин сделала несколько шагов по террасе и оперлась на перила. Дом нависал над ипподромом, отсюда открывался впечатляющий вид на Довилль.

Она зажгла сигарету и сделала первую затяжку. Ветер хлестал ей в лицо. Убаюканная шумом моря, она закрыла глаза, пытаясь отключиться.

Буржуазный комфорт и инертность этих выходных в кругу семьи вызывали у нее смешанные чувства: умиротворенность, спокойствие, бунт, желание сбежать.

Возможно, когда-нибудь она к этому привыкнет...

Воздух был ледяным. Застегнув до самой шеи молнию на куртке, Маделин натянула капюшон и вытащила телефон из кармана.

С сегодняшнего утра большинство ее мыслей сходилось к Франческе ДеЛилло, с которой она говорила по телефону предыдущей ночью. Эта женщина, ее тайна, ее история действовали на нее, как-то странно очаровали. Их разговор был коротким, но достаточно важным, чтобы преследовать ее весь день. Когда Франческа поняла, что произошло, она попросила, немного сконфузившись, удалить то сообщение, что оставила на автоответчике Джонатана, и сказала, что ему не надо

говорить об этом. Это был «момент слабости», как призналась она. И Маделин ее поняла.

Она вошла в браузер смартфона и набрала имя Франчески в разделе «картинки» поисковой системы. В молодости, продолжая обучение в области управления, бывшая жена Джонатана работала моделью крупных модных брендов. Ее первые фотографии датировались 90-ми годами, показывая ее на подиуме и в различных рекламах. Судя по снимкам, она была похожа на Деми Мур, Кэтрин Зета-Джонс или Моника Беллуччи. Тут же были размещены ее фотографии вместе с Джонатаном — доказательства того, что в счастливые времена пара не стеснялась использовать собственную личную жизнь для увеличения популярности своей компании.

Дождь стал сильнее. Ударил гром, и молния сверкнула прямо рядом с домом, но, погруженная в киберпространство, Маделин этого даже не заметила.

Ее пальцы заскользили по сенсорному экрану и кликнули по значку сайта журнала «Ярмарка тщеславия». Несколько лет назад американский «Пари матч» посвятил шесть страниц этой паре, дав материалу название: «Кухня — это любовь!» Длинное интервью и достаточно гламурные фотографии имели лишь весьма отдаленное отношение к гастрономии. На одной из них можно было увидеть, что супруги сделали себе одинаковые татуировки на правой лопатке. Маделин увеличила изображение и смогла расшифровать надпись:

You'll never walk alone.^[16]

Это было красиво... При условии, если уверен, что останешься вместе на всю жизнь. Сейчас же, задним числом, в этой фотографии было что-то жалкое.

— Дорогая, ты простудишься! — распахнул дверь Рафаэль.

— Я иду, сердце мое! — ответила Маделин, не поднимая глаз от телефона.

Переходя от одной картинке к другой, она вдруг заметила одну очевидную вещь: Франческа преображалась в зависимости от того, была она одна или в присутствии Джонатана. Похожая на кошку супермодель, уверенная в силе своих чар, вдруг превращалась во влюбленную женщину с глазами Химены.^[17] Даже несмотря на то, что фото были постановочными, взаимная любовь этих людей не вызвала никаких сомнений.

«Что же все-таки разделило их?» — спрашивала себя Маделин, возвращаясь в комнату.

— Почему они расстались? — спросил Чарли, укладывая свои удочки в багажник автомобиля.

— Кто?

— Твои родители.

Джонатан нахмурился. Он повернул ключ зажигания и жестом указал мальчику на то, что он должен пристегнуться. Микроавтобус выехал из Бodega-Бэй и направился в сторону Сан-Франциско.

Продолжая вести машину, Джонатан открыл свой портфель, чтобы достать оттуда поблекший снимок маленького провинциального ресторана.

— Твои дедушка с бабушкой имели ресторан на юго-западе Франции, — пояснил он, указывая на фотографию.

— «Пер-стен-с-пе-чат-кой», — прочитал Чарли, сощурившись, чтобы разобрать буквы.

Джонатан кивнул.

— Когда я был еще совсем ребенком, в течение нескольких месяцев мой отец вдруг полюбил другую женщину: она работала в фирме, владеющей крупным брендом шампанского, и поставляла его в заведение.

— А?

— Эта любовь длилась более года. А так как в маленьких городках слухи распространяются быстро, они вели себя осторожно, чтобы сохранить свою историю в тайне, и им это удалось.

— Почему твой отец сделал это?

Джонатан опустил солнцезащитный козырек, чтобы полуденное солнце не слепило его.

— Почему мужчины обманывают своих жен? Почему женщины обманывают своих мужей? — Он оставил эти вопросы открытыми на несколько секунд, как будто размышляя вслух, а потом продолжил: — Есть множество причин, как мне кажется: исчезновение желания, страх перед старением, желание удостовериться в своих навыках соблазнения, ощущение, что приключение не будет иметь последствий... Это, наверное, вполне возможные объяснения. Я не могу сказать, что я оправдываю своего отца, но я и не бросаю в него камень.

— Так это не из-за этого ты с ним не разговаривал до самой его смерти?

— Нет, дорогой, это не из-за этого. У моего отца были другие недостатки, но, несмотря на его неверность, я никогда не сомневался в его любви к моей матери. Я уверен, что эта его измена доставила ему много страданий, но страсть — это как наркотик: вначале ты думаешь, что управляешь ею, но в один прекрасный день оказываешься вынужденным признать, что это она тобой управляет...

Одновременно удивленный и немного смущенный этими признаниями, Чарли странно посмотрел на отца в зеркало заднего вида, но Джонатан уже не мог остановиться:

— И наконец он «вылечился» от этой женщины. А через шесть месяцев после окончания этого любовного приключения не нашел ничего лучшего, чем признаться в измене моей матери.

— Зачем? — спросил мальчик, широко открыв глаза.

— Я думаю, он был зол и чувствовал себя виноватым.

Джонатан включил аварийку и остановился перед единственной бензоколонкой на старой заправочной станции.

— А что было потом? — спросил ребенок.

Джонатан взял в руки заправочный пистолет.

— Он умолял мать простить его. У них было двое детей, и он просил ее сохранить семью, но моя мать была убита этим предательством. Отец растоптал их любовь и разрушил все, что они построили. Она отказалась простить его и ушла.

— Одним махом?

Джонатан заплатил за полный бак и вернулся к машине.

— Твоя бабушка была такой, — пояснил он и тронулся с места.

— То есть?

— Она умела любить, была великой идеалисткой, восторженной и страстной. И вдруг она поняла, что человек, которого она любила больше всего на свете, обманул ее и сделал ей больно. Она часто говорила, что в отношениях двоих доверие важнее всего. Она говорила, что без доверия и любовь — это не любовь, и на данный момент я думаю, что она была права.

И тут Чарли вдруг заметил:

— Это похоже на то, что ты пережил с мамой.

Джонатан кивнул:

— Да, в течение многих лет мы с твоей мамой были словно один человек. Мы делили все, и наша любовь от всего защищала нас. Но однажды... Однажды любовь уходит... Мне нечего больше сказать.

Чарли грустно покачал головой, так как и ему нечего было сказать, и промолчал всю дорогу до самого дома.

9

Хорошо Охраняемая Тайна

Между ними существовала близость хорошо охраняемой тайны.

Маргерит Юрсенар

Сан-Франциско

Воскресенье

Сразу после полудня

Чарли открыл дверь дома и проскользнул в гостиную.

— Смотри, дядя Маркус! Я поймал две рыбы! Лежа на диване, ноги кверху, Маркус курил косяк, большой, как пакет с картошкой фри.

— Как-то странно пахнет, — заметил Чарли, почесав себе нос.

Маркус вскочил и поспешно спрятал свое курево, сунув его в цветочный горшок, стоявший на журнальном столике.

— Эй, эй, привет, малец!

Но Джонатан уже испепелял его взглядом.

— Сколько раз я повторял?.. — начал он.

— Хорошо, никто же не умер, — слабо попытался защищаться Маркус.

— Если не прекратишь свои штучки, рискуешь — запрещаю тебе общаться с моим сыном! — Джонатан открыл все окна, чтобы проветрить помещение, в то время как Чарли достал из сумки-холодильника большого окуня и небольшую камбалу, которые еще шевелились.

— Они совсем свежие! — крикнул он, очень гордый своей добычей.

— Да, они не такие, как дядя Маркус... — предательски добавил Джонатан, заставив сына засмеяться.

Это была правда, ибо его компаньон имел собственное представление о том, что такое «воскресная одежда»: морщинистые брюки, разного цвета носки и футболка, на этот раз украшенная листом конопли на фоне ямайского флага.

— Хочешь какой-нибудь фрукт? — спросил Джонатан, укладывая в холодильник продукты, которые они купили по дороге.

— На самом деле я хотел бы, чтобы дядя Маркус сделал мне свой сэндвич-трио...

— М-да, — с сомнением проговорил Джонатан.

— Это делается так! — воскликнул Маркус, доставая ингредиенты из шкафа.

Облизываясь, Чарли взобрался на один из высоких стульев, окружавших бар.

Очень аккуратно Маркус намазал масло на кусок хлеба, уже посыпанного какао, затем нанес на масло слой сгущенного молока, а сверху покрыл все это толстым слоем кленового сиропа.

Чарли захрустел сэндвичем и с набитым ртом крикнул:

— Эшо шупершки, шпашибо!

Очень гордый этим комплиментом, Маркус приготовил себе такую же закуску.

— Я сделаю тебе тоже, Джон?

Джонатан открыл было рот, чтобы отказаться (и дело не в том, чтобы проглотить всю эту кучу калорий), но потом передумал. Зачем, спрашивается, отказываться от всех удовольствий и возможностей сближения с Маркусом и собственным сыном? В конце концов, его родственничек имел много недостатков, но он привнес немного радости и оригинальности в его дом. И самое главное, никто лучше его не мог заставить Чарли улыбнуться — ведь он, Джонатан, словно замурованный в своей печали, не выглядел отцом, о котором мог бы мечтать его сын.

— Давай, а почему бы и нет, в конце концов! — бросил он и присоединился к столу.

Он налил всем по чашке пуэра, а потом включил небольшой радиоприемник, настроив его на частоту, специализировавшуюся на калифорнийском роке. Трапезу они продолжили под звуки «Иглз», Тото и «Флитвуд Мэк».

— Знаете, что? Я включу «знаменитый сэндвич-трио дяди Маркуса» в меню десертов нашего ресторана, — засмеялся Джонатан. — Я уверен, дело пойдет!

Чарли захохотал от всей души, а его отец осмотрелся и...

— Зачем это ты развесил тут все эти фотографии? — поинтересовался ребенок, показывая на стены кухни, увешанные снимками Маделин.

Джонатан почувствовал себя пойманным на месте преступления. В течение двух дней им двигало любопытство, но теперь ему стало трудно понять логику и смысл своего поведения. Почему жизнь этой женщины вдруг оказалась ему так интересна? Почему он вдруг почувствовал себя наделенным некоей миссией?

— Ты прав, надо все это убрать, — кивнул он, почти обрадовавшись этому рациональному решению.

— Я тебе помогу, — предложил его шурин.

Двое мужчин встали и начали отрывать одну за другой фотографии, покрывавшие всю комнату.

Маделин в Венеции, Маделин в Риме, Маделин в Нью-Йорке...

— Эй, ты видишь? Это Кантона...

— Что?

Маркус передал ему одну из фотографий. Там Маделин, в кожаной куртке и блузке, улыбалась перед тортом ко дню рождения с двадцатью девятью свечами. Событие было пяти- или шестилетней давности. Она там была значительно моложе, но гораздо менее элегантной и женственной, чем та женщина, с которой Джонатан пересекся в аэропорту. В то время у нее было более круглое лицо, взгляд сорванца и уродливые темные круги под глазами.

Портрет был сделан в офисе: можно было увидеть картонные папки, немного старомодный компьютер, а также ручки, карандаши и пару ножниц, вставленных в кружку. Хотя качество и не было отличным, на фото можно было различить плакат, висевший на стене, и это был Король Эрик^[18] в футболке «красных дьяволов».

— А ты знаешь, где была сделана эта фотография? — спросил Маркус.

— Нет.

— По-моему, в полицейском участке.

— Почему?

Он указал на черно-желтые силуэты в дальнем углу фотографии.

— Эти два типа вон там, они копы.

— Ерунда!

— Ты можешь увеличить изображение?

— Слушай, мы же с тобой не след аки...

— Попробуй!

Не особо веря, Джонатан взял ноутбук, на который скачал все фотографии Маделин. Он кликнул на соответствующую иконку, чтобы открыть фотошоп, а затем воспользовался функцией «увеличить изображение» в программном обеспечении. Конечно, уровень разрешения не был отличным, но все стало видно гораздо более подробно.

И правда, не исключено, что желтые полосы в глубине экрана могли быть жилетами со светоотражающими полосами, которые носили некоторые английские полицейские. Но это еще нужно было доказать. Они принялись изучать различные части снимка, и тут одна деталь привлекла их внимание: три буквы «GMP» на кружке Маделин.

— GMP? Это тебе о чем-то говорит?

Джонатан открыл поисковую систему и набрал «GMP + полиция». И первая же сноска привела их к сайту Greater Manchester Police — полиции Большого Манчестера.

— Ты прав, это полицейский участок.

— Ты многих знаешь, кто празднует свой день рождения в полицейском участке?

Вопрос повис в воздухе на несколько секунд. Ответ напрашивался сам собой: в не столь далеком прошлом молодая женщина была копом!

Джонатан понял, что почти нашел ключ к тайне Маделин. Но когда он вплотную подошел к своей цели, его охватили сомнения. По какому праву он влезал в чужие секреты? Он был достаточно взрослым, чтобы понимать, что не всегда можно безнаказанно копаться в прошлом и...

— Посмотри-ка сюда!

Завладев компьютером, Маркус все решил за него. В поисковой системе он набрал: «Маделин + Грин + полиция + Манчестер».

Появилось много сносок, но первая же вывела на экран статью, взятую из газеты «Гардиан»:

МАДЕЛИН ГРИН, СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ДЕЛУ ДИКСОН, ПРЕДПРИНЯЛА ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА

10

Жизнь Других

Больше всего в жизни мы страдаем от вечного одиночества, и все наши поступки, все старания направлены на то, чтобы избежать его.

Ги де Мопассан

Париж

Понедельник, 19 декабря

4.30

Мелкий и плотный снег уже несколько минут падал на VIII округ Парижа. Замороженный ночным холодом, квартал Фобур-дю-Руль выглядел пустынным.

Белый «Пежо Партнер», включив аварийную сигнализацию, остановился на двойной линии в самом центре улицы Де Берри. Женская фигура в куртке с большим капюшоном вышла из старого здания и юркнула в машину.

— Включи отопление, задубеть же можно! — попросила Маделин, пристегивая ремень безопасности.

— И так уже на максимуме, — ответил Такуми, трогаясь. — Вы хорошо провели воскресенье?

Она уклонилась от вопроса и надела шерстяные рукавицы, ожидая, пока ей станет теплее.

Такуми не стал настаивать. Автомобиль спустился по улице Д'Артуа и повернул направо на улицу Ля Боэти, а потом на Елисейские Поля.

Маделин ослабила свой шарф, вытащила пачку сигарет из кармана и закурила.

— Я думал, вы бросили...

— Ну вот! И ты тоже собираешься меня поучить! Знаешь, что говорил Генсбур? «Я пью и курю: алкоголь сохраняет фрукты, а дым — мясо».

Такуми подумал несколько секунд, а потом заметил:

— Во-первых, он стащил эту цитату у Хемингуэя...

— А во-вторых?

— Во-вторых, они оба умерли, разве не так?

— Очень хорошо! Если это тебя так беспокоит, иди работать куда-нибудь в другое место или подай на меня в суд по поводу отравления от пассивного курения!

— Я сказал это для вашего же блага, — спокойно ответил Такуми.

— Слушай, ты оставишь меня в покое, а? И избавь меня от этого дерьма! — приказала она, указывая на магнитола, откуда неслась японская версия песни Джонни ^[19] «Как я люблю тебя».

Такуми извлек свой компакт-диск, и Маделин стала прослушивать разные частоты, пока не нашла станцию классической музыки, где играли «Бергамскую сюиту» Дебюсси. Музыка ее немного успокоила. Она повернулась к окну и стала смотреть на снег, покрывавший тротуары.

На развязке Порт Дофин Такуми повернул в сторону кольцевой дороги. Маделин, похоже, встала не с той ноги, как это с ней иногда случалось, но ее капризы никогда не длились слишком долго. Он незаметно подавил зевоту. Ночные выезды в Рунжи очаровывали его. Жаль только, что вставать нужно было на рассвете... Но прочие флористы не отягощали себя этим. Большая часть их коллег теперь просто заказывала доставку цветов прямо в свои магазины, делая это через Интернет! Но Маделин убедила его, что это не самый правильный способ делать свою работу и главное качество истинного флориста заключается именно в том, чтобы самому отбирать идеальный товар.

Из-за снега дорога была немного скользкой, но это не портило Такуми удовольствия от вождения в ночное время по Парижу. А вот трафик был каким-то нереальным. Он продолжил движение по трассе А6, которая вела в Орли, и вскоре прибыл к платному въезду на один из крупнейших рынков свежих продуктов в мире.

Рунжи завораживал Такуми. «Чрево Парижа» поставляло половину рыбы, фруктов и овощей, потребляемых в столице. Именно здесь отоваривались лучшие рестораторы и самые требовательные творцы. Предыдущей весной, когда родители молодого японца приехали во Францию, это было первое место, где они побывали. Он повел их сюда даже раньше, чем на Эйфелеву башню! Место действительно было впечатляющим: настоящий город с тысячами людей, со своей полицией, своим вокзалом, пожарными, банками, парикмахерскими, аптеками и двадцатью ресторанами! Он любил это волнение между четырьмя и пятью часами утра, когда активность была в полном разгаре, разворачивался настоящий балет грузовиков, которые загружались и разгружались в этом мире запахов и вкусов.

Перед платежным пунктом Маделин показала свою карточку покупателя, и их впустили в огороженное пространство. Они припарковались между улицами Марешер и Ля Виллетт, на одной из крытых автостоянок сектора, отданного под продукцию садоводства.

Взяв высокую тележку на колесах, Маделин и Такуми вошли в огромный парник из стекла и стали. Двадцать две тысячи квадратных метров павильона С1 были полностью заполнены срезанными цветами. Они прошли через автоматические двери и оказались в центре совершенно другого мира, где внешнюю серость заменяла настоящая симфония цветов и ароматов.

Взбодренная этим спектаклем, Маделин протерла глаза, вернула себе хорошее настроение и пошла по залу твердым шагом. На площади, равной трем футбольным полям, полсотни оптовиков стояли бок о бок в огромном ангаре, проходы которого носили названия того или иного цветка: аллея мимоз, аллея ирисов, аллея анемонов...

— Привет, красавица! — встретил ее Эмиль, управляющий стендом, где она покупала большую часть товара.

Эмиль Фошелевен, в соломенной шляпе, с секатором, в комбинезоне и с огромными усами — это было нечто. Он работал в Рунжи с самого открытия рынка в 1969 году и знал все его тайные коды и винтики.

— Я приготовлю тебе крепкий без сахара? — Он опустил несколько монет в кофемашину.

Маделин кивком поблагодарила его.

— И чай для Катсуши? — добавил Фошелевен, бросив взгляд на ее ученика.

— Меня зовут Такуми, — холодно ответил тот. — И я бы предпочел капучино.

Эмиль не обиделся:

— И один капучино для Тсашими!

Молодой человек схватил чашку, ничего не говоря и глядя вниз, разочарованный тем, что оптовик его не уважает.

— Однажды надо будет дать ему кулаком прямо в физиономию, — шепнула Маделин, когда Эмиль направился к новому клиенту. — Но я не могу сделать это за тебя.

— Но... это старик.

— Он выше тебя на три головы и весит в два раза больше! Если тебя это утешит, со мной эта дедовщина продолжалась месяцев шесть. Каждый раз, увидев меня, он называл меня Ростбифом или Инглишем.

— И как удалось это остановить?

— Я опрокинула горячий кофе ему прямо в морду. И с тех пор он обращается со мной как с принцессой.

Такуми чувствовал себя беспомощным. В стране, где он родился, старались любой ценой избегать конфликтов, конфронтации или агрессивного поведения.

— Но... почему такое происходит здесь?

— Так происходит повсюду, — сказала Маделин, допив свой кофе и выбросив стаканчик в мусорную корзину. — И если хочешь знать мое мнение, тебе надо научиться противостоять подобным ситуациям, чтобы стать мужчиной.

— Но я мужчина, Маделин!

— Да, но не такой, каким тебе самому хотелось бы быть. — Она оставила его обдумывать эти слова и пошла искать Беранжеру, одну из продавщиц Фошелевена, с которой они потом прошли по прилавкам. Маделин купила две связки цветов, отдельно оговорив цены на тюльпаны, маргаритки и камелии, но потом уступила и взяла еще три великолепные охапки

эквадорских роз. Она комфортно чувствовала себя, когда начинался торг, стараясь платить за цветы их истинную цену. Такуми в это время помогал загрузить первую партию, а потом присоединился к своей хозяйке в секции, отведенной под растения.

Взглядом эксперта Маделин выбрала бегонии и незабудки в горшке, а ее ученик, как того требовали праздники в конце года, отбирал «звезд» Рождества — иглицу, омелу, пуансеттию и морозник.

Она также оставила ему растения, очищающие воздух, которые становились все более и более популярными на предприятиях, но которые она сама считала смертельно скучными. По ней, лучше было потратить время на выбор белых и пастельных орхидей, которые и создавали репутацию ее магазину.

Затем Маделин быстро обошла оранжереи, где находились всевозможные аксессуары, которые ее клиенты покупали как забавные и одновременно недорогие подарки: ароматизированные свечи, «хищные» растения, маленькие кактусы в форме сердечек, кофейные листья, посаженные в кофейные чашки...

В разделе украшений она наткнулась на кованого железного ангела, производившего фурор в своей витрине. Такуми следовал за ней, впитывая каждое ее слово. Несмотря на хрупкую фигуру, для него было делом чести толкать тележку, которая становилась все тяжелее — после каждой остановки, поднимать одной рукой десятикилограммовый мешок с почвой или огромный горшок из обожженной глины.

Ветер сотрясал теплицы. Через стекла было видно, как светящиеся снежинки порхают в небе, покрывая асфальт белым ледяным подобием пены.

Чтобы защититься от холода, Маделин решила подольше задержаться в этом внушающем доверие коконе. Приобретение весенних луковиц — гиацинтов, нарциссов, подснежников — вырвало ее из состояния меланхолии. Она ненавидела начало зимы, самое печальное время года. Но одновременно она так нуждалась в этих праздниках, чтобы жизнь вернулась к ней. Это было для нее настоящим рождественским обещанием...

6.30

Такуми осторожно закрыл багажное отделение. Фургончик уже готов был треснуть.

— Пойдем, я куплю тебе какой-нибудь хавчик! — предложила Маделин.

— Наконец-то доброе слово!

Они толкнули дверь «Кордельеров», быстро, расположенного в центре садоводческого сектора. Сидевшие там клиенты оживленно беседовали, переделывая мир не отрываясь от своих бокалов красного вина или чашечек кофе. Некоторые из них были поглощены чтением «Паризьен», другие заполняли купоны лотереи «Бинго» или ставок на скачках. Многие разговоры вращались вокруг предстоящих президентских выборов: будет ли переизбран Сарко? И лучшего ли кандидата выбрали левые?

Маделин и Такуми сели за столик, где было немного потише. Она заказала двойной эспresso, он не устоял перед искушением съесть большую жирную порцию шаурмы.

— У тебя что, слишком крепкий желудок? Ты читаешь мне мораль по поводу моего курева, а самому стоило бы последить за своим холестерином! — заметила Маделин.

— Я открыт для разных культур, — попытался оправдаться ученик, откусывая огромный кусок шаурмы.

Маделин, сняв перчатки и расстегнув куртку, вытащила телефон Джонатана.

— Вы его так до сих пор и не отправили, — констатировал японец.

— Какой ты наблюдательный.

— В конце концов, это меня не удивляет.

— А это что, проблема? — парировала она.

— Нет, я был уверен, что история Лемперера вас заинтересует...

Она смягчилась и, казалось, немного поколебалась, прежде чем вручить ему лист бумаги, напечатанный ею ночью.

— Ты жил в Соединенных Штатах... Слышал что-нибудь об этом?

Заинтригованный, Такуми развернул статью и прочитал ее заголовок:

ДЖОНАТАН ЛЕМПЕРЕР БЫЛ ПРЕДАН СВОИМ ЛУЧШИМ ДРУГОМ

Нескольких дней назад самый известный шеф-повар потерял жену, ресторан и своего лучшего друга. Имело место двойное предательство.

«Пипл Маг» 3 января 2010 года

— Я не знал, что вы читаете подобного рода прессу, — покачал Такуми головой, надевая очки.

— Избавь меня от своей трескотни, ладно?

Четыре фотографии, которые иллюстрировали статью, не оставляли никаких сомнений. Они были сделаны 28 декабря 2009 года в Нассау, на Багамских островах. На них можно было увидеть Франческу в компании некоего Жоржа ЛяТюлипа. Парочка была подловлена папарацци в маленьком райском уголке под названием Кабл-Бич. Хотя снимки и были «нелегальными», выглядели они достаточно эстетично. В одежде из светлого хлопка, бывшая модель шла рука об руку со своим возлюбленным вдоль пляжа, а вокруг лежал белый песок и сверкала бирюзой морская вода. Их отношение друг к другу выдавали чувства: они были соучастниками, они улыбались и флиртовали, словно были одни во всем мире. На последней фотографии влюбленные нежно целовались на террасе кафе, выполненного в колониальном стиле.

Серия снимков отдавала винтажностью и гламурностью рекламы фирмы «Кельвин Кляйн» 90-х годов.

Как правило, более склонная к раскрытию мужских измен, скандальная пресса не выглядела доброй по отношению к «шалостям Франчески». Надо сказать, что в этом лицемерном мире все было задействовано, чтобы придать этой измене оттенок античной трагедии. С одной стороны, изменница, женщина фатальной красоты, уехала на другой конец света, чтобы обмануть своего мужа с его лучшим другом. С другой, верный муж остался в Нью-Йорке, чтобы заботиться об их сыне и попытаться спасти их находящийся под угрозой исчезновения ресторан. И, наконец, last but not least,^[20] роль любовника была

отведенена Жоржу ЛяТюлипу. Это был высокий смуглый мужчина, угрюмый и соблазнительный, эдакий «хороший парень», несмотря на свою смешную фамилию, поразительно похожий на Ричарда Гира в его лучшие годы.

Если читать статью немного более внимательно, можно было понять, что Жорж ЛяТюлип работал помощником Джонатана в «Императоре»: это был не только его ближайший сотрудник, но и друг. До встречи с Джонатаном Жорж ходил по кастингам и продавал хот-доги в одной из мобильных лавок, которых великое множество на Манхэттене. Джонатан имел своего рода талант в определении потенциала людей. Сделав Жоржа своим помощником, он дал ему стабильность, материальный достаток. Теперь у ЛяТюлипа было резюме, с которым можно было до конца дней своих сохранять уверенность, что у тебя будет отличная работа. И в благодарность за это он увел у шефа жену...

— Что ты обо всем этом думаешь?

— Я думаю, что иногда женщины ведут себя как настоящие суки, — отозвался Такуми.

— Если ты можешь говорить только такую ерунду, — рассердилась Маделин, — я, пожалуй, прекращу доставать тебя в бистро, и...

Но молодой японец не дал ей закончить фразу:

— Подождите! Это имя, Жорж ЛяТюлип... Я его уже где-то слышал. Мы ему случайно не доставляли цветы?

— Нет, не думаю. Такую фамилию я бы обязательно запомнила! И потом, я сомневаюсь, что он живет в Париже...

Но Такуми уцепился за свою мысль.

— У вас есть с собой компьютер?

Маделин вздохнула и достала из сумки ноутбук, в который была закачана ее «клиентская база».

Такуми поставил компьютер экраном к себе и набрал «ЛяТюлип». Через несколько секунд появилась информация:

Жорж ЛяТюлип
«Кафе Фанфан», 22-бис, авеню Виктор Гюго
75116 Париж

— Я доставлял ему букет пурпурных георгинов восемь месяцев назад. Этот заказ сделал Исидор Брокюс, ваш коллега из XVI округа. Я составил счет на название ресторана, поэтому его имя вам ничего и не говорит.

— А ты? Ты его помнишь?

— Нет, я тогда просто оставил цветы какому-то служащему.

Маделин не могла поверить своим глазам. Этот Жорж ЛяТюлип не только имел ресторан, но и жил в Париже. В самом деле, мир — это большая деревня...

— Ладно, снимаемся с якоря, — приказала она. — Доешь свою шаурму в машине, но берегись, если я найду следы жира на сиденьях!

— Мы возвращаемся в магазин?

— Ты возвращаешься в магазин, а я, пожалуй, нанесу визит в этот «Фанфан-Тюльпан»...

— Но под каким предлогом?

— Если ты думаешь, что мне нужен предлог, чтобы обратиться к мужчине...

11

Расследование

В сущности, человек — это то, что он скрывает: жалкая кучка секретов.

Андре Мальро

Сан-Франциско

Зачарованный экраном компьютера, Джонатан в третий раз перечитал газетную статью.

МАДЕЛИН ГРИН, СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ДЕЛУ ДИКСОН, ПЫТАЛАСЬ ПОКОНЧИТЬ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ
guardian.co.uk — 8 июля 2009 года

Читэм-Бридж. Через месяц после ужасных открытий, сокративших до минимума шансы найти в живых юную Элис Диксон, лейтенант полиции, отвечающий за расследование, Маделин Грин, тридцати одного года, этой ночью пыталась покончить с собой, повесившись на балке в своей квартире.

К счастью, молодой главный инспектор спровоцировала падение стеклянного шкафа, который разбился об пол, разбудив соседку по лестничной клетке, Джулиану Вуд, которая вмешалась в дело. После получения первой медицинской помощи мисс Грин была переведена в госпиталь в Ньютон-Хит.

По словам врачей, ее состояние оценивается как тревожное, но прогноз, похоже, не выглядит безнадежным.

Последствия изнурительного расследования

Чем объяснить это печальное происшествие? Виной? Гиперактивностью? Неспособностью перевернуть страницу изнурительного расследования? Это в любом случае правдоподобное объяснение. Генри Полстер, начальник полиции города Манчестера, рассказал, что Маделин Грин была отстранена от работы после того, как узнала о смерти Элис Диксон, четырнадцати лет, последней жертвы Харольда Бишопа, печально известного серийного убийцы, задержанного несколько дней назад полицией Мерсисайда. Среди коллег мисс Грин удивление смешалось с эмоциями. «Даже находясь за решеткой, Ливерпульский Мясник умудрился дать нам новую жертву», — сожалел ее напарник, детектив Джим Флаэрти.

Джонатан почесал затылок: этот набор различных фактов, по-видимому, держал в напряжении всю Великобританию в течение нескольких месяцев, но он не пересек Атлантический океан.

— Ты уже слышал о деле Элис Диксон или о Ливерпульском Мяснике? — спросил он у своего друга.

— Никогда, — заверил его тот.

Конечно. Не нужно мечтать: такие люди, как Маркус, живут в каком-то своем мире, отрезанном от реальной

действительности. В мире, где Билл Клинтон все еще президент, Берлинская стена все еще стоит, а в барах все еще играют в пинбол или в пэкмен...^[21]

И тут со всей очевидностью ему пришла одна мысль. Джонатан включил мобильник Маделин и запустил программное обеспечение, защищенное паролем.

«Введите пароль».

Он набрал слово «Элис», и приложение оказалось разблокировано...

В телефоне находились сотни документов, имеющих отношение к делу Диксон: заметки, статьи, фотографии, видео. По мере того, как они появлялись на экране, Джонатан переносил их в свой компьютер для дальнейшего использования. Сначала он думал, что все эти файлы представляли собой своего рода большое досье о похищении и убийстве подростка, но чем больше он продвигался в своем открытии, тем больше понимал, почему Маделин сделала все для сокрытия этих данных. Она отсканировала, скопировала, продублировала всю информацию из своего последнего расследования! Там находились попеременно ее собственные заметки, копии отпечатков пальцев, результаты прослушивания подозреваемых, фотографии и подробные описания вещественных доказательств, десятки страниц опросов свидетелей. Многие документы были конфиденциальными и имели печать полиции Большого Манчестера, то есть они никогда не должны были покидать помещений комиссариата или суда...

— Что это, папа? — спросил Чарли, обеспокоенный видом кровавых фотографий на компьютере своего отца.

— Не смотри, дорогой, это не для детей, — ответил Джонатан, повернув ноутбук. Он проверил скорость загрузки. Несмотря на то что компьютер был подключен к беспроводной сети, поток шел не очень быстро, и для завершения нужно было еще два часа.

— Пошли! Поиграем в баскет с дядей Маркусом, — предложил он веселым голосом.

Они спустились на одно из огороженных сеткой полей, которые окружали Леви'с Плаза. Игра была сыграна. Чарли неистовствовал, забив двадцать мячей, и вернулся домой совершенно измотанным. Он принял душ, погрыз часть своей рыбыны и заснул перед телевизором, где шла очередная серия комедии «Два с половиной человека».

Джонатан отнес сына в его комнату. Уже наступила ночь. Маркус вновь раскурил свой косяк и принялся дымить им на террасе, словно сигарой, ведя беседу с попугаем Борисом.

Джонатан порылся в морозилке и достал оттуда бутылку вишневой водки, подаренную одной русской клиенткой. Включив компьютер, он налил себе стакан этой живой воды, которая, согласно этикетке, была пропущена через березовый уголь, а затем профильтрована через слой алмазов.

И всего-то...

Он убедился, что все данные переписаны на жесткий диск. Это были даже не десятки, а сотни документов, которые Маделин унесла с собой. В общей сложности около тысячи фрагментов, составлявших жуткую и трагическую головоломку. Очевидно, она цеплялась за это расследование в течение шести месяцев, работая днем и ночью, и отдала этому все свое здоровье, весь свой разум. Грязная история, которая чуть не отняла у нее жизнь...

Джонатан открыл последние из загруженных фотографий: они были невыносимыми. Он начал сомневаться: неужели у него действительно есть желание и мужество, чтобы погрузиться в историю об исчезновении и убийстве ребенка?

Ответ был такой: нет.

Тем не менее он залпом проглотил стакан водки, налил себе второй и погрузился в весь этот ад.

Часть Вторая ДЕЛО ЭЛИС ДИКСОН

12
Элис

Это произошло зеленым и безумным летом. Фрэнки было двенадцать лет. Она не входила ни в какой клуб, ни во что-либо в этом мире. Она стала существом без привязанности, обходившим все двери, и ей стало страшно.

Карсон Маккаллерс

Тремя годами ранее
8 декабря 2008 года
Комиссариат Читэм, северо-восток Манчестера

Маделин повысила голос:

— Вы должны объяснить мне это более понятно, потому что я все еще ничего не понимаю. Почему вы ждали *восемь дней* и лишь потом сообщили о пропаже дочери?

Сидя перед ней, вся бледная и со спутанными волосами, Эрин Диксон корчилась на стуле. Ей было неудобно, она вся

дрожала, моргала веками и мяла пластиковый стаканчик с кофе.

— Вы же знаете, какие они, эти подростки, черт их дери! Они уходят, они приходят. И потом, я же уже сказала: Элис всегда была независимой, она сама выкручивалась, она...

— Но ей же всего *четыренадцать лет!* — холодно оборвала ее Маделин.

Эрин покачала головой и попросила разрешения достать сигареты.

— Ни в коем случае! — отрезала коп, прищурилась и замолчала.

Ее собеседнице было тридцать лет (столько же, сколько и ей самой), но у нее отсутствовало несколько зубов, и ее лицо, освещенное холодным светом плафона, было обезображено усталостью и гематомами.

В течение часа, что она находилась в местном отделении полиции, Эрин последовательно прошла через все этапы: сначала слезы при объявлении об исчезновении дочери, потом агрессия и гнев, когда допрос затянулся и она оказалась не в состоянии выдать и двух членораздельных фраз, чтобы ответить на вопрос, почему она ждала целую неделю и не поднимала тревогу.

— А ее отец, он что об этом думает?

Эрин пожала плечами:

— Он уже давно исчез... По правде говоря, я даже не знаю точно, кто он. Тогда я спала направо и налево, не принимая мер предосторожности...

Вдруг Маделин это все достало. Она пять лет работала в отделе по борьбе с наркотиками и прекрасно знала этот тип поведения: это волнение, эти бегающие глаза — все это были вопиющие признаки нехватки наркоты. Следы вокруг губ Эрин — это были ожоги, оставленные стеклянной трубкой. Миссис Диксон имела зависимость от крэка. Все, точка.

— Хорошо, мы с этим разберемся! — Маделин схватила свою куртку и табельное оружие.

Пока она была в кабинете своего начальника, ее коллега проводил Эрин до паркинга и зажег той сигарету.

Было уже десять часов утра, но небо, затянутое черными облаками, создавало впечатление, что день на самом деле еще не настал.

— Мы получили ответ из центра по чрезвычайным ситуациям, — сказал Джим, отключая свой мобильник. — Больницы не зарегистрировали никого по имени Элис Диксон.

— Я могла бы на это поспорить, — ответила Маделин, переключая скорость.

«Форд Фокус» сделал неожиданный разворот на мокрой мостовой. Автомобиль с включенной мигалкой и воющей сиреной ускорился в направлении к северным кварталам. Левая рука на руле, правая на радиопередатчике, Маделин давала первые указания: распространить фотографии Элис по всем комиссариатам полиции страны, передать информацию о ее исчезновении в прессу и редакции теленовостей, срочно собрать группу судебно-медицинских специалистов...

— Успокойся, а то мы взлетим на воздух! — прикрикнул Джим, когда Маделин опасно чиркнула колесами по бордюру тротуара.

— Тебе не кажется, что мы потратили уже слишком много времени?

— Вот именно, и десять минут тут ничего не изменят...

— Какой же ты придурок!

Они прибыли на перекресток небогатого квартала. Читэм-Бридж, с его рядами домов из красного кирпича, простиравшимися до бесконечности, выглядел типичным бывшим промышленным пригородом, ныне почти пустым. В последние годы лейбористы потратили немало денег на ремонт в северо-восточных кварталах, но Читэм-Бридж не особенно изменился. Многие дома были покинуты, большинство садов стояло в заброшенном состоянии, а кризис, душивший английскую экономику, отнюдь не исправлял это положение.

Если весь этот квартал не стоял на видном месте в туристических путеводителях, то что было говорить о Фарм-Хилл-роуд, блоке домов, где жила мать Элис. Это был настоящий анклав нищеты, подтачиваемый преступностью. Маделин и Джим последовали за Эрин Диксон к ветхим лачугам, населенным бездомными, проститутками и торговцами крэком.

Войдя в барак, Маделин почувствовала тошноту. Обстановка была мрачной и отталкивающей: матрас валялся прямо на полу, окна забиты кусками картона и фанеры, очень сильно пахло гнилой пищей... Очевидно, Эрин превратила свою квартиру в притон, для того чтобы получить немного денег от разных торчков, которым нужна была крыша над головой. Может быть, она и подозревала, что полиция может сунуть нос в ее жилище, но даже не потрудилась скрыть следы своей деятельности: самодельная трубка из пивной бутылки валялась на подоконнике рядом с пустыми банками и пепельницей, в которой покоился на три четверти выкуренный косяк с марихуаной.

Маделин и Джим обменялись обеспокоенными взглядами: учитывая количество уродов, посещавших эти места, расследование не обещало быть простым. Они пошли вверх, толкнули дверь в комнату Элис и...

Это место резко отличалось от остальной части дома. Комната была простой и опрятной, с письменным столом, полками и книгами. Благодаря освежителю воздуха в ней стоял приятный аромат ириса и ванили.

Другой мир...

Маделин подняла глаза и внимательно посмотрела на стены маленькой комнаты, украшенные билетами и программками спектаклей, которые видела Элис: оперы «Кармен» и «Дон Жуан» в Лоури-театре, пьеса «Стеклянный зверинец» в театре Плейхаус, балет «Ромео и Джульетта» в помещении Филармонического оркестра Би-би-си.

— Она что — инопланетянка, эта девушка? — спросил Джим.

— Да, — проворчала Эрин. — Она... Она всегда была такой: всегда набита своими книгами, своей живописью и музыкой... Сама не понимаю, в кого она такая.

«Уж не в тебя, во всяком случае», — подумала Маделин. Она была заворожена тем, что удалось обнаружить. По обе стороны от стола стояли две репродукции картин: «Автопортрет» Пикассо, датированный его голубым периодом, и знаменитый «Засов» Фрагонара.

Джим посмотрел на названия книг на полках: классические романы, театральные пьесы.

— Ты много знаешь подростков в Читэм-Бридж, кто читал бы «Братьев Карамазовых» и «Опасные связи»? — спросил он, пролистав две книги.

— Я знаю по крайней мере одну такую, — ответила Маделин с отсутствующим видом.

— И кто это?

— Я...

Она прогнала из головы воспоминания. Раны детства были еще живы, и это был не самый подходящий день для того, чтобы сожалеть о своей судьбе.

Она натянула резиновые перчатки и открыла все ящики, обыскав комнату сверху донизу.

В шкафах Маделин нашла десяток пачек печенья «Орео» с какао и ванилью, а также небольшие пластиковые бутылки «Несвик» с клубничным молоком.

— Она питается одним печеньем, окуная его в молоко, — объяснила ее мать.

Элис ушла, ничего не взяв с собой: ее скрипка лежала на кровати, ее компьютер — старый «Мак» с таким же допотопным корпусом — стоял на столе, а дневник лежал в ногах кровати. Маделин с любопытством открыла его и обнаружила там купюру в 50 фунтов, сложенную вчетверо.

Глаза Эрин засветились нездоровым светом. Было видно, что она упрекает себя за то, что у нее не хватило присутствия духа войти в комнату раньше фараонов.

«Плохой признак, — сказала себе Маделин. — Если девушка убежала, то она не оставила бы дома такую сумму».

Группа, которую она вызвала, только что приехала. Маделин попросила экспертов прочесать дом под гребенку, и те, вооружившись пинцетами, скальпелями и измерительными приборами, начали просеивать множество образцов, которые один за другим укладывались в герметичные пакеты. Пока все эти люди собирали основные вещественные доказательства, Маделин открыла дневник, в котором девочка-подросток записывала домашние задания: ее отметки были превосходными, а замечания учителей — исключительно хвалебными.

Элис построила некую цитадель культуры, чтобы оградить себя от повседневной грязи. Образование и знания, словно щит, защищали ее от насилия, страха и посредственности...

Пять полицейских машин стояли сейчас в районе Фарм-Хилл-роуд. Маделин обменялась несколькими словами с начальником группы экспертов, который заверил ее, что нашел достаточно волос на расческе Элис, чтобы получить качественные образцы ДНК.

Маделин оперлась о капот машины и закурила сигарету, пристально глядя на фотографию Элис. Это была красивая девочка, высокая, тонкая, и выглядела она старше своего возраста. Ее лицо было полупрозрачным, подчеркнутым редкими веснушками, выдававшими ее ирландское происхождение. Миндалевидные глаза серо-зеленого цвета напоминали портреты Модильяни. Во взгляде читалась сильная усталость, а также четкое желание скрыть свою красоту, что, наверное, было связано с пониманием того, что в том мире, где она вынуждена жить, красота может принести больше проблем, чем приятных моментов.

Да и как было надеяться на будущее, если изначальные условия жизни были столь непростыми? Как можно было вырасти в этом мелководе, не сойдя с ума от всех этих наркоманов и недоумков?

«Может быть, ты все-таки сбежала? — мысленно спросила Маделин у Элис. — Может быть, ты оставила этот гнилой квартал, где водятся одни лишь подонки? Может быть, ты захотела скрыться от дебильной матери, которая даже не в состоянии сказать тебе, кто твой отец?»

Но Маделин не верила в этот сценарий. Элис, похоже, была девочкой умной и организованной. Бежать из города? Отлично. Но куда? С кем? И что там делать?

Она зажгла новую сигарету от предыдущей.

Комната Элис возбудила в ней воспоминания о своей собственной истории. Как и у девяноста девяти процентов детей, воспитанных в ее квартале, детство Маделин проходило в атмосфере вечных депрессий матери и выходок отца, заикленного на бутылке. Будучи подростком, она поклялась, что сбежит от этой катастрофы, чтобы попытаться счастья где-нибудь в другом месте. Ее мечтой было поселиться в Париже. Она хорошо училась и сдала экзамены по праву, но потом реальность квартала захватила ее, и она стала полицейским, быстро поднявшись по служебной лестнице, но по-прежнему оставаясь словно приклеенной к унынию и серости района Читэм-Бридж.

Маделин не жаловалась на свою судьбу, напротив — она любила работу, потому что в ней был смысл: искоренять преступность, позволять семьям оплакивать своих близких, ловя убийц, спасать человеческие жизни. Конечно, это было не всегда легко. Здесь, как и в других местах, копы пребывали в глубоко тягостном настроении. Мало того, что они не чувствовали уважения, но их статус вызывал одни лишь оскорбления и угрозы. В общем, это была повсеместная реальность, но в таких кварталах, как Читэм-Бридж, все это чувствовалось еще сильнее. Ее коллеги здесь скрывали свою профессию и просили соседей и детей делать то же самое в школе. Люди любили копов в полицейских сериалах, но им было плевать на тех, кто работал в их квартале... В результате приходилось жить в постоянном стрессе, выдерживать враждебность населения и отсутствие какого-либо интереса со стороны начальства. Нужно было принять, что твою машину могут забросать камнями, и соглашаться на технику словно из другой эпохи: многие машины не имели даже радио, а некоторые компьютеры все еще не шли

дальше Пентюма II...

Порой приходилось очень трудно, особенно когда внутри все переворачивалось от абсурдности всех этих ДТП со смертельным исходом, от страданий избитых женщин, от ужаса детей, подвергшихся насилию, от боли родных погибших.

Не выдерживая мрачных мыслей и жизни под напряжением, некоторые в итоге ломались. В прошлом году коп из ее отряда не выдержал и хлопнул в момент задержания без видимых на то причин одного преступного туза, а шесть месяцев назад молодой стажер покончил с собой из табельного оружия прямо в комиссариате.

В отличие от многих своих коллег, Маделин не страдала ни депрессиями, ни разочарованием. Она добровольно осталась в трудном районе, чтобы быстрее подняться по служебной лестнице. Ведь ни бывалые копы, ни молодые новобранцы не особо тянулись сюда, и это открывало возможности карьерного роста... С годами она приобрела особое положение и определенную степень независимости, что позволяло ей расследовать самые интересные дела, которые одновременно были самым темными и самыми кровавыми.

— Она же не сбежала сама, ведь правда? — спросил Джим, подходя к ней.

— Нет, если бы это был побег, мы бы ее уже обнаружили, и она не поставила бы крест на своих пятидесяти фунтах.

— А с учетом того, что эта Эрин может иметь на своем банковском счете, я думаю, можно исключить и вариант с требованием выкупа.

— Это точно, — подтвердила она. — Но мы все равно должны будем обследовать все группы торчков, что ее окружали: с подобного рода типами всегда можно напороться и на месть, и на рэкет.

— Мы найдем ее, — заявил Джим, словно пытаясь убедить самого себя.

Дело происходило не в США и не где-нибудь на полюсе: в нынешней Англии случаи исчезновения несовершеннолетних, которых так и не удалось найти, были редки.

Двумя годами ранее Маделин и Джим руководили расследованием по факту исчезновения мальчика, похищенного во время игры в саду его родителей. Оповещение об этом было произведено незамедлительно, и удалось мобилизовать немалые силы в очень короткий промежуток времени. Похититель был задержан через несколько часов благодаря точным описаниям его машины, а затем он во всем признался. Еще до вечера мальчуган был обнаружен связанным, но живым и здоровым.

Вспомнив этот случай, наглядно демонстрировавший важность оперативности, Маделин просто взорвалась от гнева.

— Черт, что за дурища! — крикнула она, ударив кулаком по капоту «Фокуса». — Прождать восемь дней, не сообщая об исчезновении своей дочери! Я бы за это отправила ее в тюрьму, точно!

При любом исчезновении первые сорок восемь часов были определяющими. Если после этого не удавалось найти человека, появлялось стойкое опасение не найти его никогда.

— Успокойся! — попросил Джим, отходя в сторону. — Я получил номер мобильного телефона девчонки. Посмотрим, можно ли засечь ее звонки.

Маделин еще раз посмотрела на фотографию, и ее горло сжалось. Она увидела в Элис свою младшую сестру, даже дочь... Как Эрин, она вполне могла быть в семнадцать лет обрюхачена каким-нибудь местным придурком на заднем сиденье «Ровера 200» по дороге с субботней вечеринки в клубе.

— Где же ты? — прошептала Маделин.

С ней это случалось редко, но она вдруг почувствовала непоколебимую уверенность: Элис жива. Но даже в этом случае у Маделин не было никаких иллюзий. Малолетка находилась не в самом приятном месте. Скорее в темном и сыром подвале или в когтях у мафии, специализирующейся на торговле молодыми женщинами и сутенерстве.

В любом случае ясно было одно.

Ей должно быть страшно.

Ужасно страшно.

13

Дни Полного Краха

Все считают и никто не рассчитывает.

Майкл КонNELли

Последним, кто видел Элис Диксон живой, была... камера наблюдения. На видео, снятом на пересечении Пикл-кросс, можно было различить хрупкую фигуру девушки, выходящей из автобуса, с сумкой через плечо. Было ясно видно, что она повернула за угол, чтобы пойти по аллее, ведущей к ее колледжу. Маршрут менее чем в восемь сотен метров. А потом... ничего. Дни молчания, безразличия и тайны. Никто ничего не видел и ничего не слышал. Можно подумать, что Элис испарилась.

Как и все крупные города Англии, Манчестер был набит тысячами камер. В течение десяти лет реализовывался план крупномасштабного видеонаблюдения, которое покрыло, словно ковром, буквально каждый уголок города. Гражданин, таким образом, мог быть снят до трех сотен раз в день, и это был действенный способ борьбы с преступностью. По крайней мере, так считали политики, потому что в действительности имела место совсем другая история: из-за отсутствия средств часть оборудования была неисправна. В то утро, когда исчезла Элис, все устройства, которые охватывали район колледжа, были сломаны или плохо налажены, картинки были размыты и непригодны к использованию...

В последующие дни Маделин мобилизовала сто пятьдесят полицейских на обыски квартир, подвалов и садов в секторе трех

километров от школы. Удалось собрать свидетельства сотен людей, прошерстить всех известных педофилов и выйти на след подозрительного белого фургона, который видели многие ученики.

Будучи убеждена, что та несет ответственность за исчезновение Элис, Маделин задержала Эрин Диксон и допрашивала ее более двадцати часов. Для нее эта Эрин была вампиром, полностью сломленным крэком, способной на все ради новой дозы, в том числе и на то, чтобы продать свою дочь сутенерам. Но допросы мало что дали. По совету своего адвоката Эрин потребовала, чтобы ее пропустили через детектор лжи, и успешно прошла это испытание. Она вышла после допросов свободной и оплатила за все по полной программе, прямо перед камерами с дрожью в голосе сделав обращение к похитителям.

Информационная служба департамента полиции легко взломала пароль на компьютере Элис: ХИТКЛИФФ, ^[22] имя героя «Грозового перевала», ее любимого романа. К сожалению, ни анализ жесткого диска, ни проверка электронной почты не навели ни на какие серьезные следы.

Читая дневник Элис, Маделин обнаружила, что девочка искала случайные заработки, говоря неправду о своем возрасте. Таким образом она собирала деньги, чтобы заплатить за свои книги и культурные выходы. В последние месяцы она работала в соул-кафе в баре на Оксфорд-роуд, в университетском квартале. Хозяина бара арестовали и обвинили в найме несовершеннолетних, но к похищению он не имел никакого отношения.

15 декабря аквалангисты прочесали почти на два километра западный берег реки Ирк. Другие исследовали пруд Роквел, расположенный в четырехстах метрах от школы. Они подняли несколько старых автомобилей, один мопед, два холодильника и множество заградительных барьеров. Но тела там не было.

Джим проверил все входящие и исходящие звонки с мобильного девушки. Все контакты были опрошены. Их показания не дали никакого результата.

Прошло Рождество, а расследование не продвинулось ни на дюйм. Маделин отказалась от каникул. Она начала принимать лекарства, чтобы поспать хотя бы несколько часов. Она не была новичком и уже много лет работала в этом зловещем районе. В течение многих лет насилие и ужасы были частью ее повседневной жизни. Многие годы она тащила на себе преступления, вскрытия автомобилей и допросы разных типов не самого лучшего сорта. Она охотилась на убийц, арестовывала насильников и наркоторговцев, выявляла педофилов, разрушала сети незаконного оборота наркотиков. Если посчитать, она работала по десяткам убийств. Тремя годами ранее она даже оказалась на грани смерти во время перестрелки между двумя бандами: пуля из «магнума 357» задела ее, разорвав кожу на черепе и оставив шрам, который потом пришлось прикрывать прядью волос. Вся жизнь Маделин представляла собой сплошное расследование. А расследование предполагало одержимость, одиночество и постоянную опасность. Оно превращало человека в призрак для его друзей, родственников и коллег. Но в данном случае не было ли это той самой ценой, которую надо было заплатить: самой стать призраком, чтобы найти другого призрака?..

В январе Джим и его команда изучили все телефонные звонки, проходившие рядом с вышкой мобильной связи, самой ближней к школе, за время до и после исчезновения Элис. Имена говоривших были просеяны через полицейские досье. Более двухсот оказались там в основном за мелкие правонарушения. Все были опрошены, их алиби были проверены, в домах произведен обыск. Среди них оказался один человек лет пятидесяти, Флетчер Уолш, осужденный двадцать лет назад насильник, а теперь владелец белого фургона...

На первый взгляд алиби Флетчера Уолша было очевидно, но при обыске бригада полицейских с собаками обнаружила следы

крови в задней части его автомобиля. Образцы были отправлены в судебно-медицинскую экспертизу в Бирмингем, и полиция начала следить за Уолшем двадцать четыре часа в сутки в ожидании результатов.

13 февраля пресс-секретарь полиции Большого Манчестера объявил, что анализ следов крови, обнаруженных в фургоне Уолша Флетчера, не позволяет с уверенностью утверждать, что кровь принадлежит Элис Диксон.

Тогда интерес СМИ к этому делу упал. Силы полиции, привлеченные к расследованию, перебросили на другие дела. Расследование застопорилось.

Каждую ночь Маделин продолжала думать об Элис, ее буквально преследовал взгляд девочки. Каждое утро она вставала, надеясь найти новый факт или еще один след, на который не обратили внимания.

Коллеги и начальство всегда считали ее полицейским с устойчивой психикой, но на этот раз она теряла почву под ногами. Да, у Маделин имелась защитная броня, но это не означало, что она неспособна к подлинному состраданию. И ей было только лучше, когда боль жертв становилась ее собственной, — опасная тактика, но именно она позволяла ей достичь успеха.

Именно так и произошло с Элис. С первого же дня ее исчезновение опустошило Маделин. Эта девчонка слишком уж напоминала ее саму в подростковом возрасте. Тревожное отождествление, смутная связь, внутренняя привязанность. Это чувство, она знала, было вредно, но против него она даже не пыталась бороться.

Это стало ее личным делом. Более того — Маделин была уверена, что она единственный человек, кто на самом деле беспокоится о судьбе пропавшей девушки. У нее было чувство, что она заменила Элис мать и несет теперь всю ответственность за ее исчезновение.

В ту ночь она дала себе обещание: если она окажется не в состоянии найти Элис живой, она никогда не заведет ребенка...

Маделин тонула в бессилии. Иногда ей было даже хуже, чем если бы было объявлено о смерти Элис, ибо она никак не могла перестать думать о том, что должна была чувствовать несчастная девушка. Мрачные и гнетущие картины роились в ее мозгу.

В надежде зацепиться хоть за что-нибудь, она даже ходила советоваться с медиумом. Пошупав платье, которое принадлежало Элис, этот шарлатан заверил ее, что девушка мертва, и дал адрес стройки, где находилось тело. Маделин вызвала команду и прочесала там все до самого дна. Полный провал.

Узнав об этом фиаско, шеф посоветовал Маделин взять несколько дней отпуска. «Надо смотреть правде в глаза: Элис Диксон пропала без вести три месяца назад. Это трагично, но на данный момент, и вы это очень хорошо знаете, шансы найти ее практически равны нулю. А ведь есть и другие расследования и другие дела, которые нуждаются в вашем участии...»

Но Маделин чувствовала себя не в состоянии работать по «другим расследованиям и другим делам». Она была готова на все, лишь бы сохранялась хотя бы хрупкая надежда найти Элис.

А потом она решила лично нанести визит дьяволу.

14

Близкий Враг

Всегда есть выбор. Это даже некая совокупность выборов.
Джозеф О'Коннор

Маделин припарковала свой автомобиль без опознавательных знаков перед «Черным лебедем», ирландским пабом, принадлежавшим семейству Дойл на протяжении нескольких поколений.

Читэм-Бридж представлял собой небольшой анклав из менее чем десяти тысяч жителей в трех километрах к северо-востоку от центра города Манчестера. Раньше большинство здесь составляли ирландцы, и это был старый промышленный район, где жили мигранты из Индии, Пакистана, с Антильских островов, потом — африканцы, а в последнее время — выходцы из

Восточной Европы. Подлая этническая смесь породила тут удивительную смесь культур, но также и составила основу неослабевающих и кровавых войн между различными бандами. Действия полиции тут были затруднены, а уровень преступности внушал ужас.

Едва войдя в паб, Маделин услышала иронический голос:

— Привет, Мэдди! А знаешь, у тебя всегда была самая красивая попка во всей полиции Манчестера!

Она повернулась и увидела в задней части заведения Дэнни Дойла, сидящего за барной стойкой перед пинтой темного пива, которую он поднял, приветствуя ее. Он был окружен своими телохранителями, которые щедро отметили смехом его шутку.

— Добрый день, Дэниел, — сказала она, продвигаясь вперед. — Это было давно.

Дэнни «Даб»^[23] Дойл был лидером одного из самых могущественных кланов преступного мира Манчестера, крестным отцом семейной криминальной династии, которая последние пятьдесят лет заправляла всем в гнилом царстве Читэм-Бридж. К тридцати семи годам он совершил несколько ходок в тюрьму, и его послужной список был чрезвычайно длинен: пытки, незаконный оборот наркотиков, грабежи, отмывание денег, проституция, нападение на сотрудников полиции...

Дэнни был человеком свирепым, способным распять на бильярдном столе главаря конкурирующей банды. Вместе со своим братом и всей своей группировкой Даб убил два десятка человек, чаще всего во время пыток, которые он всегда проводил с крайней жестокостью.

— Хочешь пива? — предложил он.

— Я предпочитаю стаканчик бордо, — ответила Маделин. — От твоего отвратительного «Гиннеса» меня тянет проблеваться.

Ропот удивления пробежал по ряду телохранителей Дойла. Никто не имел права говорить с ним в таком тоне и меньше всех — женщина. Маделин с презрением посмотрела на свиту главаря. Это была смесь горилл и карликов, которые насмотрелись фильмов типа «Лицо со шрамом» и «Крестный отец». Они старались подражать позам и репликам оттуда, но с их быкоподобными рожами и страшным акцентом они совсем не походили на людей дона Корлеоне.

Не повышая голоса, Дэнни Дойл спросил у бармена, есть ли у него бордо.

— Бордо? Нет. Впрочем... Возможно, в коробках, что Лайам спер у того русского...

— Иди проверь, — приказал Дойл.

Маделин посмотрела ему прямо в глаза.

— Здесь темно. Перейдем на террасу, там так хорошо.

— Иду за тобой.

Дойл был человеком сложным и много повидавшим. Он делил руководство кланом со своим братом-близнецом Джонни, выбравшимся из чрева матери через пять минут после него, но никогда не соглашавшимся со своим статусом младшего. Джонни часто впадал в припадки непредсказуемого насилия, страдал параноидальной шизофренией, и его несколько раз брали, но все это чаще заканчивалось психиатрической клиникой, чем тюрьмой. Из них двоих именно Джонни был кровожадной скотиной, и Маделин всегда думала, что Дэнни дал увлечь себя во весь этот водоворот насилия во многом для того, чтобы сохранить хоть какой-то контроль над братом.

Когда они вышли во двор, какой-то рыжий подошел, чтобы обыскать молодую фараоншу, но Маделин опередила его:

— Прикоснешься ко мне, и я разорву тебя пополам.

Дэнни улыбнулся и поднял руку, чтобы успокоить своих людей. Он сам попросил Маделин отдать ему свой пистолет и убедился, что она не спрятала другой на спине или на щиколотке.

— Не пытайся меня лапать!

— Я просто проверяю свои тылы: все знают, что если копы однажды захотят меня убрать, то именно тебе они поручат сделать эту грязную работенку...

Они сидели друг против друга в очаровательной беседке, увитой плющом, за столом из покрытого эмалью железа.

— Похоже, что мы в Провансе или в Италии, — начал Дойл, желая разрядить напряженность.

Маделин вздрогнула. Не так-то просто сидеть лицом к лицу с дьяволом.

Одно спасало — прежде чем стать дьяволом, Дэнни Дойл был ее школьным другом, а позже, уже в лицее, первым мальчиком, которому она позволила себя поцеловать...

— Я слушаю тебя. — Дэнни скрестил руки на груди.

Среднего роста, с каштановыми волосами, гладким и квадратным лицом, Дойл стремился походить на «господина всего мира». Маделин знала, что он обожал хамелеоний характер персонажа, сыгранного Кевином Спейси в «Обычных подозреваемых»^[24]. Одетый во все черное, он без хвастовства носил костюм от «Эрменеджильдо Зенья», который должен был стоить более тысячи фунтов. И в отличие от своих приспешников, Дойл не походил на карикатуру. Он даже обладал неким шармом.

— Я пришла к тебе поговорить об Элис Диксон, Дэниел.

— Это девчонка, которая пропала?

— Да. И я возглавляю расследование уже в течение трех месяцев. У тебя есть информация?

Дойл покачал головой:

— Нет, а что?

— Поклянись, что не ты стоишь за всем этим.

— А зачем мне было умыкать эту девочку?

— Чтобы заставить ее работать, чтобы использовать...

— Но ей же вроде всего четырнадцать лет!

Маделин достала из бумажника фотографию Элис.

— Она выглядит по крайней мере на шестнадцать. И она весьма привлекательна, разве нет? — Она положила снимок перед носом Дойла. — Не говори мне, что ты отказался бы пощупать ее!

Он не снес этой провокации. Быстрым движением схватил Маделин за волосы, подтащил к себе и посмотрел ей прямо в глаза.

— Во что ты играешь, Мэдди? У меня есть все недостатки на свете, у меня руки по локти в крови, и мое место в аду уже давно

зарезервировано, но я *никогда* не трогал детей.

— Так помоги мне! — воскликнула она, освобождаясь от его захвата.

Дойл ослабил давление и с досадой бросил:

— Чего ты от меня хочешь?

— Ты знаешь всех в этом квартале, и половина людей тебе что-то должна. Ты урегулируешь проблемы в районе, ты защищаешь торговцев, ты даже организовал распределение рождественских подарков для самых бедных семей...

— Это во мне частичка Робина Гуда, — язвительно заметил Дойл.

— Куча людей обязана тебе чем-либо.

— Это основа любого бизнеса...

— Отлично, я хочу, чтобы ты использовал свою сеть, чтобы найти для меня информацию о похищении Элис.

— Какую информацию?

— Свидетельства людей, которые не пожелали иметь дело с полицией.

Дойл вздохнул и задумался на несколько секунд.

— Мэдди... Прошло уже больше трех месяцев с того момента, как эта пацанка исчезла. Ты же хорошо понимаешь, что ее не найдут ни...

— Я здесь не для того, чтобы слушать это дерьмо, — перебила его Маделин, а потом продолжила: — Ты знаком с некоторыми политиканами и деловыми людьми. И эти типы тоже тебе чем-то обязаны, хотя бы тем, что их жены или представители прессы не получили компрометирующие фотографии, где их можно увидеть в оргиях с девками по вызову. Наконец, ты лучше меня знаешь подробности, ведь этим девкам ты же и платишь...

Нервная усмешка тронула губы Дойла.

— Откуда ты это знаешь?

— Я коп, Дэниел. Ты прекрасно знаешь, что твой телефон прослушивался в течение многих месяцев.

— Телефон? Да у меня их с десятков, — пожал он плечами.

— Все равно. Я хочу, чтобы ты использовал этих «белых воротничков», чтобы мобилизовать общественное мнение.

Бармен принес бутылку бордо, которую ему удалось где-то раскопать.

— Это вам подходит, мисс?

— «О'Брион» 1989 года! — воскликнула Маделин, посмотрев на этикетку. — Мы не будем это открывать. Это эксклюзивный сорт!

Кивнув головой, Дойл, напротив, приказал бармену, чтобы тот налил им два стакана.

— Вино принадлежало этому сукиному сыну Рускоффу, который теперь покоится на шести футах под землей! Мне будет чертовски приятно выпить за его здоровье!

Чтобы не раздражать его, Маделин пригубила нектар, наблюдая за ответным ходом Дойла.

— Если я помогу тебе найти эту девочку, что я получу взамен?

— Личное удовлетворение, Божье прощение за некоторые из твоих действий, своего рода искупление...

Он усмехнулся.

— А серьезнее?

Чтобы придать себе мужества, Маделин сделала большой глоток вина. Она была готова к подобной сделке. Дойл никогда ничего не делал просто так, и именно поэтому она обратилась к нему лишь в самый последний момент.

— У нас в полиции есть стукач, который доносит нам о твоих прожектах уже несколько недель... — начала она.

Дойл покачал головой.

— Ты хочешь сказать, что в моей команде завелся крот? Ты блефуешь.

— Он предупредил нас о налете на фургон «Баттерфлай-банка», который ты наметил на следующую пятницу...

Лицо Дойла оставалось бесстрастным.

— Если я помогу тебе, ты откроешь мне его имя?

Маделин откинулась на спинку сиденья.

— Ни в коем случае, я и так уже слишком много сказала. Выкручивайся своими силами.

— Ты можешь поставить под угрозу свою репутацию, обращаясь ко мне за помощью, но ты не готова пачкать руки до конца, я тебя правильно понял?

— Дэниел, пожалуйста... Если я дам тебе имя этого парня, он будет мертв уже сегодня вечером.

— Без всякого сомнения, — ответил он, глядя на нее с нежностью, смешанной с укоризной.

Они были объединены странной связью. Кроме нее, никто никогда не называл его Дэниел, и можно было быть почти уверенным, что она немногим позволяла называть себя Мэдди.

— Тут не может быть полумер, Мэдди. Или ты ныряешь, чтобы помочь твоей девчонке, или ты отказываешься замочиться. Тебе решать.

— Ты не оставляешь мне выбора.

— «Всегда есть выбор. Это даже некая совокупность выборов». Это из какой книги? Из одного из тех романов, что ты посылала мне, когда я первый раз попал в тюрьму.

Перед своими людьми Дэниел играл роль необразованного типа, но это было далеко не так. В отличие от своего брата, он интересовался искусством и, прежде чем оказаться в тюрьме, начал изучать экономику и управление сначала в Лондоне, а потом в университете в Калифорнии.

Маделин достала сложенный лист бумаги из кармана джинсов и вручила его Дойлу.

— О'кей, вот имя нашего информатора, — сказала она и встала, чтобы уйти.

— Подожди еще пять минут, — попросил он, удержав ее за руку.

Но она высвободилась из его лап. Тогда, чтобы задержать ее еще на несколько мгновений, он вытащил из кармана зажигалку и поджег бумагу, не читая.

— Хорошо, ты выиграла.

Она согласилась снова сесть, и он наполнил ее бокал вином.

— Почему ты не бросила этот долбанный Манчестер? — спросил он, закуривая сигарету. — Ты же всегда говорила, что хотела бы жить в Париже...

— А ты, почему ты не обосновался в Соединенных Штатах? Все эти агентства по недвижимости и рестораны, что ты купил в Лос-Анджелесе, — они для чего? Просто отмываешь деньги?

Он уклонился от вопроса, погрузившись в воспоминания:

— Ты хотела открыть цветочный магазин...

— А ты мне говорил, что хотел бы писать пьесы для театра!

Дойл улыбнулся при этом воспоминании. Театральный клуб в колледже. Это было в 1988 году. Ему было четырнадцать.

— Книга моей жизни была написана еще до моего рождения! Если ты родился в Читэм-Бридж и тебя зовут Дэнни Дойл, ты не можешь уйти от своей судьбы.

— Я думала, что всегда есть выбор, — ехидно заметила она.

Свет засиял в глазах Дойла, а затем его лицо на мгновение осветилось откровенной улыбкой, сделав его очень привлекательным. Трудно было представить, что это был тот же самый человек, что месяцем раньше отрубил мачете ноги и руки одному украинцу, который задумал обойти его. Она знала, что добро и зло сосуществуют в каждом человеке. Некоторые — по своему выбору или по принуждению — эксплуатируют лишь худшее в себе. Но в этот момент она задала себе вопрос, каким человеком стал бы Дэниел, сделай он ставку на светлую сторону своей личности, вместо того чтобы избрать извилистый путь, который обязательно должен был закончиться смертельным исходом.

То есть было две или три секунды, в течение которых время застыло. Две или три секунды благодати, когда им обоим вдруг снова стало по пятнадцать. Где они улыбались друг другу. Где Дэниел никогда никого не убивал. Где она не была копом. Где Элис не пропала. Две или три секунды, когда жизнь еще была полна добрых надежд.

Две или три секунды...

А потом один из парней вылез на террасу, и нездоровое очарование исчезло.

— Надо идти, босс, в противном случае мы прозеваем ямайца.

— Я догоню тебя у машины. — Дэниел допил свой бокал вина и поднялся. — Ты можешь рассчитывать на меня, Мэдди, но, возможно, мы видимся в последний раз.

— Почему?

— Потому что очень скоро я умру.

Она пожала плечами.

— Ты уже много лет говоришь так.

Дойл устало потер глаза.

— На этот раз всем нужна моя шкура: русским, албанцам, фараонам, офаковцам, ^[25] новому поднимающемуся поколению в районе, которое никого и ничего не уважает...

— Ты всегда знал, что это закончится так, не правда ли?

— Рано или поздно, — сказал он, возвращая ей ее оружие.

Потом он посмотрел на нее в последний раз, и слова, которые он не готовил, сорвались с его губ:

— Наш поцелуй... Я часто вспоминаю его.

Она опустила глаза.

— Это было больше двадцати лет назад, Дэниел.

— Да, но я хотел, чтобы ты знала, что это воспоминание всегда со мной и я не жалею об этом.

В свою очередь, она посмотрела на него. Это было тяжело слышать, в этом было тяжело признаться. Это было что-то страшное, но мир не был черно-белым, и честность толкнула ее к признанию:

— Я тоже, Дэниел. Я не жалею об этом.

15

The Girl Who Wasn't There^[26]

Она не знала, что ад — это потеря.

Поль Верлен

Через неделю после встречи Маделин и Дэнни «неожиданно» в полицию один за другим пошли новые свидетели, что позволило реанимировать версию о белом фургоне. По меньшей мере три человека утверждали, что видели белокурую девочку пятнадцати лет в машине, похожей на те, что используют сантехники или электрики.

Их свидетельства позволили создать фоторобот человек албанского типа, примерно от тридцати до сорока лет, и Королевская прокурорская служба позволила распространить его в массовом масштабе.

Дойл тайно создал веб-сайт www.alice-dixon.com, поддерживаемый ассоциацией по сбору пожертвований для финансирования сотен рекламных щитов на вокзалах, автобусных остановках и в торговых центрах по всей Англии.

21 марта в Твикенхэме во время Кубка шести наций 82 тысячи листовок о ходе расследования были розданы зрителям матча по регби Англия—Шотландия.

7 апреля в четвертьфинале Лиги чемпионов, во время матча «Манчестер Юнайтед» против «Порту», портрет Элис был на минуту показан на гигантских экранах стадиона «Олд Траффорд» перед 70 тысячами зрителей и сотнями миллионов телезрителей.

С этого момента свидетельства посыпались волной.

Комиссариат получил множество звонков от невменяемых и любителей фантастики, но при этом появились и новые направления поисков: один врач утверждал, что видел Элис в день ее исчезновения в поезде «Евростар», идущем в Брюссель. Одна проститутка утверждала, что «работала» с ней в квартале Де-Валлен, зоне красных фонарей Амстердама, известной своими секс-шопами, пип-шоу и девочками «в витринах». Один нарик клялся, что делил с ней дозу в Сохо. Один дорожный рабочий был уверен, что видел ее в черном «Мерседесе» на трассе в Польше. Одна туристка отправила в полицию фотографию, сделанную возле бассейна в роскошном отеле в Таиланде, и там можно было увидеть девушку, которая как две капли воды походила на Элис. Ее сопровождал пожилой мужчина. Фотография была опубликована в Интернете и изучена специалистами, но затем эта версия была официально закрыта.

В анонимном письме один чокнутый взял на себя ответственность за похищение, изнасилование и убийство девушки, но оставил много отпечатков, которые помогли найти его в тот же день. И выяснилось, что на момент исчезновения Элис он находился в заключении.

12 апреля на третьем подвальном уровне парковки в Мосс-Сайд было обнаружено тело Лайама Килброя, убитого несколькими ударами бейсбольной биты. Этот человек был известен как один из приспешников Дэнни «Даба» Дойла. Эта смерть не стала расследоваться полицией, так как Лайам был также стукачом и с его помощью собирались взять крестного отца Манчестера.

Маделин не спала в ту ночь.

16

Ящик

У кого руки испачканы в крови, тот потом будет отмывать их в слезах.

Немецкая пословица

15 июня в комиссариат Читэм-Бридж пришла странная посылка. Она была адресована лейтенанту Маделин Грин, ответственной за дело Элис Диксон.

Это был герметичный контейнер из пластика, похожий на холодильные короба, что обычно используют на пикниках. Маделин открыла ящик: он был полон колотого льда. Она начала разгребать руками полупрозрачные мелкие кубики. Первый слой был белым, но потом пошла какая-то красноватая жидкость. Это были пятна крови, и сердце ее усиленно забилося. Она попыталась не паниковать и даже сделала паузу, прежде чем возобновить работу. А внутри оказалось... там был полузамерзший кусок мяса, на который она посмотрела с отвращением. И лишь потом она поняла, что это человеческий орган.

Сердце, которое грубо вырвали.

Сердце человека.

Сердце Элис.

На этот раз лаборатория в Бирмингеме располагала достаточным количеством материала, и понадобилось всего несколько часов, чтобы убедиться в том, что биологические образцы замороженного сердца соответствуют образцам ДНК, взятым из волос Элис.

Теперь не оставалось никаких сомнений.
Элис была мертва.

В тот день что-то оборвалось в Маделин. Она вернулась домой, как лунатик, проглотила несколько стаканов виски и две таблетки снотворного. На следующий день она не пошла на работу. Не появилась она там и в последующие дни. В течение трех недель она трупом лежала в постели в своего рода летаргическом сне, вызванном алкоголем и лекарствами. Реальность стала для нее невыносимой. Ничто больше не имело значения. Даже арест придурка, стоявшего за этим преступлением. Она чувствовала себя беспомощной, была не в состоянии планировать свое будущее, понимала, что готова нажать кнопку «Off» в своей жизни.

19 июня газета «Сан» объявила на своих страницах, что с Эрин Диксон связалась одна кинокомпания и ей был сделан перевод на 50 тысяч фунтов в оплату за экранизацию истории с исчезновением и убийством ее дочери.

26 июня во время обычной проверки дорожного движения полиция Мерси-Сайда остановила некоего Харальда Бишоп. Человек был пьян, а в задней части его фургона нашли режущие инструменты, испачканные кровью. Сначала он утверждал, что резал кабана, которого случайно сбил в Боулэндском лесу. Но его показания показались сбивчивыми и подозрительными. Мужчина был арестован и доставлен в вытрезвитель небольшого отделения полиции в Прескоте. Когда начался допрос, дежурные полицейские уже не сомневались, что перед ними тот, кого пресса много лет называла Ливерпульским Мясником. Бишоп признался в более чем двадцати убийствах молодых женщин и девушек, а также в таком же количестве изнасилований, совершенных в период с 2001 по 2009 год. Это был полнейший сюрприз. Простой тест на алкоголь позволил арестовать одного из самых страшных в Англии серийных преступников. Десятки убийств и похищений, считавшихся висяками в течение десяти лет, наконец-то были раскрыты. Признание Харальда Бишоп длилось всю ночь. К утру было названо последнее убийство, в котором он сознался, и это было убийство Элис Диксон. Он рассказал, что после того, как отправил сердце в полицию Манчестера, бросил тело в реку Мерси.

Дело светилось в заголовках газет в течение нескольких недель. Бишоп был допрошен десятки раз, но у него оказалась плохая память, он часто путал даты и, как выяснилось, имел весьма смутное представление о деталях некоторых своих преступлений. При обыске в его доме следователи нашли останки такого количества тел, что не было никакой возможности точно идентифицировать их все.

7 июля, посреди ночи, Маделин Грин прикрепила веревку из своей сушилки для белья к балке, нависающей над антресолю. Нужно было, чтобы все это остановилось. Она вместе с остатками виски проглотила все свои лекарства, в основном снотворные и транквилизаторы, потом забралась на стул, схватила веревку из сушилки и сделала петлю, просунула в нее голову и затянула узел. Нужно было, чтобы все это остановилось. В течение месяца в ее голове вертелись ужасные, невыносимые видения, и они не давали ей ни минуты передышки. Видения, которые заставляли ее почувствовать всю ту мерзость, что пришлось перенести Элис. Нужно было, чтобы все это остановилось. Нужно было, чтобы все это остановилось.

Потом она сделала шаг.

17 Черная Орхидея

Одна (...) Я всегда одна, / что бы ни происходило.
Мэрилин Монро

Сан-Франциско
Понедельник утром

Над Телеграф-Хилл поднимался день. Первые лучи солнца заблестели на хромированной поверхности холодильника, что мгновенно осветило кухню. Ослепленный отраженным светом, Джонатан прикрыл лицо рукой.

Утро, уже...

Измученный бессонной ночью, проведенной перед монитором компьютера, он потерял глаза. В глазах щипало, в ушах гудело, а мозг разрывался от всяких ужасов.

Он с трудом встал, включил кофеварку, а потом, как боксер, оглушенный серией ударов, постоял с минуту без движения, уставившись в пустоту, словно погруженный в темноту. Он дрожал: призрак Элис, сопровождаемый тенью Маделин, еще витал по комнате. В его мозгу все было размыто, и кровавое безумие Ливерпульского Мясника, и нищета Читэм-Бридж, и разрушительное действие крэка, и неоднозначность Дэнни Дойла, и кровь, и слезы, и смерть... Несмотря на отвращение, у него было только одно желание: вернуться к компьютеру, чтобы продолжать чтение документов из секретной папки, которые он еще не успел открыть. Но Чарли должен был вот-вот проснуться, и, прежде чем готовить завтрак для сына, следовало срочно принять душ, чтобы смыть с себя все это безумие. Джонатан долго стоял под горячей струей, яростно намыливаясь, словно стараясь содрать с себя кошмары, засевшие у него в мозгу. Навязчивые мысли не отпускали его. Какие злодеяния Бишоп пришлось перенести бедной девочке, прежде чем он убил ее? Сделал ли он еще какие-то признания относительно Элис? Пересекались ли еще раз пути Маделин и Дэнни, и, что самое главное, как произошло превращение неистового полицейского из Манчестера в любезную парижскую флористку?

Париж, XVI округ
10.00

Маделин припарковала свой «Триумф» на стоянке для двухколесных транспортных средств в самом начале авеню Виктор Гюго. Она сняла шлем, взъерошила волосы и открыла дверь «Орленка», небольшого бистро, типичного для простых кварталов, которое каким-то образом затесалось в этом шикарном районе. Она села за столик возле окна, откуда было отлично видно «Кафе Фанфан», ресторан Жоржа ЛяТюлипа, роскошная вывеска которого сверкала на другой стороне улицы. Она заказала чай с круассаном, вытащил свой ноутбук из сумки и...

«Что я здесь делаю?» — заданный другой половиной мозга, этот вопрос выбил ее из седла. Почему она вдруг решила сойти с рельсов своей такой комфортной жизни? Ее место было в магазине, с Такуми и клиентами, а не в засаде в каком-то кабаке, где она никого не знала.

«Ты больше не работаешь в полиции, моя старушка! Ты больше не в полиции!» — повторяла она, чтобы убедить саму себя. Но разве можно было когда-либо избавиться от подобного ремесла?

Несколько минут ей понадобилось, чтобы заглушить доводы рассудка. Она достала из кармана газетную статью, в которой говорилось о связи Жоржа и Франчески.

«Ну-ка, пусть поработает твоё серое вещество!» — приказала она сама себе, раскладывая ее на столе.

Маделин снова принялась рассматривать фотографии, являвшиеся неопровержимыми доказательствами измены Франчески. Но что-то было не так с этими снимками. Они выглядели слишком уж художественными. Как бывшая модель, Франческа обладала неким шестым чувством, позволяющим принимать позы и играть со светом. И хотя эта серия фотографий и выдавалась за продукцию папарацци, Маделин была убеждена, что пару далеко не «подсняли» — а, напротив, они приняли участие в тщательно продуманной постановке.

Но кем? И с какой целью?

Она откусила круассан и подключила компьютер к Интернету. На сайте ресторана ей легко удалось найти телефон «Кафе Фанфан». Она позвонила и попросила Жоржа, но ей сказали, что месье ЛяТюлипа не будет до одиннадцати. И она воспользовалась оставшимся временем, чтобы немного продвинуться в своем расследовании. Сайт имитировал имидж ресторана: он был современный и роскошный. Покопавшись немного в Интернете, Маделин поняла, что заведение на самом деле принадлежит гостиничному комплексу «Уин Энтертеймент».

Это группа, которая скупил все активы Лемперера...

В меню, где цены были просто космическими, она узнала некоторые из рецептов, которые в свое время стали основой репутации Джонатана. Жорж украл не только его жену, но и его самые известные рецепты!

Несправедливо...

Маделин дала новый запрос на имя Жоржа ЛяТюлипа и оказалась на блоге... дайверов. Видимо, ЛяТюлип был увлечен подводной фотографией. Прекрасно сделанный сайт представлял собой отчет о совершенных путешествиях и выдавал сотни красивых фотографий разноцветных рыб, гигантских черепах и ярких кораллов. ЛяТюлип катался по миру многие годы. Он погружался под воду в Белизе, на Гавайях, на Занзибаре, на Мальдивах, в Бразилии, Мексике... Все было классифицировано, заархивировано и прокомментировано. Просматривая его веб-страницы, Маделин остановилась на снимке великолепной леопардовой акулы. Согласно дате на снимке, он был сделан на Мальдивах 26 декабря 2009 года. Дата заставила бывшего полицейского вздрогнуть. По данным таблоидов, снимки с Франческой датировались 28 декабря 2009 года. Но они были сделаны на пляже в Нассау, что на Багамах. При этом Мальдивы и Багамы находились по меньшей мере в пятнадцати тысячах километров друг от друга, в двух совершенно противоположных концах земного шара... Конечно, долететь из одного места в другое на самолете менее чем за два дня было выполнимо, но весьма сложно, учитывая всевозможные пересадки. Желая узнать еще что-нибудь, она возобновила поиск, чтобы подтвердить свою догадку. Переходя от одной страницы к другой, она заметила, что путешествия ЛяТюлипа обычно не длились меньше недели. Логично для человека, перелетевшего через полмира, чтобы понырять... Но его поездка на Мальдивские острова длилась всего два дня. Все говорило о том, что Жорж резко прервал свой отпуск, чтобы присоединиться к Франческе.

Маделин почувствовала, как засосало под ложечкой. Это было такое жжение, одновременно жуткое и восхитительное, некое

сильное и острое ощущение, которое у нее обычно появлялось, когда она брала след в своих расследованиях. «Ты больше не коп», — повторил ее внутренний голос.

Но она предпочла не слушать его и, довольная своим открытием, вышла на тротуар, чтобы покурить.

Сан-Франциско

— Доб'день, пап.

— Привет, крепыш! — Джонатан поднял Чарли на руки, целуя его, а потом приземлил на стул на кухне.

Мальчик протер глаза и уткнулся в чашку с горячим шоколадом. Джонатан намазал маслом кусочек хлеба и сверху положил мед. Чарли поблагодарил его и спросил, можно ли будет посмотреть мультики на маленьком телевизоре. Сегодня утром Джонатану очень хотелось избавить сына от проповедей.

— Конечно, дорогой, — ответил он, сам включив телевизор пультом дистанционного управления, и воспользовался тем, что его сын погрузился в очередную серию «Губки Боба», чтобы сесть перед монитором и возобновить изучение «досье Диксон».

Среди документов, которые ему оставалось просмотреть, находился заархивированный видеофайл, и он запустил его, надев наушники. Картинка не была отличного качества. Без сомнения, фильм сняли на телефон или на цифровую камеру середины 2000-х. Но звук был вполне нормальным.

На переднем плане была видна Маделин с закрытыми глазами. Лежа на больничной койке, она, казалось, все еще находилась в коме или как минимум глубоко спала. Затем человек, державший камеру, поставил ее на тумбочку и навел на самого себя. Это был темноволосый мужчина, мужественный, с квадратным лицом и темными усталыми глазами.

— На этот раз ты справишься, Мэдди... — начал он тихим голосом.

Джонатан сразу понял, что это был Дэнни Дойл...

Париж

Шикарный «Порше Панамера» остановился у ресторана в половине двенадцатого. Жорж ЛяТюлип оставил свою машину и вручил ключи привратнику.

Сидя за стеклом кафе, Маделин прищурилась, чтобы лучше его рассмотреть. Он был немного старше, чем на фотографиях, но выглядел все еще хорошо: бодрая походка, спортивная фигура. Виски Жоржа, конечно, слегка серебрились, но не так сильно, чтобы его можно было отнести к категории «старый щеголь».

Она решила не торопиться и понаблюдать. Учитывая время, когда он прибыл в ресторан, ЛяТюлип наверняка больше занимался связями с общественностью, чем кухонными печами. Она была уверена, что на работе он долго не задержится.

Чем ближе было обеденное время, тем больше заполнялся «Орленок» — небольшое кафе, где она нашла себе убежище. Хозяйка спросила, не хочет ли она что-нибудь съесть, и она согласилась, чтобы не лишиться наблюдательного пункта. Она заказала блюдо дня. Меню тут, конечно, было не таким, как на другой стороне улицы, но Маделин чувствовала такой голод, что буквально проглотила «тулузскую колбаску с тимьяном и засахаренным луком».

Она опять была в своей стихии: укрытия, слежки, догадки, питание на ходу... Впрочем, она еще пыталась подвести черту под всем этим, но старые рефлексy возвращались со страшной скоростью. Что она хотела себе доказать? Что не потеряла чутье? Что еще в состоянии распутывать нити тайн?

Это возбуждало ее, но и страшило тоже. Более двух лет она потратила, — чтобы стереть свое прошлое, и теперь боялась, что оно возродится, словно игрушечный чертик из коробки. Она была похожа на ширяльщика или алкоголика: те никогда полностью не выздоравливали и могли снова вернуться к своему при малейшем искушении.

При воспоминаниях о прошлом на глаза Маделин навернулись слезы. Держать скорбь на расстоянии и особенно не начинать снова думать об Элис. Последнее расследование кинуло ее на дно пропасти. Она пришла в себя в больнице после двух дней комы, связанной с неудавшейся попыткой самоубийства. Когда она открыла глаза, у нее в руке был мобильный телефон. Словно пьяная, она безучастно посмотрела на экран. На тумбочке, рядом с простым букетиком фиалок, стоял конверт, из которого она вынула визитку:

«Всегда есть выбор»

Береги себя

Дэниел

Она опять посмотрела на телефон и обнаружила, что кто-то воспользовался им как камерой. Она включила воспроизведение записи, на экране появилось лицо Дэнни. Маделин никогда не видела его таким уставшим и таким «человечным».

— На этот раз ты справишься, Мэдди... — начал он тихим голосом.

— На этот раз ты справишься, Мэдди, но это не мой случай. Я знаю фараонов: они не очень отличаются от таких типов, как я. Я знаю, что в итоге многие идут тем же путем разочарования: путем, что погружает в темноту, в насилие, боль, навязчивые идеи, смерть...

Я знаю, ты и спишь со своим пистолетом. Я знаю, что ты полна страха. Я знаю, что твои ночи беспокойны, населены призраками, трупами и демонами. Мне знакома эта твоя решимость, но и эта темнота в тебе — тоже. Это сидело в тебе, когда ты была еще

подростком, и твоя работенка лишь все усилила. Но она еще и превратила тебя в живого мертвеца. Ты потеряла свою чистоту, свежесть и сияние. А теперь единственный свет, что зажигается в тебе, — это преследование. По сути, ты не слишком отличаешься от матери этой девчонки, которая так привязана к своему крэку. Ты стала стервятником, наркоманкой, которой необходимы охота и аресты, чтобы получить свою порцию адреналина. Это твой удар, твоя доза, твоя вспышка. Этим ты колешься, от этого ты и умрешь...

Дэнни замолчал, сделав вид, что подбирает слова, закуривая сигарету. Дело происходило в больнице, где курение, конечно же, было запрещено, но такого рода правила, если они и стоили чего-то для простых смертных, не касались такого типа, как Дойл.

— Ты жаждешь правды, — продолжил он, — но эти поиски абсолюта тебя подтачивают, и ты никогда не остановишься. После Элис будут другие смерти, другие расследования, другие преступники, которых надо будет ловить... И каждый раз будешь ощущать все большую и большую меланхолию, одиночество и потерянность. Ты хочешь уничтожить зло, но оно плевать на тебя хотело. Оно тебя уничтожит и оставит одну, вот и все. Зло всегда побеждает, поверь мне...

Ты проходишь мимо своей жизни, Мэдди. Надо вырваться из этой спирали, прежде чем ты рухнешь в пропасть, из которой уже не сможешь вернуться.

Я не хочу, чтобы ты жила так. Я не хочу, чтобы тебя всю перемололо.

Выбирайся из этого квартала, Мэдди. Выбирайся из этого гребаного города. Живи своей мечтой. Переезжай в Париж. Открой тот самый цветочный магазин, о котором ты всегда говорила! Не оставляй все это химерой. Ты ведь даже нашла ему название, я помню... Что это? Название старой французской песни, мне кажется: «Чудесный сад»...

Фраза осталась незаконченной. Дэнни расстегнул пуговицу рубашки и сделал несколько нервных затяжек, отвернувшись от объектива. Он потер глаза, вздохнул, поискал что добавить, поднес руку к аппарату, чтобы его выключить, но затем передумал. Он был похож на отчаявшегося человека. Слеза усталости неожиданно скатилась по его щеке. Он неуклюже вытер ее, как-то почти по-детски. Дэнни не должен был много плакать в своей жизни. В конце концов он просто пробормотал:

— Я люблю тебя.

Потом изображение скакнуло и стало размытым.

И Маделин инстинктивно поняла, что Дэнни умер.

Лежа на больничной койке, она посмотрела на букет фиалок и снова на визитку. На ее обратной стороне она обнаружила ряд чисел — номер телефона, который она набрала. Это оказался банк в Швейцарии. Она назвалась, и ей сказали, что на ее имя был открыт счет с зачислением на него суммы в 300 тысяч евро.

Сан-Франциско

Изображение скакнуло и стало размытым.

В течение нескольких секунд Джонатан пораженно смотрел на экран, испытывая, несмотря ни на что, своего рода восхищение этим бандитом.

«Этот Дэнни Дойл... Какой странный тип...»

Что стало с ним за прошедшие два с половиной года?

В наши пугающие времена большинство вопросов быстро решается благодаря Интернету. Вот и теперь Гугл дал практически мгновенный ответ.

УЖАСНОЕ ОТКРЫТИЕ НА ОКРАИНЕ МАНЧЕСТЕРА

Статья датирована 10 июля 2009 года, через день или два после того, как была сделана видеозапись. Дэнни не блефовал: он знал, что находится в смертельной опасности. Журналист объяснил, что труп крестного отца преисподней Дэнни «Даба» Дойла был найден с отрезанными руками и ногами и все его зубы были вырваны щипцами. Банда украинцев жестоко ему отомстила...

Это новое открытие заставило его содрогнуться. Джонатан вернулся к меню своего компьютера. Там оставался лишь один непросмотренный документ — файл в формате JPG, фотография. Он скользнул курсором по экрану, кликнул на изображение, и кровь в его венах застыла.

Париж
Авеню Виктор Гюго

Жорж ЛяТюлип вышел из ресторана вскоре после двух. Маделин тут же вскочила на свой мотоцикл и последовала за ним, стараясь не потерять его машину из виду. Она ехала за ним до улицы Клеман Маро, что в самом сердце Золотого треугольника.^[27] «Порше» остановился на несколько секунд у роскошного агентства недвижимости. Молодая женщина, севшая в машину к Жоржу, страстно поцеловала его. Наверняка это была сотрудница агентства. Высокая, белокурая, молодая, в короткой юбочке, полная славянского шарма. Возбуждающая, но достаточно изысканная, чтобы впаривать квартиры по три или четыре миллиона евро богатым клиентам. Затем автомобиль покинул VIII округ, выехал на Левый берег и достиг паркинга у Медицинской школы. Взявшись за руки, пара спустилась на улицу Сен-Сюльпис, повернула на улицу Бонапарта, а потом исчезла под крыльцом здания на улице Де л'Аббэ.

Маделин подождала минут двадцать, пока в дом не вошла какая-то старушка. Она бросилась вслед за ней, чтобы проверить почтовые ящики. Один из них был подписан именем ЛяТюлип. Конечно, Жорж вел обширную светскую жизнь: хорошая машина, молодая любовница, квартира в Сен-Жермен-де-Пре. Неплохо для бывшего продавца хот-догов.

Эротический обеденный перерыв оказался для четверть часа спустя двое влюбленных уже были на улице. Быстрым шагом они направились к паркингу, а потом Жорж отвез свою любовницу на работу. Не замечая, что за ним следят, он поехал в квартал Терн через авеню Ваграм, оказался на улице Ля Нева и скрылся в массивных дверях красивого особняка.

Маделин затащила свой мотоцикл на тротуар и встала прямо под золотой доской на стене здания, на которой современными буквами была выгравирована надпись: «Фонд ДеЛилло».

Затем припарковала свой мотоцикл возле зала Плейель и вернулась обратно. Снежная утренняя погода уступила место солнцу, но холод был еще достаточно сильным, и изо рта Маделин валил пар.

Она находилась в хорошем районе; здесь было достаточно торговых точек для гурманов: Дом шоколада, Братья Марьяж...^[28] Стараясь не потерять из вида вход в здание, но при этом желая согреться, Маделин заняла столик в одном из самых известных чайных домов в Париже.

Здесь все было уставлено полками из массива дуба, украшенными десятками железных коробок с наиболее ценными сортами чая. Пахло ладаном и жасмином. Выбор различных видов чая был даже чрезмерным. Ничего не понимая в этом, Маделин решила руководствоваться исключительно поэзией названий и выбрала чашку «Гималайских туманов», а к ней — песочное пирожное с кремом.

Почти рефлекторно она достала свой компьютер, подсоединилась к беспроводной сети и вошла в Интернет.

Она запустила поиск по Фонду ДеЛилло и узнала, что Фрэнк ДеЛилло, отец Франчески, создал эту организацию за несколько лет до своей смерти. Задача Фонда состояла в том, чтобы помогать ярким, но обездоленным ученикам продолжать учебу, получая стипендии. Эта ассоциация — одна из самых щедрых в мире — имела штаб-квартиру в Нью-Йорке, но было у нее и парижское отделение, управляющим которого значился... Жорж ЛяТюлип.

Маделин в задумчивости отхлебнула чаю со вкусом ореха и муската. Петля вокруг ЛяТюлипа затягивалась, все дорожки вели к нему. Каким же чудом этот человек из ничего оказался в состоянии получить благосклонность мощной группы, вышвырнувшей Джонатана, а также его Франческу?

Каждое из сделанных открытий выводило возбуждение на новый уровень. Расследование вдохновляло Маделин. Сейчас она уже не думала о своих букетах, украшениях и вообще о своем магазине. Она была одержима тем, чтобы открыть тайну Жоржа ЛяТюлипа, которая — она была в этом уверена — была и тайной разрыва Франчески и Джонатана.

Два с половиной часа спустя

Была уже почти ночь, когда Жорж покинул здание Фонда ДеЛилло. Тем временем Маделин успела отведать несколько различных сортов чая. Она торопливо заплатила по счету, показавшемуся ей просто сумасшедшим, и вернулась к своему мотоциклу — как раз в тот момент, когда «Порше» на полной скорости выезжал на бульвар Де Курсель.

«Вот дерьмо!» Она оседлала свой «Триумф» и вдавила педаль газа, но к тому времени, когда прибыла на площадь Терн, она потеряла из виду «Панамеру».

«Не паниковать!»

По логике, Жорж должен был вернуться в ресторан на вечернюю работу.

Бинго! Она нашла седан в круговом движении на площади Звезды. И вновь Маделин почувствовала некий волнительный трепет. Она все больше и больше втягивалась в игру своего «расследования». Надо было пробить завесу тайны Жоржа, обыскать его квартиру, допросить его, чтобы он все выложил на стол, надо было...

«СТОП! Ты больше не коп!» — крикнул голос в ее голове.

Это было правдой: вести расследование гораздо труднее, когда нет полицейского удостоверения. Невозможно связаться с комиссариатом или запустить обыск в чьем-то доме. Но в отсутствие силы она могла воспользоваться хитростью, чтобы найти способ установить контакт с ним и заполучить его доверие.

Какой?

Обдуваемая всеми ветрами, Маделин следовала за автомобилем по авеню Виктор Гюго и остановилась на красный свет. До «Кафе Фанфан» оставалось меньше двадцати метров.

«Найди что-то. Прямо сейчас».

Когда свет стал зеленым, она ускорила и догнала «Панамеру».

«Только все же не надо рисковать сломать себе все кости!»

Но какая-то сила толкала ее вперед.

«Только не покалечь свой замечательный мотоцикл!»

Когда «Порше» замедлил ход, Маделин подрезала его и резко затормозила, заблокировав задние колеса. Бампер машины врезался в мотоцикл, когда тот уже падал. Маделин была сброшена с «Триумфа», скользнувшего по асфальту и закончившего движение, уткнувшись в фонарный столб. Маделин несколько раз перевернулась на асфальте, ее голова ударилась о землю, но она была защищена шлемом, и удар был смягчен низкой скоростью в момент столкновения.

Колеса «Панамеры» завизжали, оставив черные следы на асфальте, и машина остановилась. Растерянный Жорж оставил своего стального монстра и бросился к Маделин.

— Я... Я сожалею! Вы меня подрезали!

Маделин отметила степень повреждений: ее куртка была потерта, джинсы порваны, кожа на руках и предплечьях содрана. Но все это было не так серьезно.

— Я сейчас вызову «Скорую помощь», — сказал Жорж, доставая мобильник.

— Мне кажется, в этом нет необходимости, — заверила его Маделин, снимая шлем.

Она взъерошила волосы и послала ему свою самую красивую улыбку.

Желание сверкнуло в глазах Жоржа: это был пыл охотника.

Опершись на руку, протянутую ей, Маделин уже знала, что она получила право переступить его порог.

Сан-Франциско

Джонатан кликнул на последний файл. Фотография открылась во весь экран. Это была копия листовки, развешанной тысячами экземпляров на всех углах Великобритании и сообщавшей об исчезновении Элис Диксон. В центре листовки находился портрет девчонки пятнадцати лет, со светлыми жесткими волосами, легкой улыбкой и очень бледным лицом, покрытым веснушками. Это изображение было выбрано потому, что девушка на нем была именно в том свитере, в который она была одета в день ее похищения: воротник, переходящий в капюшон, розово-серый цвет, марки «Эберкромби энд Фитч». Свитер был слишком велик для нее, и она украсила его, пришив эмблему футбольной команды «Манчестер Юнайтед».

Изучая различные документы «досье Диксон», Джонатан в основном сосредоточивался на личных пометках Маделин и официальных деталях расследования. Это был первый портрет Элис, который он нашел время рассмотреть.

Как только картинка появилась на экране, его сердце чуть не выскочило из груди. Волна беспокойства охватила его. Затем его взгляд встретился со взглядом Элис, и у него заныло внизу живота.

Он знал эту девочку.
Они уже пересекались в жизни.
Он с ней говорил.

Охваченный ужасом, он быстро закрыл компьютер. Пульс у него зашкаливал, а руки тряслись. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, но это не помогло.

Воспоминание о встрече, оставившей в его сознании неизгладимый след, с силой поднялось на поверхность. Он попытался отогнать это воспоминание, но все его тело вдруг покрылось холодной дрожью, как будто он растворился в своем страхе.

Надо было во всем разобраться.

18
Под Гипнозом

Из всех зол самое болезненное — это то, что люди причиняют сами себе.
Софокл

Сан-Франциско
Понедельник, 19 декабря
22.30

Джонатан спустился по канатной дороге в двух кварталах от собора Грейс. Город был погружен в белую дымку, глушившую звуки и обволакивающую улицы завесой тайны. Он покинул Пауэлл-стрит пешком, пробежал сотню метров и подошел к госпиталю Ленокс.

— У меня встреча с доктором Моралес, — сказал он в приемной.

Его попросили подождать, и он опустился на диван в зале ожидания, вынув из кармана бумагу, на которой был напечатан портрет Элис.

Лицо девчонки стояло у него перед глазами весь день. Он пытался отогнать воспоминания, убедить себя, что ошибается, но у него ничего не получалось. Когда он встретил Элис Диксон, она была брюнеткой и представилась Элис Ковальски, но она была одета в тот же розовый свитер и глаза у нее были такие же грустные.

— Добрый вечер, Джонатан.
— Добрый вечер, Ана-Люсия, — ответил он, поднимая глаза на довольно молодую женщину с матовой кожей и черными как смоль волосами.

Доктор Моралес источала элегантность и строгость. Будучи маленького роста, она носила медицинский халат поверх блузки, словно приталенный жакет, что весьма выгодно подчеркивало ее фигуру.

— Пройдем в мой кабинет?
Он решительно проследовал за ней в лифт.
— Давненько, — заметила она, нажав кнопку шестого этажа.
— Немногим более года, — признал Джонатан.

Кабина поднималась бесшумно. Он встретился с Аной-Люсией Моралес в первые месяцы своего пребывания в Сан-Франциско. Это был трудный период в его жизни. Психиатра ему посоветовал Элиот Купер, хирург, постоянный клиент его ресторана, который в итоге стал его другом. «Она не в состоянии разобраться во всем борделе своей собственной жизни, но она знает, как помочь другим, даже при том, что она, пожалуй, слишком красива для психиатра», — предупредил старый доктор.

Джонатан прошел несколько сеансов терапии, на которых он немного приоткрыл душу, затем появлялся лишь для того, чтобы получать транквилизаторы, а потом перестал приходить вообще. Психоанализ — это было не для него, во всяком случае, он был к этому еще не готов.

Однажды вечером, через несколько недель после своего последнего визита, он случайно встретил Ану-Люсию в баре в Норт-Бич. Это заведение больше походило на забегаловку для байкеров, чем на приличное кафе. Одиноким гитарист на сцене выдавал что-то из старого доброго «Лед Зеппелин», одной ногой ударяя по барабану, а другой управляя семплером.^[29] Джонатан никогда не носил траура по своей бывшей жене. Ану-Люсию только что бросил ее бойфренд, какой-то спекулянт, собственник и эгоист, живший на другом конце страны, но сильно запавший ей в душу. Они выпили по несколько кружек пива,

немного пофлиртовали и обнаружили, что вполне готовы совершить какую-нибудь глупость. У всех в жизни случаются такие провалы...

— Ты выглядишь как-то не очень, — сказала она, чтобы нарушить молчание.

— Да, я знавал времена и получше, — признался он. — На самом деле у меня к тебе просьба.

Двери лифта открылись, и они вышли в длинный коридор, ведущий в кабинет Аны-Люсии: небольшую комнату, освещенную мягким светом и выходящую окнами на Гайд-стрит.

— Я тебя слушаю.

— Если я правильно помню, когда я приходил на консультации, ты записывала наши беседы, не так ли?

— Да, но такие беседы можно пересчитать на пальцах одной руки, — вспомнила Ана-Люсия, введя имя Джонатана в компьютер. Получив доступ к его досье, она заявила: — Да, у меня имеются три записи.

— Можешь дать мне файлы?

— Конечно, я пошлю их по электронной почте сейчас же. Это часть терапии. Тебе нужно что-нибудь еще?

— Спасибо, все в порядке, — заверил ее Джонатан, вставая.

— Хорошо, я не настаиваю. — Она тоже встала, снимая халат и вешая его на вешалку. — Моя работа закончилась, я тебя провожу? — предложила она, надевая плащ из коричневой кожи, который делал ее похожей больше на топ-модель, чем на врача.

— Я согласен. — Он прошел за ней до подземного паркинга, до ослепительно-новой «Ауди Спайдер».

— Сколько же надо проводить консультаций в неделю, чтобы позволить себе такой автомобиль?

— Это не мой, — уклонилась от ответа она, включая зажигание.

— Понимаю: твой спекулянт вернулся.

— А твоя жена?

Найдя вопрос абсурдным, Джонатан пожал плечами.

Машина выехала на Буш-стрит и повернула на Левенворт. Ана-Люсия любила опасность. Вот и сейчас она воспользовалась длинной прямой на Калифорния-стрит, чтобы резко дать по газам.

— Эй, что ты делаешь?

— Прости. — Она замедлила ход, в задумчивости повернула, молча поднялась по Грант-авеню, потом выехала на Ломбард-стрит. Через некоторое время она решила поделиться своим наблюдением: — Ты, Джонатан, как и многие другие люди, потерялся в своих темных сторонах. И тебе не станет легче, пока ты не избавишься от груза этих своих фантомов.

— Фантомы не могут быть очень тяжелыми, — пошутил он.

— Но цепи, которые за ними тянутся, весят тонны, — ответила она.

Он размышлял об этом на протяжении остальной части пути, а потом Ана-Люсия высадила его на вершине Телеграф-Хилл.

— А ты, тебе стало лучше? — спросил он, открывая дверь «Спайдера».

— Нет, — призналась она. — Но это уже другой вопрос.

— Хорошо, я не настаиваю.

Она улыбнулась и, словно смерч, исчезла в городских огнях.

Вернувшись к себе, Джонатан открыл дверь в дом. Маркус лежал на диване, заснув под старый сериал «Звездный путь». Джонатан выключил телевизор, а потом заглянул в комнату сына, чтобы убедиться, что все хорошо. Чарли крепко спал. Он лежал прямо на своей игровой приставке, помогая злым птицам в их борьбе против зеленых свиней.

Немного рассердившись, Джонатан приставку отключил. Когда он был в таком же возрасте, то засыпал с книгой, а не перед экраном! И он подумал о тех далеких временах, когда с головой погружался в «Тантана», «Трех мушкетеров», Марселя Паньоля и Жюль Верна, а затем, чуть позже, в Стивена Кинга и Джона Ирвинга. Как же все это было далеко. Все эти телевизоры, приставки, компьютеры, телефоны и мониторы вторгаются теперь в нашу жизнь в очень молодом возрасте. И это в большей степени плохо, чем хорошо.

«А не превратился ли я в старпера?» — спросил себя он перед тем, как, в свою очередь, уступить соблазну своего компьютера, желая убедиться, что электронная почта от Аны-Люсии дошла до него.

Дошла, и там находились три файла в формате MP3, соответствующие трем сеансам психотерапии, которые он прошел с ней. Он точно знал, что ищет. Отрывок, который он хотел прослушать, находился в начале второго сеанса.

Он надел наушники, выключил свет и сел на диван, чтобы прослушать запись.

Первые несколько минут был слышен в основном голос Аны-Люсии, невероятно успокаивающий, когда она пыталась погрузить пациента в состояние полной релаксации, можно даже сказать, в легкий гипнотический сон.

Потом началось то, что он искал.

— На прошлой неделе вы рассказали мне о худшей неделе в своей жизни: о тех нескольких днях, когда вы потеряли как жену, так и работу. О той неделе, в течение которой вы также узнали о смерти своего отца, с которым не разговаривали пятнадцать лет. Вы сказали, что долго колебались, идти ли на его похороны. И наконец вы прилетели в Париж, не так ли?

Помолчав немного, Джонатан начал свою исповедь. Со времен своего медиауспеха он был привычен к различным телешоу и хождениям по интервью. Но вот уже два года, как не слушал себя говорящим, и теперь ему было странно обнаружить, насколько его манера говорить и произношение были тогда полны эмоций и страданий:

— Я прибыл в Париж 31 декабря, в конце дня. В этом году зима была холодной по всей Франции. За неделю до этого шел снег, и в некоторых местах столица стала похожа на горнолыжный курорт...

Париж

Двумя годами ранее

31 декабря 2009 года

Прямо в аэропорту я арендовал автомобиль, немецкий седан, удобный и надежный, способный помочь мне проделать путь в приятных условиях. Я мог бы совершить перелет до Тулузы, но из-за праздников похороны моего отца были перенесены на 2 января, и идею провести рождественскую ночь с сестрой и ее мужем пришлось отбросить.

Так что я решил доехать до Оша на автомобиле, выехав на следующий день вечером. А пока мне оставалось как-то убить двадцать четыре часа. Я не спал три дня и рассчитывал положить конец своей затянувшейся бессоннице. Я мечтал о наборе таблеток, которые могли бы сразить целый полк, но у меня не было с собой лекарств, а найти врача в такое время было нелегко. Прежде всего мне нужно было найти отель, потому что тот, в котором я обычно останавливался, в VI округе, был полностью забит.

— У нас под завязку, — сухо ответили мне на ресепшн.

Обычно, даже когда я приезжал неожиданно, менеджеры отеля как-то выкручивались, чтобы принять меня с большой помпой, потому что я был Джонатаном Лемперером, потому что для них было большой честью то, что я выбрал именно их заведение, потому что они вывесили мою фотографию с автографом у себя в салоне, рядом с прочими VIP-персонами, которые останавливались здесь. Но новости распространяются быстро, и теперь сотрудники были осведомлены о моем «разжаловании», а посему никто не сделал ни малейших усилий, чтобы помочь мне. Я знал нескольких людей в гостиничном и ресторанном бизнесе, но у моего мазохизма были границы, и я решил не отдавать то, что от меня осталось, им в подарок. После нескольких телефонных звонков я наконец нашел комнату в скромной гостинице на углу бульвара Барбес и улицы Пуле. Мой номер и в самом деле был скромным и выглядел почти по-спартански. Прежде всего в нем стоял страшный холод. Я попытался поднять температуру, но это мало что изменило. Было пять вечера, то есть было уже темно. Я сел на кровать и обхватил голову руками. Мне не хватало сына, мне не хватало жены, мне не хватало моей жизни. За одну неделю я потерял все. Несколько дней назад я жил со своей семьей в ТрайБеКа, ^[30] я управлял целой империей, у меня была Black Card и тридцать запросов на интервью в неделю... Сегодня вечером мне хотелось плакать, и мне предстояло встретить Новый год в одиночестве в убогом гостиничном номере.

You'll never walk alone...

Зловещая очевидность внезапно накрыла меня. Я оставил свой номер и направился к машине. Находясь за рулем, я ввел адрес в навигатор — улица Максима Горького в Олнэ-су-Буа — и позволил вести себя женскому голосу из прибора. На сиденье рядом со мной валялись французские и американские газеты, купленные в аэропорту. Французская пресса, часто игнорировавшая меня в последние годы, на этот раз исходила восторгами: «Падший Лемперер», «Лемперер отрекается от престола», «Падение Лемперера»...

Так играли средства массовой информации, и я был к этому готов. Тем не менее сегодня все это выглядело разрушительным, и я принял это по полной программе, словно удары по физиономии. Я даже не мог себе представить, как смогу прийти в норму. На что еще я был способен, кроме придумывания различных рецептов? Ни на что или почти ни на что... Потеряв Франческу, я потерял огонь, подталкивавший меня вперед, переключатель, который перебросил меня из «обычных» шеф-поваров в хозяина лучшей кухни в мире. Существовало двадцать пять трехзвездных ресторанов во Франции и почти восемьдесят в мире, но не было ни одного, где лист ожидания составлял бы целый год. Так было у меня, и я знал, что обязан этим Франческе. Потому что я держался только этим: любовью, страстью, постоянной необходимостью завоевывать ее. Я встретил Франческу в тридцать один год, но я искал ее начиная со школьных лет. Пятнадцать лет я верил, что женщина, как она, существует где-то на земле. Женщина красивая, как Кэтрин Зета-Джонс, с умом Симоны де Бовуар. Женщина, имевшая десять пар шпилек в причёске, но способная поговорить с вами о влиянии музыки Гайдна на творчество Бетховена и эффекте случайности в картинах Пьера Сулажа.

Когда Франческа куда-то входила, все взоры оборачивались в ее сторону. Женщины хотели, чтобы она стала их лучшей подругой, мужчины мечтали переспать с ней, дети по достоинству оценивали ее доброту. Это было что-то механическое, обычное, неизбежное. Мы прожили годы нашей любви в этом накале, в этом странном разделении труда: я имел известность, а она — гламурность и магнетизм. И наша любовь десять лет поддерживала во всем этом равновесие.

По трассе я добрался до Олнэ за двадцать минут и нашел место на улице Горького, недалеко от дома, где жил Кристоф Сальвейр.

— Это Джонатан, — объявил я, нажав на дверной звонок.

— Какой Джонатан?

— Джонатан Лемперер, твой двоюродный брат.

Сальвейр был сыном сестры моей матери. Мы с ним никогда не виделись, пока он не позвонил мне в Нью-Йорк три года назад. Он находился там в отпуске, и его схватили копы после драки в баре. Он никого не знал на Манхэттене и не имел при себе ни гроша. Из сострадания к члену семьи я заплатил за него и поселил у себя на две недели, пока дело не закрыли. Парень сыграл со мной в честную игру и не стал скрывать характер своей деятельности во Франции: он продавал кокс. Это заставило меня содрогнуться, но он заверил меня, что чист на территории США.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, открывая дверь.

— Мне нужно, чтобы ты помог мне, — сказал я, входя в комнату.

— Ты больной, блин. Да, была «дозаправка», но теперь я в завязке.

— Это хорошо.

— И что тебе нужно?

— Мне нужно оружие.

— Оружие?

— Ствол.

— А ты видел, на двери прямо так и написано: «Продажа оружия»? Где ты хочешь, чтобы я нашел тебе ствол?

— Сделай усилие!

Сальвейр вздохнул.

— Сейчас же Рождество, черт возьми! Все на вечеринках, и мне нужно толкнуть чудовищное количество кокаина. Приходи завтра.

— Нет, мне это нужно сегодня!

— Сегодня вечером я не могу. Мне нужно продать максимальное количество кокса в минимальные сроки.

— Вспомни, я же помог тебе, когда ты оказался в беде...

— А кто компенсирует мне упущенную выгоду?

— Скажи, сколько тебе нужно.

— Я могу тебе помочь, если ты купишь у меня шизухи на четыре тысячи евро. И добавишь три тысячи за ствол.

— Ладно, — небрежно ответил я. — Ты же не будешь против долларов, я надеюсь?

Покидая Нью-Йорк, я опустошил свой сейф, и сейчас у меня в кармане было более 10 тысяч долларов наличными.

— Дай мне час, — сказал он. — Можешь подождать меня здесь: отдыхай, паразит.

Я последовал его совету и рухнул на диван. На столе стояла початая бутылка коньяка. Я выпил большой стакан, за ним другой, а потом заснул.

Сальвейр вернулся вскоре после восьми вечера.

— Я взял то, что удалось найти. — Он протянул мне хромированный револьвер с черной рукояткой.

Оружие было небольшим, но тяжелым, с пятью патронами, и барабан был полон.

— Это «смит и vesson», модель шестьдесят, тридцать восьмого калибра.

Информация влетела мне в одно ухо и вылетела из другого.

Я дал ему денег, а он протянул мне пластиковый пакет, закрытый на молнию, с двадцатью дозами кокаина. Я хотел было ему их оставить, но в конце концов все же решил взять, подумав, что уничтожу наркотик позже.

«В любом случае никто не воспользуется этим», — оправдывал я сам себя.

Я знаю, что порой бываю таким наивным...

20.00

Я положил пистолет и наркотики в бардачок машины и направился в сторону отеля. Включать навигатор не было никакой необходимости, просто надо было повторить маршрут в обратном направлении: автострада A1, выезд на Порт-де-ля-Шапелль...

Твою мать!

Я чуть было не наехал на пешехода. Коньяк добил меня. Внезапно я осознал, что не очень уверен в названии улицы. Где-то между Порт-де-Клиньякур и Порт-де-Клиши, я уже метров пятьсот ехал по бульварам Маршалов.

Место не внушало доверия. Под тусклым светом рекламных щитов стояла группа проституток, ожидая клиентов. Некоторые автомобили ненадолго останавливались: стекла опускались, парни обсуждали цену, а потом, в зависимости от ответа, уезжали уже с девушкой. Или не уезжали. Светофор передо мной переключился на красный. Я оказался заблокирован перед автобусной остановкой. Какая-то восточного типа девица в короткой юбке и кожаных сапогах постучала в мое оконное стекло, предлагая свои прелести. Сначала я попытался проигнорировать ее, но она исполнила своего рода мини-танец в манере «Мулен Руж». Ее глаза были грустными и пустыми. Мне было плохо, но я все же решил опустить стекло, чтобы похвалить.

Я знаю, я очень наивен...

Внезапно подлетели две полицейские машины, встав метрах в двадцати позади меня. Менее чем через три секунды улица вздрогнула от рева сирен. Копы в нарукавных повязках, видимо решившие отличиться повышенным рвением в рождественскую ночь, начали хватать девушек и проверять документы клиентов.

Пока я поднимал стекло, какая-то тень скользнула в салон и уселась на пассажирское сиденье.

— Заводись быстро, или ты хочешь угодить в кутузку? — крикнула девушка лет пятнадцати, почти ребенок.

Проститутка? В таком возрасте?

— Давай рули, блин! — снова крикнула она.

В какое еще дерьмо я вляпался? У меня в крови было море алкоголя, в бардачке находился револьвер и пакет, полный кокса, да плюс еще несовершеннолетняя девушка сидела у меня в машине.

Это тянуло на тюрьму, причем на немалый срок.

Я даже не стал ждать, пока светофор станет зеленым, а потом свернул на первом же перекрестке.

Я быстро продвигался по авеню Порт-де-Сент-Уэн и вскоре влился в общий поток на окружной автодороге.

— Чего ты хочешь? — спросил я у моей пассажирки.

— Просто хочу оторваться от этих долбанных копов, — ответила она по-английски с неопределенным акцентом.

Я включил верхний свет, притормозил на повороте и воспользовался этим, чтобы как следует ее рассмотреть. На вид лет пятнадцать, черные волосы, за исключением нескольких прядей, выкрашенных в ярко-малиновый, длинная непослушная челка, постоянно спадающая на глаза. Девушка была хрупкой и худенькой. На ней были зауженные джинсы, кожаные кеды и розовая с серым толстовка с капюшоном, на которой была вышита эмблема футбольной команды «Манчестер Юнайтед». Из-под толстовки выглядывала полосатая майка. На левой ноздре блестела страза, а на шее висело какое-то средневековое гранатовое ожерелье в серебряной оправе. Мрачноватый макияж (нарисованные черные брови и обилие подводки на глазах) в сочетании с бледным тоном ее кожи придавали ей неопределенное сходство с трупом, но в то же время это выглядело довольно стильно.

Я посмотрел на ее обувь: кеды были почти новые. Девчонка явно носила фирменную одежду и дорогие украшения. Она не была проституткой, скорее просто дочкой богатеньких родителей.

Я не знал, что делать, и не мог ее просто так бросить посреди дороги. Я должен был разузнать о ней поподробнее, но выглядела она не слишком разговорчивой. Я съехал на первый путь, ведущий к заправочной станции, и остановил машину на парковке.

— Как тебя зовут? — спросил я по-английски.

— А на фиг вам мое имя?

— Послушай-ка, это ты села ко мне в машину, я тебя об этом не просил, так что смени тон, о'кей?

Она пожала плечами и отвернулась.

— Как тебя зовут? — повторил я настойчивее.

— Элис, — вздохнула она. — Элис Ковальски.

— Где ты живешь?

— Я не понимаю, зачем вам это знать.

— Почему ты так испугалась полицейских?

— А вы? — резко спросила она, взглянув на меня.

Я не ожидал такого вопроса, а потому попытался защититься:

— Я просто слегка перебрал с выпивкой, только и всего.

Вдруг плохо прикрытая крышка бардачка открылась, выставив напоказ все содержимое. При виде огнестрельного оружия и наркотиков девушка не на шутку перепугалась. Решив, что наткнулась на какого-нибудь головореза, она выскочила из машины.

— погоди, это не то, что ты думаешь! — воскликнул я, бросившись за ней.

— Отвалите! — крикнула она и вбежала в здание заправочной.

Я закурил и посмотрел на нее через витрину. Она села на стул возле торговых автоматов. Кто была эта девушка? От чего она бежала? В какой-то момент мне захотелось просто сесть в машину и уехать отсюда куда подальше. Вся эта история не имела ко мне никакого отношения и уж тем более не сулила ничего хорошего. Я вздохнул и, несмотря ни на что, решил присоединиться к ней. Заправочная была украшена всякими праздничными штуками: унылыми электрическими гирляндами, куцыми елками и пластмассовыми шариками. В углу стоял дряхлый радиоприемник.

— Угостишь меня эспрессо?

— Я на мели, — ответила она, покачав головой.

Я достал бумажник в поисках мелочи.

— Чего-нибудь хочешь? — спросил я, вставляя монеты в автомат.

— Чтобы вы наконец от меня отвязались.

Я попытался ее урезонить:

— Послушай, у нас, конечно, было не самое лучшее знакомство, но...

— Да идите уже к черту, я сама справлюсь.

— Справишься с чем? У тебя нет денег, и ты ни слова не говоришь по-французски. Я не брошу тебя вот так. Можешь считать это ответственностью взрослого за ребенка.

Она закатила глаза, но все же взяла деньги, которые я ей предложил. В ближайшем автомате она купила бутылочку клубничного молока и пачку печенья «Орео». Пока она ела, я взял со стола забытый кем-то номер газеты «Метро».

— Смотри, тут есть моя фотография. Как видишь, она не в рубрике происшествий.

Она пробежала глазами статью и посмотрела на меня.

— Я вас уже видела по телевизору! В той передаче, где вы в пух и прах разносите вегетарианцев!

Она имела в виду ту словесную перепалку, в которую я вступил с активистами, решившими запретить в США фуа-гра.

— Но если вы крутая звезда, то почему ошиваетесь в рождественскую ночь у грошовых проституток, да к тому же еще и с бардачком, забитым коксом? — спросила она с вызовом.

— Так, иди за мной, — откликнулся я.

Боже, храни телевидение. Моя известность помогла хоть немного завоевать ее доверие. Она согласилась пройтись со мной до моего «БМВ», при этом держась от меня на почтительном расстоянии.

— Во-первых, я не ходил к проституткам, и ты прекрасно это знаешь, иначе не села бы ко мне в машину даже из страха попасть к полицейским...

Она промолчала, тем самым только подтвердив правильность моих рассуждений.

— Во-вторых, наркотики не мои. — С этими словами я взял из бардачка целлофановый пакетик и бросил в одну из урн, расположенных на парковке. — Это долгая история, но, если вкратце, мне пришлось их взять, чтобы получить этот револьвер.

— А это оружие, для чего оно?

— Просто для обороны.

Вероятно, она была американкой, раз сразу же приняла это объяснение на веру.

— Что ж, теперь твой черед. Скажи, кто ты и где живешь. В противном случае я вызову полицию.

— Я страшно сглупила, — начала она. — Просто взяла и сбежала. А вообще я живу в Нью-Йорке, а сюда приехала на каникулы с родителями. У нас дом на Лазурном берегу.

— Где же?

— На Кап д'Антиб.

Я хорошо знал это место. Именно там был мой первый «настоящий» ресторан.

— Я хотела вернуться, но в поезде у меня украли сумку, так что теперь ни телефона, ни кошелька у меня нет.

Возможно, она говорила правду, хотя интуитивно мне все же не хотелось ей верить.

— Позвоните моим родителям, раз вы мне не верите!

Она дала мне номер, и я набрал его на своем мобильнике. Долго ждать не пришлось: после первого же гудка трубку сняла некая мадам Ковальски, и, похоже, для нее мой звонок стал настоящим спасением. Она подтвердила рассказ Элис: утром, после небольшой ссоры, ее дочь сбежала. Несмотря на то что она тщательно скрывала свои чувства, я почти физически ощущал звучащую в ее голосе тревогу.

Я протянул Элис телефон, чтобы она могла поговорить с матерью. Не желая ее смущать, я вышел из машины, достал сигарету и облокотился о капот. При этом я все же слышал большую часть разговора. Говорили они довольно долго. Элис извинилась, и я заметил, что она плакала. Когда она вернула мне мобильник, я предложил мадам Ковальски привезти ее дочь домой. Мне нужно было просто «съездить на юг», на похороны моего отца, но в Антибе я мог бы быть уже в первой половине дня.

Она долго колебалась, но в итоге согласилась.

Мы ехали примерно полчаса.

Погода была отвратительная, шел снег. Мы выехали на скоростную трассу А6, также именуемую шоссе Солнца, и как раз проехали Эври. Элис читала американские газеты, пестрившие новостями о моей профессиональной и семейной жизни.

— У вас красивая жена... — сказала она, разглядывая фотографию Франчески.

— Да уж, эту фразу я слышу каждый день вот уже на протяжении десяти лет...

— И вас это раздражает?

— Правильно поняла.

— Почему же?

— Не будь она такой красивой, возможно, она бы мне не изменила.

— Не думаю, что это имеет какое-то отношение к красоте, — рассудила она с высоты своих пятнадцати лет.

— Ну конечно, имеет. Чем ты красивее, тем больше к тебе внимание, следовательно — больше соблазн. Это чисто математическая формула...

— Но то же самое можно сказать и про вас, разве нет? В вашей передаче вы играете эдакого сексуального шеф-повара, который...

— Нет! — отрезал я. — Это не то же самое. Я не такой.

— Какой — «не такой»?

— Ты меня бесишь.

— Чертовски конструктивное замечание, — парировала она.

В наступившей тишине она включила радио и принялась щелкать переключателем. Я подумал, что она ищет волну молодежной музыки, но в итоге она выбрала «Франс мюзик». Из колонок зазвучала нежная приятная мелодия. Девушка, казалось, глубоко задумалась.

— Красиво, — отметил я.

— Шуман, «Давидово братство», опус номер шесть.

Я решил, что она меня разыгрывает, но музыка стихла, и радиоведущая объявила: «Вы прослушали „Давидово братство“ Шумана в исполнении Маурицио Поллини».

— Bravo!

— Это было легко, — отозвалась она смущенно.

— Я плохо знаю Шумана. Во всяком случае, эту мелодию я слышал впервые.

— Он посвятил это произведение Кларе Вик, женщине, в которую был влюблен.

Она ненадолго умолкла, а потом проговорила:

— Порой любовь разрушает, но иногда она воплощается в прекрасные произведения искусства...

— Ты играешь на фортепиано?

Она выдержала небольшую паузу, прежде чем ответить. За эту ночь она не раз демонстрировала эту удивительную сдержанность, словно боялась совершить какую-то глупость или сболтнуть лишнего.

— Нет, на скрипке. Музыка — это моя страсть.

— Ну а как же школа? В каком ты классе?

Она улыбнулась:

— Все в порядке, вы вовсе не обязаны вести со мной приятную беседу.

— Зачем ты сбежала? Ты хотела что-то доказать?

— Теперь вы меня бесите, — буркнула она, вновь погрузившись в чтение.

Мы все еще ехали по трассе А6 в сторону Лиона. Элис сморило сном, но спустя пару часов, когда мы проезжали Бон, она вдруг проснулась.

- Когда будут похороны вашего отца? — спросила она, протирая глаза.
- Послезавтра.
- От чего он умер?
- Не знаю.

Она как-то странно посмотрела на меня.

- Мы не общались пятнадцать лет, — сказал я уклончиво.

Но так как я не чувствовал себя виноватым, то решил, что могу особо не скрывать:

— У моего отца был ресторан, «Перстень с печатькой», в Оше, на площади Освобождения. Самое обычное заведение. Всю свою жизнь он мечтал получить мишленовскую звезду, но у него ничего не получалось.

Я обогнал несколько автомобилей, прежде чем продолжить.

— Когда мне было четырнадцать, я работал летом шеф-поваром в этом ресторане. Вечером, когда все уходило, я оставался на кухне и придумывал всякое. Так я создал три блюда и пару десертов, которые очень понравились заместителю моего отца, и он порекомендовал включить мои творения в меню ресторана. Моя еда пришлось посетителям по вкусу, и очень скоро люди стали приходить специально, чтобы попробовать эти блюда. Мои блюда. Но отец не желал конкуренции с моей стороны. В начале учебного года, чтобы избавиться от меня, он послал меня в интернат в София-Антиполисе, что на юго-востоке Франции.

- Жестоко...

— Да. А спустя несколько месяцев «Мишлен» присвоил отцовскому ресторану звезду за новые блюда! Помню, отец тогда жутко разозлился, как будто я испортил ему самый лучший день в его жизни.

- Вот идиот!
- Это стало первым шагом на пути к нашему разрыву.

Она подобрала номер «Тайм-аут Нью-Йорк», что валялся у нее в ногах, и показала мне записку, которую заранее обвела маркером.

- А эта история — правда или вымысел?
- Я не могу читать и вести машину одновременно.
- Тут написано, что вы соблазнили свою жену при помощи миндального печенья!
- Это весьма сжатое изложение ситуации, — сказал я с улыбкой.
- Расскажите!

— В свое время Франческа вышла замуж за одного банкира. Я тогда работал в отеле на Лазурном берегу, где они как раз решили провести свой медовый месяц. Я влюбился в нее, как говорится, с первого взгляда, словно вирус какой подцепил. Как-то вечером я увидел ее на пляже одну. Она шла по берегу и курила сигарету. Я спросил, какой у нее любимый десерт. Она ответила, что это ванильный рисовый пудинг, который ей делала бабушка...

- А что было потом?
- Я всю ночь провисел на телефоне. Звонил в Штаты ее бабушке... Мне все-таки удалось разыскать ее и выпросить точный рецепт десерта. Следующий день я провел в работе и наконец приготовил дюжину молочно-рисовых пирожных, которые потом и преподнес ей в подарок. Ну а дальше ты знаешь.
- Классно, — девушка одобрительно кивнула.
- Благодарю.
- Что ж, вы почти что Шуман, — усмехнулась она. — Чтобы понравиться своей возлюбленной, он писал для нее музыку. А вы готовили пирожные!

Шалон-сюр-Сон, Турнюс, Макон... Была уже полночь, когда мы проехали указатель: «Лион: 60 км».

- Happy New Year, — сказала Элис.
- С Новым годом, — отозвался я.
- Я умираю с голоду.
- Я тоже. Остановимся на заправочной станции и купим сэндвичи.
- Сэндвичи?! — воскликнула она. — Я провожу Новый год с величайшим поваром в мире, а он хочет, чтобы я лопала чертовы сэндвичи в целлофане!

Впервые за всю неделю я разразился настоящим хохотом. У этой девушки положительно было чувство юмора.

- Ну а что ты тогда предлагаешь? Я не могу тебе ничего приготовить в машине.
- Может, где-нибудь остановимся?

После того как мы оба отмотали четыреста пятьдесят километров кряду, чувствовали мы себя неважно и очень устали.

- Ты права. Мы заслужили небольшой отдых.

Двадцать минут спустя я выехал на дорогу к вокзалу «Перраш», проехал до центра города и припарковался в месте, отведенном для стоянки грузовых автомобилей.

- Иди за мной.

Несмотря на холод, город был весьма оживлен: музыка, фейерверки, толпы зевак, местные пьяницы, распевавшие блатные песни...

- Я никогда не любила тридцать первое декабря, — пробормотала Элис, поднимая застужку-молнию до самого подбородка.
- Я тоже.

Я не был в Лионе целую вечность. В семнадцать лет я три месяца работал шеф-поваром в одном ресторанчике рядом с Опера, на углу улиц Лонг и Пленэ.

— Закр^ыто, — вздохнула Элис, когда мы подошли к «Вилке».

— Вообще-то, я так и думал. Когда я здесь работал, начальник плевать хотел на новогодний и рождественский ажиотаж.

Неподалеку я увидел небольшой диагональный проулок, выходивший на улицу Платр. Ровно посередине располагались воротца, через которые можно было попасть во внутренний двор ресторана, к заднему входу и кухням. Разумеется, ворота были закрыты на замок, но в эту ночь я уже столько раз нарушал закон, что эта мелкая проблема меня ничуть не смутила.

Кухня «Вилки» была современной, безупречно чистой и прибранной.

— Вы уверены, что здесь нет сигнализации? — спросила Элис, с тревогой глядя на осколки возле разбитого мной окна.

— Слушай, я ни в чем не уверен, но если тебя это так колыхет, можешь вернуться в машину. Имеешь полное право быть трусихой.

— Да не боюсь я! — возмутилась она.

— И между прочим, это ты просила меня что-нибудь тебе приготовить...

Она посмотрела на меня с вызовом.

— О'кей, я займусь спагетти, а вы приготовите миндальные пирожные, идет?

— Пирожные? — Мне не очень понравилась эта идея. — Нет, это невозможно. Мне нужны как минимум сутки, чтобы сделать что-то достойное. Если их не поместить в холодильник, они...

— Да, да, я поняла: вы сдрейфили.

Ее слова заделали меня за живое.

— Как тебе будет угодно. А как ты собираешься готовить спагетти?

— Соус песто, — ответила она, открыв один из холодильников. — А в морозилке есть свежий базилик.

Она принялась разбирать ингредиенты, а я разогрел духовку и вскоре присоединился к ней.

— Передай мне эту хрень! — Я указал на салатницу из нержавеющей стали.

Она усмехнулась, и на ее лице появилась столь редкая, но оттого только еще более приятная улыбка.

Я растопил в салатнице сахар, миндальный порошок и какао. Она замочила базилик в теплой воде, затем отрезала стебли, а листья выложила сохнуть на тряпку.

— Грана падано или пармиджано реджано? — спросила она в раздумьях.

— Пармиджано! Почему ты сбежала? — спросил я резко, глядя, как она натирает пармезан.

— У меня... У меня есть парень... Он из Парижа. Я познакомилась с ним во время школьной поездки во Францию. Я хотела с ним увидеться, но мои родители были против.

Она явно чувствовала себя неловко, а потому отвечала медленно, тщательно подбирая слова, почесывая нос или подбородок. При этом она смотрела куда угодно, но только не на меня. В общем, я сразу понял, что она мне врет.

— Мы оба знаем, что это неправда, не так ли?

Ее взгляд столкнулся с моим. Она всем своим видом молила меня больше ни о чем ее не спрашивать.

Я вернулся к готовке, смешав какао-смесь со взбитыми белками. В это время она скидывала в миксер сыр, базилик, кедровые орешки, чеснок и поливала все это оливковым маслом.

Она попробовала получившуюся массу, посолила, поперчила, добавила еще оливкового масла и снова запустила миксер, пока в результате не получила соус нужной консистенции.

— Кто тебя этому научил?

— Сама научилась, — беззаботно откликнулась она, как будто иначе и быть не могло.

Пока мое печенье затвердевало, я занялся ганашем,^[31] а она погрузила спагетти в кипящую воду.

В шкафах я нашел вполне сносный темный шоколад. Элис отломала себе кусочек, а я взял три плитки для крема.

— Для того чтобы крем получился густым, его нужно на несколько часов поставить в холодильник.

Я посмотрел на часы. Было почти два часа ночи. Я загрузил пирожные в печь и тут же снизил температуру в духовке.

— Вы мне так и не рассказали, почему закрыли свой ресторан и послали все к чертям, — проговорила она, наливая себе стакан молока.

— Это сложно, ты не поймешь...

В тот момент я подумал об акулах из «Уин Энтертеймент», которым я был вынужден продать все мои активы, чтобы избежать банкротства. Они лишили меня всего — денег, работы и даже моего честного имени. Теперь все рестораны их компании имели право включать в меню мои блюда. Вся моя жизнь в одночасье была украдена бессовестными мошенниками. Так развалилось дело всей моей мечты, которому я всецело отдавался с шестнадцати лет...

На столе лежал длинный нож с костяной рукояткой. Я схватил его и резко швырнул перед собой. Он сделал в воздухе пару смазанных витков, после чего с глухим стуком вонзился в дверь.

— Есть только один Лемперер. И этот Лемперер — я.

Не говоря ни слова, Элис подошла к двери, вытащила нож, и ровно в тот момент прозвонил таймер, возвестив о том, что мои пирожные готовы.

Я налил немного воды под пергамент, и испарения позволили бисквитам легко отделиться.

— Хитро, — оценила Элис.

Она великодушно помогла мне смазать ганашем половину долек, а потом мы слепили их, чтобы получились пирожные.

— В идеале, они должны сутки простоять в холодильнике, но мы ускорим процесс, поместив их на час в морозилку.

Пока пирожные охлаждались, Элис поставила на стол две тарелки с пастой, и мы с большим удовольствием принялись за еду.

Элис рассказала мне кучу всевозможных историй. Например, что Моцарт в четырнадцатилетнем возрасте запомнил, а затем записал тайное хоровое произведение «Мизерере» Аллегри, лишь только раз прослушав его. Что «Адажио» Альбинони написал вовсе не Альбинони что к концу своей жизни Пикассо ставил автографы прямо на коже своих почитателей, чтобы те потом их не продали. Что в песне «Эй, Джуд» «Битлз» барабаны играют только в третьем куплете, потому что во время записи Ринго Стару приспичило в туалет!

Я заметил, что когда Элис чувствовала себя спокойно и уверенно, менялась даже сама ее манера говорить. Тон становился более раскованным, слова выходили свободно и лились рекой. В этом она мне напомнила братьев Галлахер,^[32] и я готов был биться об заклад, что эта девушка жила когда-то на севере Англии.

Хоть она и обладала изрядным запасом энциклопедических знаний, занудой назвать ее было нельзя. Она была скорее любознательной. Ей просто нравилось делиться полученной информацией с окружающими. Она принадлежала к числу именно тех пытливых, жизнерадостных детей, о каких мечтают все родители без исключения...

19***

Мы все дальше продвигались на юг.
За два часа я проехал двести семьдесят километров, а Элис съела тридцать пирожных.
— У меня болит живот, — пожаловалась она.
— Я тебя предупреждал.
Мы остановились на заправке перед въездом в Экс-ан-Прованс. Я заплатил за бензин, пока Элис ходила в туалет. Она вернулась спустя несколько минут, бледная, с бумажными салфетками в руках.
— Хочешь чаю?
— Нет, я подожду вас в машине.

Лазурный берег
7.00

День поднимался на горизонте, окрашивая небо розовыми полосами. На полпути между Канном и Ниццей мыс Кап-д'Антиб словно растворялся в скалах и прибрежных соснах.
— Нужно, чтобы ты показала мне дорогу, — сказал я, когда мы поехали вдоль Средиземного моря.
Мы миновали легендарный отель «Эден рок», и Элис показала мне дорогу вплоть до последнего дома, расположенного в тупичке Сан-Суси. Именно там, в окружении роскошных отелей и особняков миллиардеров, в престижном райском уголке и жили ее родители.
Ворота летнего домика, куда семья Элис приехала на каникулы, были открыты. Двухсотметровая, усыпанная гравием дорожка пересекала сосновую рощу и выходила прямоком к большому зданию 30-х годов с видом на море. На ступеньках нас уже ждала стройная изящная женщина. Элис открыла дверцу машины, и они обнялись.
— Миссис Ковальски, — представилась мать Элис, протягивая мне руку.
Вероятно, она родила дочь, будучи еще совсем молодой, поскольку я не дал бы ей больше тридцати пяти лет. Светлые волосы были уложены в замысловатый пучок, у нее был пронзительный ясный взгляд и невероятно утонченные, приятные черты лица, которое не портил даже шрам, проходящий от брови через щеку, прямо к уголку рта. Она поблагодарила меня за помощь и предложила выпить кофе, но я объяснил, что меня уже ждут.
Когда я сел в машину, ко мне вдруг подошла Элис и забрала оставшиеся десять пирожных.
— Это мне на полдник, — сказала она и незаметно подмигнула, после чего направилась в дом, к матери. Она уже прошла несколько метров, но внезапно обернулась и произнесла тихо и серьезно: — Берегите себя.

Я вернулся тем же путем, припарковался у самого пляжа, взял из бардачка револьвер, закрыл машину и дальше пошел пешком. В голове моей роились воспоминания.
Несмотря на то что родился я в Оше, именно здесь я пережил лучшие моменты своей жизни. Когда мне было четырнадцать, отец отправил меня в интернат в Софии-Антиполисе неподалеку отсюда. В пятнадцать на стене замка Гримальди я поцеловал Жюстину, мою первую любовь. А еще спустя несколько лет я заведовал французским рестораном «Ля Бастид» в Сен-Поль-де-Вансе, потом в «Отель дю Кап» в Антибе.
Кажется, я даже задрожал от этих воспоминаний, поднимавшихся словно из глубины души.
Загадочная судьба распорядилась так, что меня, разоренного бродягу, вновь занесло туда, где впервые меня настиг успех... Узкая прогулочная дорожка вилась вдоль скал. Я перепрыгивал с камня на камень, стараясь быть ближе к крутому берегу моря, откуда открывался потрясающий вид на городскую стену, заснеженные вершины Альп и Леринские острова.
Я остановился, глядя на оранжевый солнечный диск, восходящий над горизонтом. Воздух был чистым, а зрелище — настолько захватывающим, что от тоски и чувства одиночества у меня буквально начало сводить живот.
Прекрасный день, чтобы умереть.
Я вытащил из кармана револьвер. В памяти тут же всплыли слова Кристофа Сальвейра: «„смит и вессон“, модель шестьдесят, тридцать восьмого калибра».
У каждого есть свое мнение относительно самоубийства. Поступок, достойный труса или храбреца? А может, ни того, ни другого? Просто отчаянное решение, которое принимаешь, находясь в беспросветном тупике. Последнее средство, чтобы уйти

и таким образом избавиться от невыносимой жизни.

Я всегда смотрел трудностям прямо в лицо, всегда пытался им противостоять. Я всегда боролся, испытывал судьбу и удачу, но сегодня все было по-другому. Я столкнулся, с грозным противником, а именно — с самим собой. Решительный враг. Самый опасный.

В моем поступке не было никакого разумного зерна. Я не вынашивал план месяцами, как это обычно бывает, просто решил, что вот оно, избавление от этого ужасающего одиночества, которое будто пожирало меня изнутри и из-за которого я медленно, но верно ухожу в небытие.

Я подумал о дружбе, но у меня никогда не было друзей. Я подумал о семье, но свою семью я уже потерял. Я подумал о любви, но она исчезла из моей жизни.

Вдруг передо мной возник образ моего сына, и я ухватился за него, как за спасительную соломинку. Однако иногда, когда борешься со смертью, не помогают даже мысли о детях.

Я приставил холодный револьвер к виску, взвел курок и, в последний раз посмотрев на солнце, вздохнул и нажал на спусковой крючок с предвкушением грядущей свободы.

19****

Я нажал на спусковой крючок.

Один раз.

Два раза.

Но я не был мертв.

Я заглянул в барабан револьвера — он был пуст.

Невозможно.

Покидая Олнэ-су-Буа, я сам убедился: там было пять патронов. Я вернулся к машине и проверил бардачок. Патронов не было. Только две бумажные салфетки, которыми Элис вытирала руки на заправочной станции. На них были пятна шоколада от пирожных и кое-что еще. Послание, наскоро написанное синим фломастером.

Дорогой господин Лемперер, то есть, я хотела сказать, Джонатан.

Я взяла на себя смелость достать пули из вашего револьвера и выбросить их в урну на парковке, пока вы пили свой кофе. Я не знаю, зачем вам понадобился ствол, но я почти уверена, что это плохая идея.

Я также знаю, что этой ночью вы заботились обо мне и пытались рассмешить (пускай иногда у вас это и не слишком-то получалось).

Мне очень жаль, что так случилось с вашей работой и с женой тоже. Быть может, когда-нибудь у вас все наладится. А может, она просто не была любовью всей вашей жизни.

Я долгое время была несчастна. Когда мне было по-настоящему грустно, я прокручивала в голове одну фразу, авторство которой иногда приписывают Виктору Гюго. Я записала ее на первой странице своего дневника. Она звучит так: «Самые прекрасные годы жизни — те, которые еще не прожиты».

Берегите себя, Джонатан.

Элис

Я читал эти строки, и жизнь постепенно возвращалась ко мне. И тут я заплакал. Я сидел один в своей машине и ревел, как полный идиот.

20

На Живца

Давно уже больна ужасным я недугом.

Фланнери О'Коннор

Сан-Франциско

Понедельник, поздно ночью

2.00

Сняв наушники, Джонатан понял, что по его щеке течет слеза. Это погружение в самый мрачный период его жизни далось ему с большим трудом.

Неужели Элис Ковальски, с которой ему довелось встретиться, на самом деле была Элис Диксон, жертва Ливерпульского Мясника?

Напрасно он сверял и перепроверял даты, что-то было не так. Маделин получила вырванное сердце Элис 15 июня 2009 года. Лабораторный анализ показал, что оно «вне всяких сомнений» принадлежало пропавшей девушке.

Однако он встретил Элис Ковальски в ночь 31 декабря 2009 года.

Более чем полгода спустя!

21

The Wild Side

Головокружение — это нечто иное, чем просто страх падения. Головокружение — это глубокая пустота под нами, что влечет, манит, пробуждает в нас тягу к падению, которому мы в ужасе сопротивляемся.

Париж, Монпарнас
Вторник, 20 декабря
19.20

В своей квартире Маделин прихорашивалась перед зеркалом: изящный, но в то же время сдержанный макияж, высокие каблуки, чтобы подчеркнуть стройную линию ног, черное шелковое платье, доходившее ровно до колен. Этим вечером она чувствовала себя будто «на задании», а учитывая, сколько сексуальных девушек регулярно проходит через кровать Жоржа, ей следовало быть особенно привлекательной, если она и впрямь решила его заарканить.

Она надела габардиновое пальто — подарок Рафаэля — и вышла из дома, чувствуя себя достаточно пикантной и вполне роковой, чтобы сразить своего противника.

В столь поздний час машины ехали сплошным потоком, бампер к бамперу. Несмотря на холод, она решила не брать такси и проехаться на метро, а потому спустилась на станцию «Распай».

«Монпарнас», «Пастер», «Севр-Лекурб»...

Поезд был битком набит. Большинство пассажиров возвращались с работы, другие же собирались поужинать, сходить в кино или прикупить что-нибудь к Рождеству. Маделин открыла свою сумочку: внутри лежали «глок-17» — старый служебный револьвер, который она так и не вернула, — и «Шведский всадник». Эту книгу в мягкой обложке ей уже давно посоветовала продавщица книг.

«Камбронн», «Ля Мотт-Пике», «Дюплеи», «Бир-Хакейм»...

Встав рядом с придверным откидным сиденьем, она огляделась. Ей показалось, что в общественном транспорте становится все меньше читающих людей. В основном все водили пальцами по экранам телефонов, переписываясь, играя или слушая музыку. Она попыталась читать, но не смогла собраться с мыслями. Слишком много народу, шума и толкотни, но особенно ее тяготило чувство вины. Вот уже четыре дня она лгала Рафаэлю. И с каждым разом ее ложь становилась все серьезнее. Сегодня она сказала ему, что пошла на предсвадебный девичник к дочери своей подруги. К счастью, он ей верил и ни в чем не подозревал, в противном случае он раскусил бы эту ложь в два счета.

«Пасси», «Трокадеро», «Буассьер», «Клебер»...

Как она и предполагала, Жорж ЛяТюлип не упустил случая вновь связаться с ней. Не прошло и нескольких часов с момента их «аварии», как он уже позвал ее вместе пообедать. Чтобы как следует пощекотать ему нервы, Маделин сначала вежливо отказала, но он настоял, и она согласилась, на этот раз уже на ужин. Она прекрасно знала таких, как Жорж. Психологи в женских журналах обычно называют подобный тип мужчин «навязчивыми соблазнителями». В реальной жизни их зовут просто бабниками. Вопрос лексики, только и всего...

Она сошла на конечной остановке Шестой линии и, выйдя из метро, попала в невероятную круговорот огней и светящихся вывесок. На пару километров, от площади Согласия до площади Звезды, все было украшено синими гирляндами. Даже самый искушенный парижанин не смог бы устоять перед таким великолепием.

Она поправила пальто и направилась по авеню Гош к ресторану отеля «Руаяль-Монсо».

— Вы очаровательны, — приветствовал ее Жорж.

Он положительно на нее запал. Обеденный зал отеля поражал воображение: богатые колонны и бежевые кожаные кресла отлично гармонировали с высокими металлическими стульями и полупрозрачными барными стойками...

— Как вам обстановка? — спросил он, пока они размещались за столом в небольшой нише, скрытой от посторонних глаз.

Маделин кивнула.

— Этот дизайн разработал Старк. Вы знали, что интерьер моего ресторана — тоже его рук дело?

Она не знала.

С этого момента она практически не разговаривала, а все больше улыбалась и всем своим видом выражала немое восхищение нелепым ухаживанием этой обезьянки по имени Жорж. Складывалось впечатление, что свою речь он подготовил заранее. Он говорил за двоих, и его это ничуть не смущало. Он рассказывал о своих путешествиях, об экстремальных видах спорта, о Дэвиде Гетта и Армине ван Бюрене, которых «знал лично», и о парижской ночной жизни, которая, по его словам, была «угрюмой, пропащей и фактически мертвой».

— Проблема действительно очень серьезная: в столице больше нет настоящей андеграундной культуры. Лучшие диджеи и группы уезжают в Берлин или Лондон. Если ты реально хочешь закатить вечеринку, то лучше купить билет на самолет!

Маделин слушала его вполуха. Все это он уже наверняка произносил раз сто. Когда ему принесли блюда — яйца в мешочек с раками и белыми грибами, телячьей вырезку с морковью, — она спросила себя, что бы обо всем этом сказал Джонатан.

После того как Маделин с сожалением прикончила последний кусочек десерта (изумительного слоеного пирога с шоколадом и лимонной начинкой), она согласилась поехать к Жоржу «пропустить по последнему бокалу».

Она села на пассажирское сиденье его «Порше», когда ЛяТюлип вдруг наклонился к ней и поцеловал ее в губы, после чего кивнул водителю, и они тронулись.

Похоже, этот тип был настроен решительно.

Она постаралась сделать вид, что ей понравилось, улыбнулась и поцеловала его в ответ.

А в это время в Сан-Франциско...

Часы в аэропорту показывали полдень. Джонатан поцеловал сына и спустил его на пол. Взяв посадочный билет, он посмотрел на Маркуса.

— Ну что, я оставляю тебе Чарли на пару дней. Алессандра остается в городе, так что можешь рассчитывать на ее помощь.

Что касается ресторана, то я отменил всю бронь до конца этой недели.

— Ты уверен, что тебе нужно лететь?

— Конечно.

— Но я не особо понимаю, что ты забыл в Лондоне.

— Вообще-то, я лечу в Манчестер. Я должен встретиться кое с кем и уточнить пару деталей...

— А это не может подождать?

— Нет.

— Ты не хочешь мне все объяснить?

Джонатан покачал головой и ответил уклончиво:

— Ну, я тут должен одному человеку. Надо уладить проблемы, прояснить ситуацию, сам понимаешь...

— Это имеет какое-то отношение к Маделин Грин?

— Я все тебе расскажу, когда сам разберусь, в чем дело. А пока — позаботься о Чарли.

— Разумеется.

— Я хочу сказать, что на это время тебе следует воздержаться от алкоголя, шлюх, косяков и от...

— Думаю, я понял.

— И проследи, чтобы он чистил зубы три раза в день. И никаких фильмов или мультиков с элементами насилия, как можно меньше сладостей, и чтобы он съедал не менее пяти фруктов и овощей в день и ложился спать в восемь.

— Будет сделано.

— Ну, все ясно?

— Ясен пень, — ответил Маркус, отчего Чарли весело захихикал.

Джонатан обнял их напоследок и пересек посадочную зону.

Самолет «Бритиш Эйруэйз», рейс Сан-Франциско—Лондон, вылетел час спустя. Джонатан смотрел в иллюминатор и чувствовал, как сердце сжимается у него в груди.

Правильно ли он поступил, оставив сына, которого и без того видел нечасто, одного, да еще в самый разгар рождественских каникул? Очевидно, нет. И все же он постарался об этом не думать. Теперь уже было поздно что-либо менять. Ему нужно было во всем разобраться, найти ответы на все вопросы и отделить правду от вымысла. Маделин уже столкнулась с Элис Диксон и ее страшной историей. Теперь настал его черед.

Париж

Жорж галантно предложил Маделин первой войти в маленький лифт. Он закрыл дверь, нажал на кнопку шестого этажа и с упоением прирос к ее губам долгим липким поцелуем. Одной рукой он мял ее грудь, а другой пытался задрать платье.

Маделин почувствовала, как к горлу подступает тошнота, но все же сумела подавить в себе растущее отвращение. Она была на задании.

На задании.

Дуплекс Жоржа занимал два верхних этажа здания. Квартира была обустроена как современный лофт,^[33] с минималистичным и даже в чем-то промышленным декором. Этажи связывала замысловатая стальная лестница.

Жорж стянул со своей гостыи пальто и тронул стеклянный выключатель, после чего в квартире внезапно заиграла музыка.

— Нравится? Это прогрессивный транс, замиксованный одним датчанином. Его зовут Карл Карл, и он считается королем берлинских клубов. Для меня он как новый Моцарт.

«А ты туп как пробка!» — внутренне воскликнула Маделин, одаривая его самой очаровательной из своих улыбок.

Теперь, когда они остались одни, она чувствовала себя неуютно. Сердце в ее груди бешено колотилось. Она немного боялась того, что могло произойти. Какая-то ее часть хотела сейчас оказаться дома у Рафаэля. Но другая была охвачена лихорадочным возбуждением — так обычно случается перед лицом опасности.

— Хочешь, я сделаю тебе «Розовую киску»? — предложила она, подойдя к комнатному бару.

При слове «киска» Жорж даже крикнул от удовольствия. Он зашел к ней за спину и принялся ласкать сначала ее бедра, затем грудь.

— Погоди, милый, я же сейчас все пролью! — воскликнула Маделин, мягко отстраняясь. Она поспешно взяла два бокала и наполнила их кубиками льда.

— У меня для тебя подарок! — сказал он, извлекая из кармана две маленькие розовые таблетки со звездочкой.

Экстази...

Она взяла одну таблетку и игриво подмигнула.

— Приглуши свет, — предложила она, делая вид, что глотает амфетамин.

«Этот идиот мне все испортит». Она быстро разлила по стаканам водку, грейпфрутовый сок и гренадин и, пока Жорж отсутствовал, щедро сдобрила его напиток рогипнолом — мощным снотворным, которое часто применяют насильники.

— До дна! — сказала она, протягивая ему «Розовую киску».

Слава богу, он не попросил ее отпить. Как только бокал опустел, Жорж опрокинул ее на черную скамью, усеянную маленькими полосатыми подушками.

Обеими руками он схватил Маделин за голову и притянул ее губы к своим, явно полагая, что подобный поцелуй должен выглядеть необычайно чувственным. Он засунул язык ей в рот, задрал ей платье до самых трусиков и начал расстегивать свою рубашку, лаская ее груди и покусывая соски.

Маделин почувствовала, как его грудная клетка прерывисто сокращается. Ему не хватало воздуха. Тело Жоржа было огромным и тяжелым, он навалился на нее, почти раздавив, так что она чувствовала исходящие от него жар и неприятный запах. Ее почти тошнило от его горячей соленой слюны. В полнейшем возбуждении Жорж терзал ее шею, воображая себя львом,

набросившимся на газель. Она задыхалась, но в то же время даже не пыталась противиться его напору. Никто не заставлял ее приходить сюда. Никто не заставлял ее остаться. Она могла покончить с этим одним только словом или окриком, но она этого не сделала.

Чтобы отвлечься от неприятных ощущений, она попыталась сконцентрироваться на том, что ее окружало: на глухом стуке упавшей туфли или на потолке, освещенном фарами проезжавших по улице машин.

Их лица слились в единое целое. Он наконец оставил в покое ее грудь, но лишь затем, чтобы впиться в мочку уха.
— Тебе нравится так? — прошептал он.

Она ограничилась неопределенным стоном, чувствуя бедром его эрегированный член. Повелительным жестом Жорж притянул ее ладонь к своему члену. Маделин закрыла глаза и ощутила во рту металлический привкус.

Найти. Разузнать. Понять. Расследовать.

Это было ее настоящим пристрастием с тех пор, как она пошла работать в полицию. Как она была копом, так она им и осталась. В этом заключалась истинная суть ее природы. Нечто внутри нее, что отравляло и подчиняло, словно болезнь.

Пальца Жоржа медленно опускались вниз к животу, ощупывали бедра, исследовали лобок.

Маделин повернула голову и увидела свое отражение в зеркале. Бледное лицо и блестящие глаза отчетливо выделялись в темноте. Привкус тошноты, двойственность насилия, необходимость переступить черту: ощущения, которые она не испытывала вот уже два года, вдруг разом вернулись к ней, точно бумеранг. Воспоминания, старые чувства — все вдруг стало четким и ярким. К постоянной опасности привыкаешь, и порой профессия полицейского может стать своего рода наркотиком. С тех пор как Маделин получила свое первое «мокрое» дело, по количеству получаемого адреналина мало что могло сравниться с ее работой — ни отпуск, ни отдых с друзьями, ни даже секс. Расследования сделались ее единственной страстью, загадки увлекали ее с головой. Раньше, когда ей доставалось важное дело, она могла денно и нощно работать в комиссариате, спать в машине или в тюремной камере. Но этим вечером все было иначе. Во всяком случае, на первый взгляд. Разумеется, никакого убийства не было, но ее чутье подсказывало ей, что надо оставаться начеку. Франческа не выходила у нее из головы: что заставило эту женщину добровольно разрушить брак и взорвать их собственный с мужем дом? Подобному поведению должна быть какая-то веская причина...

Какое-то мгновение пальцы Жоржа еще пытались скользнуть ей между ног, минуя ткань трусиков, но вскоре они заметно обмякли и потеряли свою былую сноровку. Почувствовав, как ее «любovníк» начинает попросту на нее падать, Маделин резко отстранилась и соскочила с дивана, точно пловчиха, стремительно всплывающая на поверхность. Оглушенный снотворным, ЛяТюлип распластался на диване. Маделин убедилась, что он еще дышит. Оставалось только надеяться, что рогипнол в сочетании с экстази не дадут нежелательных побочных эффектов.

23.00

Не терять ни минуты. Делать свое дело. Немедленно.

Маделин методично принялась за работу. Эта квартира скрывала в себе какую-то тайну, она была уверена в этом. Прежде всего она выключила отвратительную, чудовищно громкую музыку, затем включила свет и начала поиски.

Дуплекс был огромен, но мебели в нем находилось немного. Точнее сказать, все стояло на своих местах. Жорж по натуре своей был весьма педантичным и наверняка пользовался услугами домработницы. У него была гигантская гардеробная, которая могла бы стать предметом мечтаний для многих представительниц прекрасного пола. Полки в библиотеке, стенные шкафы, спортивный инвентарь, современное музыкальное оборудование, DVD-диски (исчислявшиеся сотнями), несколько книг в дорогих обложках — все было тщательно прибрано... Маделин перелопатила все вещи, открыла все, что можно было открыть, заглянула в каждый угол. Этого навыка она не растеряла. Она не могла сказать точно, что конкретно она искала, но чутье подсказывало ей: что-то обязательно должно было найтись. Быть может, в куче документов, которые ЛяТюлип хранил в папках и скоросшивателях?

Она убедилась в том, что Жорж еще без сознания, достала свой «глок» на случай, если тот неожиданно проснется, и, расположившись за его письменным столом, принялась извлекать бумаги из папок: выписки из банковских счетов, налоговые уведомления, счета за электричество и ценные бумаги. Этот осмотр занял у нее чуть больше часа, однако не сообщил ей ровным счетом ничего нового. У ЛяТюлипа был существенный доход не только с ресторана, но также с должности главы Фонда ДеЛилло.

В результате Маделин постигла полная неудача, и она не на шутку рассердилась.

Время летело быстро.

Оставался еще алюминиевый ноутбук, стоявший на журнальном столике в гостиной. Маделин открыла его с величайшей осторожностью. В бытность свою копом она могла проверять содержимое жесткого диска при помощи специальной программы, однако ее собственные знания в области информатики были весьма ограничены. Ей повезло: ноутбук уже был включен, что избавило ее от досадной необходимости подбирать пароль. Она выполнила пару-тройку несложных операций: осмотрела рабочий стол, пролистала папки с фотографиями (сплошь — дайвинг и морские снимки), зашла в историю посещения сайтов, быстро пробежалась по письмам на его электронной почте, но не нашла ничего интересного.

Расследовать — значит быть упорной.

Не отчаявшись, она стала копаться в программе почтового клиента и обнаружила, что Жорж использовал протокол IMAP.^[34] Маделин и сама им пользовалась, поскольку с его помощью можно было просматривать сообщения как с телефона, так и с персонального компьютера. Не обязательно быть компьютерным экспертом, чтобы понять, что в таком случае все сообщения хранятся на специальном сервере и остаются там, даже если владелец уверен, что уже их удалил.

Тогда Маделин решила заглянуть в архивы. Там были тысячи сообщений, которые Жорж отправил или получил за все эти годы. Она пробовала ввести различные ключевые слова, пока наконец не наткнулась на то, что искала.

От: Франческа ДеЛилло

Кому: Жорж ЛяТюлип
Тема: Re:
Дата: 4 июня 2010 19:47

Жорж,
умоляю тебя, откажись от поездки к Джонатану в Сан-Франциско. Мы приняли верное решение. Раскаиваться в чем-либо уже слишком поздно, я думала, ты и сам это понял, прочитав последние газеты...
Забудь Джонатана и все, что с нами произошло. Пусть он оправится.
Если ты расскажешь ему всю правду, ты поставишь меня, его и себя в отчаянное положение и потеряешь все: работу, квартиру и все те мелкие радости, что так тебя увлекают.
Ф.

Сообщение было бессвязным, но при этом весьма интересным. Вероятно, между строк скрывался некий смысл. Она отправила копию письма на свою почту, а для большей безопасности сделала себе распечатку.

1.00

Он почувствовал, как в лицо ему плеснули ледяной водой. Затем ощутил, как его бьют по щекам. Он открыл глаза как раз в тот момент, когда очередная порция обжигающе-холодной жидкости выплеснулась ему прямо в рот.

— Что за?..

Он сидел на стуле в гостиной, привязанный к спинке собственными же галстуками. Он попытался высвободиться, но его руки были скручены за спиной, а лодыжки ему крепко примотали к ножкам стула. В каких-то десяти сантиметрах от его лица угрожающе застыл оружейный ствол. Теперь его дальнейшая судьба целиком и полностью зависела от женщины, которую он сам же по неосторожности привел к себе домой.

— Я... я могу заплатить! Там, в гардеробной, стоит ящик... В нем вы найдете по меньшей мере двадцать тысяч евро.

— Уже нашла твои деньги, — ответила Маделин, швырнув ему в лицо пачки банкнот.

— Но чего же вам еще от меня надо?

— Правду.

— Правду о чем?

— Об этом.

Он опустил голову и увидел письмо от Франчески.

— Но... но кто вы, в конце концов? Я думал, вы простая цветочница и...

— Я женщина, которая наставила на вас пушку, вот и все.

— Не знаю, что конкретно вас интересует в этом деле, но мой вам совет...

— В твоём положении, думаю, тебе нечего мне посоветовать. Но вернемся к электронной почте: зачем вам понадобилось увидеться с Джонатаном Лемперером в Сан-Франциско?

Жорж почувствовал себя дурно; на лице его выступили крупные капли пота. Чтобы как-то развязать ему язык, Маделин приставила пистолет ему ко лбу.

— Джонатан — это человек, которому я обязан всем, что у меня есть, — сдавленно сказал он. — Он вытащил меня из полного дерьма и поставил на ноги. Он был молод и полон сил. В свое время он был исключительным человеком: щедрым, всегда готовым прийти на помощь... Он видел в окружающих лучшее и развивал в них этот потенциал.

— И в качестве благодарности вы увели у него жену?

— Вовсе нет! — воскликнул он, почти задыхаясь. — Уж не думаете ли вы, что Франческа могла влюбиться в такого, как я? Она была без ума от своего мужа! — Неловким движением Жорж утер пот, который уже струился по его подбородку, а затем продолжил: — Это была странная пара. Они буквально упивались обществом друг друга. Он старался произвести впечатление на нее, она — на него. У них было своего рода разделение обязанностей: он готовил и выступал на телевидении, она же ведала закулисной стороной их компании и следила за расширением бизнеса. Франческа боготворила своего мужа и хотела, чтобы он прославился на весь мир, но...

— ...но что?

— Она поторопилась и приняла стратегически неверное решение, что фактически привело к краху их общего дела.

У Жоржа уже зуб на зуб не попадал. Под глазами у него залегли чернильно-черные круги. Не нужно было мешать экстази со снотворным, ох не нужно...

— Так, значит, ваши фотографии с Франческой во всех таблоидах были просто «уткой»?

— Ну конечно! Пару лет назад, будучи на Багамах, она мне позвонила. Это случилось как раз на рождественских праздниках. Я тогда был с приятелем на Мальдивах — мы занимались дайвингом. По ее голосу я понял, что она совершенно расстроена. Франческа попросила меня встретиться с ней на следующий день в Нассау в три часа дня. Она сказала, что это срочно. Я пытался разузнать у нее, что же произошло, но она заверила меня, что чем меньше я буду знать, тем лучше.

— Почему же вы согласились?

— Франческа была моим начальником, так что не думаю, что у меня был какой-то выбор. Помню только, что в аэропорту тогда творилась полная неразбериха: чтобы прибыть вовремя, мне пришлось лететь через Лондон. Я подумал, что Франческа разъяснит мне, что к чему, при личной встрече, но куда там! Нас просто заснял какой-то местный папарацци, и мы улетели.

— Что было потом?

— По прибытии Джонатан ждал нас в аэропорту. Уж не знаю, кто его предупредил, но все прошло просто отвратительно. Он мне врезал как следует, после чего долго ругался с женой — и все это среди бела дня, при свидетелях! На следующий день он объявил о разводе и выставил их компанию на продажу.

— Вы не рассказали Джонатану о том, что случилось на самом деле?

— Нет. Я много думал об этом. Меня мучила совесть, ведь я знал, что в Сан-Франциско дела у него идут неважнецки. Но всякий раз, как я заговаривал об этом с Франческой, она велела мне помалкивать. Тем более что...

— ...тем более что за это молчание она вам неплохо платила.

— Послушайте, я ведь никогда и не утверждал, что я хороший парень. Один лишь Джонатан считал меня таковым.

— А что же Франческа?

— Она все еще живет в Нью-Йорке с сыном. С тех пор как умер ее отец, все его состояние перешло к ней.

— У нее кто-нибудь есть?

— Не знаю. Иногда, бывает, на благотворительные вечера или премьерные показы она приходит не одна. Но это же вовсе не означает, что она с этими мужчинами встречается. Черт возьми, да отпустите вы меня, наконец!

— Говори тише, пожалуйста. Что она имела в виду, когда написала: «Я думала, ты и сам это понял, прочитав последние газеты...»?

— Да я понятия не имею!

Маделин ему не поверила. Все свидетельствовало о том, что Жорж лгал. К тому же, по мере того как он приходил в себя, к нему возвращалась прежняя самоуверенность.

— Вы ведь понимаете, что как только вы меня освободите, я тут же пойду в ближайший полицейский участок и...

— О, я так не думаю.

— Это еще почему?

— Потому что я и есть полиция, придурок!

Ей нужно было успокоиться. Она находилась в очень опасной ситуации. Что делать дальше? Засунуть ему дуло «глока» в рот? Продолжить лить воду, пока он не начнет захлебываться? Или отрезать ему палец?

Был бы здесь Дэнни, он расколол бы его за пять минут. Однако сам Дэнни вряд ли был бы в восторге от того, что она зашла так далеко.

Она взяла кухонный нож и перерезала один из галстуков, высвободив тем самым правую руку Жоржа.

— Остальное сделаешь сам, — бросила она, выходя из квартиры.

22

Манчестерский Призрак

Тайна, которую мы храним, подобна греху, о котором не хотим исповедаться: она пускает корни внутри нас, отравляет нас и лишь обрастает все новыми тайнами.

Хуан-Мануэль Де Прада

Среда, 21 декабря

Лондон

Самолет «Бритиш Эйруэйз» приземлился в аэропорту Хитроу в семь часов утра. Было темно, дождливо и туманно. Эта типично английская погода не слишком расстроила Джонатана: он прилетел сюда не на отдых. Едва войдя в аэропорт, он поменял часть денег в ближайшем банкомате и тут же направился к стойке «Херц», чтобы взять напрокат машину, которую забронировал накануне через Интернет.

Чтобы добраться из Лондона в Манчестер, нужно было ехать часа четыре. Первые несколько километров показались Джонатану сущим кошмаром: поначалу он даже решил, что никогда не сможет привыкнуть к левостороннему движению. Мысленно он почти проклинал англичан (сами они частенько критикуют французское высокомерие, однако что можно сказать о нации, которая отказывается вводить у себя в стране евро, использует левостороннее движение и показывает «класс» при помощи указательного и большого пальцев?), однако старался по возможности не поддаваться этим этноцентрическим стереотипам. Он несколько раз глубоко вздохнул и убедил себя не волноваться по пустякам, ехать медленнее и осмотрительнее.

Но почти сразу же, едва он въехал на круговую развязку, перепутал съезд, хотел было включить поворотник, но из-за путаницы в управлении запустил дворники и в итоге чуть было в кого-то не врезался.

На магистрали Джонатан держался предельно внимательно, отслеживая дорожные знаки чуть ли не на каждом километре. Будучи уже в предместьях Манчестера, он включил GPS-навигатор и ввел координаты полицейского управления в Читэм-Бридж. Следуя указаниям навигатора, он с грехом пополам добрался до нужного места. При виде большого серого здания Джонатан испытал массу эмоций. Все было именно так, как он себе и представлял. Именно здесь работала Маделин. Именно сюда одним туманным утром пришла Эрин Диксон, чтобы заявить о пропаже своей дочери...

В приемной Джонатан спросил, не работает ли у них детектив по имени Джим Флаэрти. Получив утвердительный ответ, он осведомился, когда полицейский сможет его принять.

— У меня есть новые сведения по одному из его дел.

Дежурная сделала пару звонков, после чего пригласила Джонатана следовать за ней. Они прошли через большой просторный зал, который был ему знаком по старой фотографии со дня рождения Маделин. В полицейском участке все шло своим чередом. За прошедшие годы практически ничего не изменилось. Исчез только плакат Кантона, уступив место постеру с изображением Уэйна Руни.

Не лучшее ваше достижение, парни...

Дежурная провела его до дверей служебного кабинета, где работал Флаэрти вместе с одним молодым лейтенантом.

— Главный детектив вас примет.

Джонатан поприветствовал лейтенанта и прошел внутрь. Над столом детектива он сразу увидел плакат «Канто», который Флаэрти приклеил скотчем рядом с афишей концерта группы «Клеш».

Неплохо он здесь устроился... На стене висела пробковая доска. К ней были приколоты несколько фотографий — дни рождения, вечеринки по случаю ухода на пенсию, прочие увеселительные мероприятия, — причем все они относились к тому времени, когда Маделин еще работала в участке. Наконец в правом верхнем углу Джонатан заметил пожелтевшую от времени листовку, напечатанную в период исчезновения Элис Диксон. Флаэрти не только не выбросил ее, но даже повесил рядом с портретом своей бывшей напарницы. Отрицать очевидное было бесполезно: у женщин был один и тот же взгляд, грустный и задумчивый; та же красота... Джонатан смотрел на фотографии, и ему казалось, что он находится где-то далеко-далеко, в мире, который принадлежит только им обоим...

— Могу я вам чем-то помочь? — спросил Флаэрти, прикрыв дверь так, чтобы их не могли побеспокоить. Джонатан поздоровался с полицейским. Внешне русоволосый Джим производил довольно приятное впечатление, а его размеры как в ширину, так и в высоту внушали уважение. На фотографиях он был, пожалуй, даже привлекательным, однако с тех пор прошло много лет, и было видно, что детектив себя порядком запустил. В частности, это касалось его необъятного живота: во всяком случае, несколько недель диеты Дюкана ему бы точно не повредили.

— У нас есть общая знакомая, лейтенант, — начал Джонатан, присаживаясь на стул.
— Кто же?
— Маделин Грин.
В глазах Флаэрти забрезжила едва заметная искорка.
— Маделин... С момента ее отставки я о ней ничего не слышал. Как она?
— Думаю, все в порядке. У нее свой цветочный магазин в Париже.
— Да, мне говорили.
— Вообще-то, я хотел поговорить не о Маделин, а об Элис Диксон.

Флаэрти нахмурился и сурово посмотрел на него. Джонатан почти физически ощутил возросшее между ними напряжение, и ему сразу же расхотелось что-либо советовать по поводу диеты.
— Вы один из этих дерьмовых прощелыг-журналистов?
— Отнюдь. Я шеф.
— Шеф чего?
— Шеф-повар.

Коп окинул его скептическим взглядом, но вскоре смягчился:
— Раньше вас показывали по телевизору, не так ли?
— Да, это был я.
— Ну и каким ветром вас занесло в мой кабинет?
— У меня есть кое-какие сведения, которые могли бы вас заинтересовать.

Полицейский украдкой посмотрел на своего коллегу, затем быстро перевел взгляд на настенные часы, которые показывали час дня.
— Вы обедали? — спросил он.
— Нет еще. Я вылетел из Сан-Франциско и приземлился в Лондоне сегодня утром.
— Только ради того, чтобы со мной поговорить?
— Именно так.
— Тут недалеко есть одно местечко, куда часто заходят копы. Не откажетесь от рыбы с жареным картофелем?
— Охотно пообедаю с вами, — откликнулся Джонатан, поднимаясь со стула.
— Но я вас сразу предупреждаю, это не «Фэт Дак»...^[35]

Тут он не соврал. В забегаловке было шумно, пахло пивом, потом и фритюром. Едва они расположились за столиком, Флаэрти взял быка за рога:
— Вы мне нравитесь, но скажу вам прямо: дело Элис Диксон вот уже два года как закрыто, понятно вам? Так вот, если вы собираетесь мне вешать на уши всякую лапшу и кормить меня нелепыми догадками, я начищу вам морду вашей же тарелкой, ясно?
— Как день, — ответил Джонатан.
«Пожалуй, это не лучшее выражение, которое можно было бы подобрать в данной ситуации», — подумал он, глядя в окно, потемневшее от хлещущих в него косых струй дождя.
— В таком случае я вас слушаю, — проворчал Джим и разом проглотил чуть ли не половину жареной рыбы.
— Что стало с Эрин Диксон? — начал Джонатан.
— С матерью девчонки? Она умерла в прошлом году от передозировки. Все деньги, что ей заплатили телевизионщики, она спустила на наркоту. И не рассчитывайте, что я испытываю к ней хоть малейшую жалость...
— Почему дело было так быстро закрыто?
— Быстро? Мы получили сердце девочки два с половиной года назад, весной 2009 года, за десять дней до ареста Харальда Бишоп, Ливерпульского Мясника. У нас есть доказательства убийства Элис и убийца за решеткой. По-вашему, этого не достаточно?
— Я читал, что Бишопу присудили несколько убийств, которых он не совершал...
— Да, это обычное дело, когда речь идет об этих серийных убийцах. Мы до сих пор не в курсе всего, что натворил Бишоп. Говорит он много, но все больше не о том, что мы хотели бы от него услышать. Как и большинство маньяков, он совершенно чокнутый, но вместе с тем — чрезвычайно расчетлив. На допросах он просто издевается: сначала признается в чем-то, потом откажется от своих слов — и все по новой. Мы провели тщательный анализ всех останков, найденных у него в саду. Образцы не

совпадают с ДНК Элис, но это вовсе не значит, что он ее не убивал.

Джонатан проглотил кусок жареной рыбы и вдруг почувствовал легкое недомогание. В кафе было слишком тесно, да и жарко, как в печи. Ему стало плохо. Он расстегнул воротничок своей рубашки и заказал бутылку «Перье».

— Вы все еще любите Маделин Грин? — спросил он, вскрывая бутылку.

Флаэрти ошарашенно уставился на него. В Джонатане вдруг заклокотала слепая ярость.

— Ну же, Джим, признайтесь! Она красивая, умная, предприимчивая женщина... и этот ее маленький шрам, который только делает ее привлекательнее!.. Ее трудно не любить, разве нет?

Флаэрти грохнул кулаком по столу.

— Откуда у вас эти...

— Достаточно просто посмотреть на фотографии в вашем кабинете. С тех пор как Маделин ушла, на сколько кило вы поправились? На пятнадцать? Двадцать? Вы совсем перестали за собой следить, Джим. Я думаю, что ее отставка опустошила вас, что вы...

— Кончайте чушь пороть! — прошипел коп, хватая его за воротник.

Но Джонатан продолжил:

— Я также думаю, что вы вовсе не убеждены в том, что это Бишоп убил Элис. Вы оставили у себя в кабинете листовку о ее пропаже, то есть вы не хотите мириться с тем, что дело закрыто. Я уверен, вы думаете об Элис каждый божий день. А еще я полагаю, что вы начали собственное расследование и, быть может, даже нашли что-нибудь новенькое. Разумеется, это не доказательства, которые позволили бы вновь открыть дело, — нет; это маленькие детали, незначительные для следствия, но крайне важные для вас. Достаточно важные, чтобы вы не спали по ночам...

Взгляд Флаэрти затуманился. Совершенно сбивый с толку, он даже отпустил воротник Джонатана. Тот встал, натянул свою куртку и положил на стол купюру в десять фунтов, после чего вышел на улицу. Он прошел несколько метров под дождем, перешел через дорогу и решил переждать ливень под козырьком какой-то школы.

— Подождите! — к нему спешил Флаэрти. — Вы сказали, что у вас для меня есть какие-то сведения.

Оба сели на деревянную скамью под навесом. В разгар рождественских каникул на школьном дворе было тихо и безлюдно. Ливень превратился в настоящую бурю и теперь обрушивал на квартал нескончаемые потоки воды.

— Я не Санта-Клаус, — предупредил Джонатан. — Прежде чем поделиться с вами моими соображениями, я хотел бы знать, как обстоят дела с расследованием.

Джим вздохнул и начал свой рассказ.

— Вы правы: несмотря на то что дело закрыто, я продолжал в свободное время проверять зацепки, которые в свое время нашла Маделин. В частности, речь шла о личном дневнике Элис. Он нас сразу заинтересовал.

— Почему?

— Потому что в нем описывались вполне будничные вещи. «Личного» же не было ничего...

— Вы отдали его на анализ?

— Да, сначала графологу, который подтвердил его подлинность, затем — химикам. Выявить дату появления современных печатных документов довольно сложно, но вот страницы, написанные от руки, — совсем другое дело. Например, вам известно, что некоторые производители добавляют в чернила своих ручек так называемые химические маркеры, по которым в дальнейшем можно определить год их выпуска?

Джонатан покачал головой. Джим продолжил:

— Чернила начинают стареть только после соприкосновения с бумагой. Их составляющие разлагаются на множество элементов, которые можно обработать и изучить при помощи инфракрасного света. Не буду вдаваться в подробности... Короче говоря, анализ показал, что страницы были действительно написаны рукой Элис, однако записи в дневнике, охватывающие временной период более чем в год, были выполнены одной ручкой!

Джонатан не был уверен, что все понял. Джим пояснил:

— Я уверен, что это была «отредактированная» копия дневника, которую Элис сделала специально, чтобы замести следы.

— Все это, конечно, весьма любопытно, но вы не находите, что этого недостаточно, чтобы делать подобные выводы?

— Есть и кое-что другое, — добавил Флаэрти. — Музыкальный инструмент, который мы нашли в ее комнате.

— Ее скрипку?

— Да. С шести лет Элис брала уроки музыки у некой Сары Харрис, довольно известной скрипачки. Они познакомились, когда Харрис проводила в их школе мастер-класс. У Элис были способности к музыке, Сара заметила это и подарила девочке отличную скрипку ручной работы. По нашим прикидкам, такая скрипка может стоить от пяти до семи тысяч евро...

— Но в комнате Элис вы нашли не эту скрипку, не так ли?

— Нет. Я запросил экспертизу данного инструмента и выяснил, что найденная скрипка была сделана в Китае, так что эта хрень не стоила ни гроша...

На этот раз Джонатан вынужден был признать, что дело принимало интересный оборот. Неужели Элис незадолго до исчезновения продала свою скрипку? Во всяком случае, на снимках, зафиксированных охранными камерами, скрипки у нее уже не было.

— Я все перепробовал, обдумывал разные версии, но так ни до чего и не докопался, — признался Джим с горечью в голосе.

— Вы пробовали отталкиваться от истории с присланным сердцем?

— Я, по-вашему, новичок, так, что ли? Что вы имеете в виду? Пересадку сердца?

— Хотя бы...

— Разумеется, я все проверил! Впрочем, не так уж это и сложно: для таких операций нужны специальные клиники, самих трансплантатов очень мало, и каждый из них находится под строжайшим контролем. Я навел справки о подростках, получивших новое сердце в следующие пару месяцев после исчезновения Элис. Таких всего несколько десятков. Личности всех были установлены, операции были оформлены без каких-либо нарушений.

Джонатан расстегнул молнию своей сумки и достал пластиковый пакет, внутри которого лежали две исписанные салфетки с пятнами шоколада на них.

— Что это? — спросил Джим, пытаясь разобрать каракули через прозрачный пластик.

Наконец он узнал этот почерк. Сумел прочесть первые строчки:

Дорогой господин Лемперер, то есть, я хотела сказать, Джонатан.

Я взяла на себя смелость достать пули из вашего револьвера и выбросить их в урну на парковке, пока вы пили свой кофе...

— Отправьте эти салфетки в лабораторию. Постарайтесь снять отпечатки пальцев.

— Расскажите мне еще что-нибудь, — взмолился полицейский.

— Посмотрите описание на обороте, и вы все поймете.

Джим нахмурился и перевернул пакет. На каждой салфетке красовалась золотая надпись: «Сеть заправочных станций „Тоталь“ поздравляет Вас с новым, 2010 годом!»

— Это невозможно, тогда Элис была уже полгода как мертва!

— Позвоните мне, когда получите результаты. — Джонатан вместо ответа протянул ему свою визитную карточку.

— Погодите! Вы возвращаетесь в Сан-Франциско?

— Да, — соврал Джонатан. — У меня самолет сегодня вечером, а до этого у меня еще кое-какие дела в одном ресторане.

Сказав это, он вышел под дождь и направился к своей машине.

Он завел двигатель, включил дворники и поехал. Все его мысли были поглощены информацией, которую ему только что сообщил Флаэрти. Эта история с личным дневником, со скрипкой... Погрузившись в размышления, он не замечал, что едет по правой стороне дороги. Внезапно из пелены дождя перед ним вырос автобус, который стремительно приближался. Джонатан закричал, изо всех сил крутанул руль и попытался выровнять машину на полном ходу. В итоге он потерял покрышку, поцарапал дверь и к тому же перепугался до чертиков.

Но он был жив.

Париж

16.30

— Ты едешь к Джулиане в Лондон! — воскликнул Рафаэль. — Вот так, ни с того ни с сего?

— Мне сейчас это нужно, — ответила Маделин.

Они встретились в маленьком кафе на улице Перголез, на первом этаже здания, где у Рафаэля была студия.

— Когда ты уезжаешь?

— Вечером: «Евростар», отправление в 18.13.

— Но до Рождества осталось три дня!

Она попыталась ободрить его:

— Не празднуй без меня: я вернусь вечером двадцать четвертого.

— А как же твой магазин? Я думал, у тебя сейчас полно работы.

— Послушай, — сказала она раздраженно, — я просто хочу увидаться с подругой, которая живет в Англии, вот и все! Сейчас не 1950 год, так что я вполне обойдусь и без твоего разрешения.

Терпение ее вдруг лопнуло, она резко встала и вышла из кафе. Обескураженный, Рафаэль расплатился по счету и нагнал ее в таксопарке на авеню Гранд-Арме.

— Я никогда тебя такой не видел, — с тревогой в голосе заметил он. — Тебя что-то беспокоит?

— Нет, дорогой, не волнуйся. Мне просто нужна эта маленькая передышка, ладно?

— Ладно. — Он кивнул и помог ей забросить рюкзак на заднее сиденье такси. — Ты позвонишь мне, когда вернешься?

— Ну конечно. — Она поцеловала его.

Он наклонился к водителю:

— На Северный вокзал, пожалуйста.

Машина тронулась с места. Маделин помахала Рафаэлю через стекло, тот в ответ послал ей воздушный поцелуй.

Она дождалась, пока такси доедет до площади Звезды, а затем обратилась к таксисту:

— Забудьте про Северный вокзал. Я еду в Руасси, первый терминал.

Маделин предъявила свой паспорт и билеты сотруднице «Эйр Чайна». В период рождественских праздников все рейсы в Сан-Франциско были забиты до отказа и стоили необычайно дорого. За сумму чуть менее тысячи евро она смогла найти по Интернету лишь какой-то захудалый билетик в один конец — да к тому же еще и китайской авиакомпании. Мало того, самолет должен был совершить кратковременную посадку в Пекине!

Маделин вошла в стеклянный коридор, ведущий непосредственно в самолет, и бросила взгляд на свое отражение в стекле. Она была сама на себя не похожа: старые джинсы, свитер с закатанными рукавами, кожаная куртка... Не накрашена, не причесана — вообще выглядела весьма небрежно. Но зато этот ее слегка «помятый» облик отлично гармонировал с тем сумбуром, что творился сейчас в ее голове.

Она винила себя за то, что вновь солгала своему парню. Рафаэль был примерным молодым человеком, ответственным и заботливым. Он знал о ее прошлом, но никоим образом ее не осуждал. Она не имела права поступать с ним вот так.

Тем не менее, когда ей позвонил Джим Флаэрти, она не колебалась ни секунды и тотчас же забронировала билет.

Бывший коллега разыскал телефонный номер ее цветочного магазина и связался с ней утром, чтобы сообщить, что некий Джонатан Лемперер приехал в Манчестер, уверял, что знает ее, и расспрашивал его об Элис Диксон.

Дело Диксон...

Элис.

Простое упоминание об этой девушке подействовало на нее как удар тока, события последних дней вмиг обрели ясность и смысл. Это был знак судьбы! Фатум играл с ней с самого начала, подбросив ей телефон Лемперера. В результате, пытаясь выяснить что-либо о Жорже, Франческе и Джонатане, она вышла на след Элис!

События того дня предстали перед ней так четко, словно произошли вчера, как и образ, который Маделин так долго гнала от себя, пытаясь уберечь рассудок. Воспоминание о девочке-подростке было ярким, полным деталей. То была незаживающая рана в ее душе, и ни один огонь не способен был ее прижечь.

Нельзя просто так избавиться от своего прошлого. Нельзя просто так выбраться из его зыбучих песков.

Элис вернулась за ней.

Элис преследовала ее.

Тогда ужас, который она испытала при виде вырванного сердца, не позволил ей продолжить расследование.

Но теперь она готова была пойти до конца.

И неважно, какую цену ей придется за это заплатить.

23

Двустороннее Зеркало

Я не знаю, куда ведет мой путь, но мне легче идти, когда моя рука сжимает твою.

Альфред де Мюссе

Четверг 22 декабря

Аэропорт Ницца — Лазурный берег

11.15

Асфальт сверкал в лучах зимнего солнца.

Утром Джонатан сел в самолет и из английской серой хмари попал прямиком в уютное тепло Средиземноморья. Из аэропорта он сразу же взял такси до Антиба. Машин особо не было, так что водитель решил проехать по трассе, проходящей вдоль моря. Глядя на Английскую набережную, можно было подумать, что вы находитесь где-нибудь в Калифорнии в теплое время года: кто-то бегал трусцой, кто-то выгуливал собак, а иные отдыхали в тени беседок, перекусывали сэндвичем и наслаждались видом, открывавшимся на залив Ангелов.

Двадцать минут спустя Джонатан уже был в Антибе. Такси пересекло центр города и выехало на бульвар Гаруп. По мере того как Джонатан приближался к своей цели, в нем нарастало нетерпеливое возбуждение. Интересно, кто сейчас живет в доме Элис? Быть может, теперь, во время каникул, девушка, с которой он встречался двумя годами ранее, все еще проводит там Рождество вместе со своими родителями?

— Подождите меня здесь несколько минут, — попросил он водителя и направился к тупику Сан-Суси.

На этот раз ворота были закрыты. Ему пришлось несколько раз позвонить и показать свое удостоверение в камеру видеонаблюдения, прежде чем его пустили.

Путь по гравиевой дорожке через сосняк он проделал пешком. В воздухе плавали ароматы тимьяна, розмарина и лаванды. На крыльце его уже ждала женщина лет пятидесяти. На голове у нее был платок, а в руках она держала палитру. Кое-где на лице у нее были заметны небольшие пятна краски: очевидно, он застал ее как раз в тот момент, когда она занималась живописью.

— Чем я могу вам помочь? — спросила она с сильным австрийским акцентом, который делал ее похожей на Роми Шнайдер.

Ее звали Анна Аскин, и она жила здесь с весны 2001 года. Большую часть года она сдавала этот дом богачам-иностранцам: русским, англичанам, голландцам.

Джонатан был не сильно удивлен. Получается, Элис соврала ему: ее «родителям» этот дом не принадлежал. Вероятно, они просто приезжали сюда на зимние каникулы.

— Простите за беспокойство, но я ищу семью, которая снимала у вас этот дом два года назад. Фамилия Ковальски вам о чем-нибудь говорит?

Анна Аскин покачала головой. Обычно она не встречалась с клиентами лично: будучи ярким любителем домашней электроники, ее муж полностью автоматизировал помещение. Практически все в доме работало на специальных кодах и инфракрасных датчиках, управляемых единой компьютерной программой.

— Не знаю, но я могу проверить.

Она жестом позвала Джонатана за собой. Вместе они прошли до круглой башенки, возвышавшейся над морем и прибрежными скалами. Рядом с мольбертом, расположенным на тиковом столе, стоял модный ноутбук последней модели, из динамиков которого доносилась легкая расслабляющая музыка. Женщина открыла таблицу, сделанную в «Эксель», и принялась просматривать список съемщиков.

— Все верно, мистер и миссис Ковальски. Американцы. Они сняли дом на две недели в период с 21 декабря 2009 года по 4 января. Странно то, что они съехали раньше времени: дом был пуст уже вечером 1 января.

«Они уехали почти сразу же по возвращении Элис», — подумал Джонатан.

— У вас есть их адрес?

— Нет, ведь они заплатили наличными: девять тысяч долларов были переведены моему мужу в Нью-Йорк задолго до назначенной даты. Обычно это происходит нечасто, однако с американцами такое случается. Знаете, у них есть своя так называемая религия наличных денег, — бросила она несколько пренебрежительно.

— А как же залог?

— Выплаты залога они не просили.

Вот дерьмо...

— Неужели у вас ничего нет?!
— Обычный адрес электронной почты. Так мы с ними и общались.

Без особой надежды Джонатан переписал адрес: почта на Хотмейл, вероятно, была создана исключительно для подобных целей. Выяснить что-либо с ее помощью будет практически невозможно.

И все же он поблагодарил Анну Аскин за помощь, после чего вернулся к машине и попросил водителя отвезти его в аэропорт.

14.00

Джонатан подошел к стойке «Эр Франс» и купил билеты на трехчасовой трансфер до Парижа. В ожидании своего рейса он устроился в одном из многочисленных кафе, панорамой выходивших на взлетно-посадочные полосы, и пообедал клубным сэндвичем.

Как правило, он неуютно чувствовал себя в аэропортах, однако в Ницце все обстояло иначе. Терминал напоминал огромный стеклянный конус, наподобие летающей тарелки. Остекленный фасад выходил прямо на море. Изнутри открывался поистине фантастический вид на залив Ангелов и заснеженные вершины горного массива Эстерель. Это место можно было смело назвать мечтой футуриста — оно успокаивало и включало воображение. Свет был повсюду, будто вы находились вовсе не в аэропорту, а в бесконечных размеров помещении, зависшем на пол пути между морем и небом...

Он потянул за резинку и открыл свой ежедневник «Молескин», где был тщательно законспектирован его разговор с Джимом Флаэрти. Туда же он записал все, что сегодня узнал от Анны Аскин, размышляя о том, что, по сути, он никоим образом не приблизился к разгадке. История Элис Диксон поразила его до глубины души, однако он знал не больше, чем те, кто занимался расследованием до него: чем больше он углублялся в эти детективные дебри, тем запутаннее становились события.

Он сделал еще несколько пометок, пытаясь увязать одни факты с другими и перечислить на страницах ежедневника все гипотезы, какие только могли прийти ему в голову. Он настолько погрузился в свои размышления, что чуть не прослушал, как его вызывают на посадку.

Джонатан понимал, что все его попытки докопаться до истины ни к чему не привели. Знал он также, что ключ к разгадке по-прежнему очень и очень далек от него. Но он был абсолютно уверен лишь в одном: ему просто необходимо было пообщаться с Маделин Грин.

Аэропорт Сан-Франциско

8.45

С неприкрытой гордостью пилот «Эйр Чайна» объявил своим пассажирам, что самолет приземлился с пятиминутным опережением графика.

Закинув рюкзак за плечи, Маделин влилась в поток пассажиров, который позднее заstopорился возле стойки иммиграционной службы. Она с удивлением обнаружила, что было еще только девять часов утра. Когда у нее спросили паспорт, Маделин вдруг осознала, что в спешке забыла заполнить форму электронной системы авторизации для въезда в США!

— Несколько дней назад вы были в Нью-Йорке. Ваш документ действителен еще два года, — успокоил ее сотрудник.

Она облегченно вздохнула и постаралась успокоиться. У нее не было багажа, так что она сразу прошла к такси и назвала водителю единственный адрес Джонатана, который знала, — адрес его ресторана.

Было тепло и солнечно. Сложно было представить, что несколькими часами ранее она находилась в сером, хмуром Париже. Чтобы полностью прочувствовать отличную погоду, Маделин даже опустила стекло.

Калифорния...

Она всегда мечтала здесь оказаться, правда, думала, что приедет сюда как-нибудь на праздники, в компании любовника. Но уж точно не так, с бухты-барахты, да к тому же еще и обманув человека, который любил ее и предлагал ей руку и сердце.

«Гадство... и почему я все порчу?»

Ей потребовалось два года на то, чтобы вернуть себе ровную и спокойную жизнь, но это равновесие было нарушено, когда внезапно появились призраки из прошлого. За несколько дней она потеряла все, что так тщательно собирала по крупицам. Она чувствовала себя потерянной, опустошенной, посреди огромного необитаемого пустыря, зависшей между двумя жизнями, ни одна из которых ей не принадлежала по-настоящему.

За двадцать минут такси пересекло город от южных кварталов до Норт-Бич.

Было десять часов, когда водитель высадил Маделин возле ресторана Джонатана...

А в это время в Париже

Шесть часов вечера. Самолет вылетел из Ниццы с опозданием. Причиной тому была неожиданная забастовка авиадиспетчеров, задержавших рейс почти на целый час. Позднее в Орли ему пришлось ждать с четверть часа, пока к самолету подгонят трап. Было темно, холодно, дождь лил как из ведра, к тому же кольцевая дорога превратилась в одну сплошную пробку. Любезный и разговорчивый, как тюремные ворота, водитель такси включил радио на полную громкость и, видимо, плевать хотел на своего клиента.

Welcome to Paris!

Джонатан вовсе не чувствовал себя французом. В отличие от того же Нью-Йорка, Сан-Франциско или южных городов Франции, Париж не был его городом. Здесь он не чувствовал себя дома. О столице У него не сохранилось никаких приятных воспоминаний, и уж тем более он не хотел бы растить тут своего сына.

Как только они пересекли Порт-д'Орлеан, пробка понемногу рассосалась. Они подъезжали к Монпарнасу. На «своем» телефоне Джонатан проверил рабочие часы цветочного магазинчика Маделин. Он закрывался только в восемь, а значит, уже через несколько минут он сможет увидеться с ней и поговорить. Он испытывал волнение, смешанное с легким чувством тревоги. Никогда прежде ему не доводилось так хорошо знать человека, при этом ни разу с ним не встретившись лично. Случайного обмена мобильными телефонами оказалось достаточно, чтобы Джонатан чувствовал теперь к ней сильнейшую привязанность.

Такси проехало мимо знаменитого Бельфорского льва на площади Данфер-Рошро, вырулило на бульвар Распай, а затем повернуло на улицу Деламбр. А вот и магазин. Джонатан сразу узнал нежно-зеленую вывеску, которую видел на фотографии интернет-сайта. Дорогу такси перегораживал грузовик, из которого выгружали продукты для ближайшего ресторанчика суши. Джонатан не стал ждать. Он расплатился с таксистом и выскочил из машины...

Сан-Франциско

На двери ресторана «Френч Тач» Маделин обнаружила объявление, написанное на грифельной доске:

Уважаемые посетители!

Ресторан будет закрыт до 26 декабря включительно.

Спасибо за понимание.

Маделин не поверила своим глазам: Джонатан Лемперер решил взять отпуск?! Выходит, она преодолела двенадцать тысяч километров... просто так?

Вот дерьмо! Ей, конечно же, не следовало действовать столь необдуманно. Надо было заранее навести справки и все такое, но ведь Джим Флаэрти заверил ее, что Джонатан сел на самолет накануне вечером.

Она перечитала последнюю строчку: «Спасибо за понимание».

— Понимание! Засунь себе свое понимание знаешь куда? — крикнула она, немало обескуражив сухонькую старушку, выгуливавшую неподалеку своего пса.

Париж

Дорогие друзья!

По причине рождественских праздников «Чудесный сад» будет закрыт со среды 21 декабря по понедельник 26 декабря включительно.

Счастливого Рождества всем!

Маделин Грин + Такуми

Джонатан даже глаза протер от изумления: она закрыла свой магазин за неделю до Рождества! Судя по всему, молодая англичанка поддалась дурному влиянию французских граждан! Вскоре его смятение сменилось раздражением. Он готов был закричать от ярости, как вдруг у него в кармане зазвонил телефон. Это была Маделин...

Она: Где вы?

Он: Эй! Эй! Вас никогда не учили здороваться?

Она: Здравствуйте. Где вы?

Он: А вы?

Она: Представьте себе, стою перед вашим рестораном!

Он: Что?

Она: Я в Сан-Франциско. Скажите, где вы живете, и я к вам подъеду.

Он: В том-то и дело, что я не у себя!

Она: В смысле?

Он: Я в Париже, возле вашего магазина.

Она: ...

Он: ...

Она: Черт возьми, и вы не могли меня предупредить?

Он: А, так это я виноват? Что ж, я могу вас спросить о том же!

Она: Это *вы* стали копаться в моем телефоне! *Вы* начали совать нос не в свое дело! И это *вы* каким-то образом разузнали факты, которые полностью перевернули мою жизнь! И *вы*...

Он: Довольно! Слушайте, нам нужно поговорить спокойно. С глазу на глаз.

Она: Не так-то просто это сделать, когда нас разделяют десять тысяч километров!

Он: Вот почему мы сделаем шаг навстречу друг другу.

Она: ?..

Он: Давайте встретимся на Манхэттене. Это не займет много времени, к тому же с учетом часовых поясов мы можем встретиться уже этим вечером.

Она: Вы что, больной? Во-первых, самолеты сейчас переполнены, моя кредитка на нуле, и вообще я...

Он: Есть рейс «Юнайтед Эйрлайнз» на четырнадцать тридцать. Я им часто летал, когда навещал Чарли в Нью-Йорке. У меня набралась целая куча бонусных миль, так что можете считать, что этот билет я вам дарю...

Она: Знаете, что можете сделать со своим билетом?

Он: Хм, не думаю, что сейчас самое время для оскорблений и демонстрации вашего горлопанства. Лучше пришлите мне номер, дату и место выдачи вашего паспорта. Они мне нужны, чтобы забронировать билет.

Она: Хватит мне указывать и говорить со мной, как с малолетней дурочкой! Вы не мой отец!

Он: Нет, и слава богу...

Она: И перестаньте уже без конца лезть в мою личную жизнь и мои расследования!

Он: Ваши расследования? Позвольте напомнить, что вы давно уже не коп.

Она: Я не понимаю, что вам от меня надо. Вы хотите меня шантажировать, да?

Он: Не говорите глупостей, я просто хочу помочь.

Она: Помогая кому-либо, прежде всего начните с себя.

Он: Что вы имеете в виду?

Она: Я хочу сказать, что ваша жизнь — это полнейший беспредел и что ваша жена от вас что-то скрывает.

Он: На чем основывается это ваше мнение?

Она: Я провела небольшое расследование...

Он: Вот и еще одна причина, чтобы поговорить, не так ли?

Она: Мне нечего вам сказать.

Он: Послушайте, у меня есть новые сведения, касающиеся Элис Диксон.

Она: Да вы просто псих...

Он: Позвольте мне вам просто все объяснить...

Она: Идите к черту!

Она отключилась. Он попробовал ей перезвонить, но она выключила мобильный. Боже правый! Теперь она только усложнила ему задачу...

Серия ярких вспышек озарила темные тучи, за ними последовал страшный удар грома. Дождь зарядил с новой силой. У Джонатана не было ни зонта, ни капюшона, так что за воротник ему то и дело заливалась вода. Он попытался поймать такси, но тщетно — он ведь был не в Нью-Йорке. Проклиная все на свете, он кое-как добрался до вокзала «Монпарнас» и занял место в очереди. Одинокий силуэт жутковатой башни некрасиво чернел в парижском небе. Как и любой другой, кто заходил в этот квартал, Джонатан задался вопросом: каким образом власти позволили построить эту чудовищно некрасивую громадину?

Он уже садился в такси, когда из его мокрого кармана вдруг донесся веселый перезвон, известив его о приходе эсэмэски.

Это снова была Маделин. Сообщение содержало ряд цифр и букв, а также: «Выдано в Манчестере, 19 июня 2008 года».

В аэропорту Париж-Шарль-де-Голль Джонатан сел на рейс «Эр Франс», вылетающий в 21.10. Перелет занял семь часов пятьдесят семь минут, и в Нью-Йорке он был уже в 23.05.

Маделин покинула Сан-Франциско в 14.30. Она получила мейл с электронным билетом, который обещал ей Джонатан. Перелет до Нью-Йорка длился пять часов двадцать семь минут. На часах было 22.55, когда она приземлилась в международном аэропорту имени Джона Кеннеди.

Нью-Йорк

Едва приземлившись, Джонатан сразу же направился к большому электронному табло и узнал, что Маделин прилетела на десять минут раньше его. Он не знал, где она его ждет, а позвонить не решался. Вдруг невдалеке он заметил вывеску заведения «Небесные врата», где они с Маделин встретились впервые.

Быть может...

Он подошел к кафетерию и посмотрел через стекло. Маделин сидела за столиком, а рядом с ней были чашка кофе и рогалик. Он почти сразу же узнал ее. Элегантная жертва моды, какой он ее запомнил, теперь превратилась в городскую девушку-соседку. Макияж исчез. Туфли-лодочки сменились стильными кедами, вместо пальто марки «Прада» она надела кожаную куртку, а роскошная гобеленовая сумка «Монограм» уступила место бесформенной спортивной.

Ее волосы были частично собраны в пучок и падали на лицо непослушными светлыми прядями, скрывая шрам и в то же время придавая ей женственности.

Джонатан тихонько постучал по стеклу. Она услышала и подняла глаза. Он тотчас же понял, что женщина, сидевшая перед

ним, не имела ничего общего с той милой, игривой девушкой, которую он встретил в прошлую субботу. Главный детектив Манчестера взял верх над парижской цветочницей.

— Добрый вечер, — сказал Джонатан, подойдя к ее столу.

Глаза Маделин были красными от недосыпа. По всей видимости, она очень устала.

— Добрый день, вечер... я уже не знаю ни который час, ни даже какой сейчас день...

— Я принес вам кое-что, — проговорил он, протягивая ей ее телефон.

Она в свою очередь порылась в кармане, достала мобильник Джонатана и кинула ему. Он поймал его на лету.

Теперь они больше не были одиноки.

Часть Третья

ОДИН ДЛЯ ДРУГОГО

24

То, Что Мертвые Оставляют Живым

На вопрос «Что мертвые оставляют живым?» (...) можно ответить со всей очевидностью: это безутешное горе, однако это также побуждение жить, завершить ту нетронутую часть жизни, что не успели сделать мертвые.

Франсуа Чен

Манчестер
Комиссариат Читэм-Бридж
4.00

Сидя в своем плохо освещенном рабочем кабинете, Джим Флаэрти покрутил ручку обогревателя, который ему так любезно предоставило начальство, однако тот лишь хрюкнул и сломался. Теперь адская машина выплевывала в кабинет ледяной воздух. Что ж, по крайней мере, не зря он взял с собой шарф и теплый пуховик. В канун Рождества комиссариат был практически пуст. Арестовывать ночью особо было некого: холод, буквально парализовавший северо-запад Англии, поумерил пыл потенциальных преступников.

Резкий звуковой сигнал сообщил Джиму о новом электронном письме. Он взглянул на монитор, и глаза его засияли. То было письмо, которого он так ждал: отчет графолога, которому Джим отправил на экспертизу салфетки, полученные от Джонатана Лемперера. Накануне, заполнив официальную форму документа, он узнал, что его запрос отклонили под предлогом, что дело Диксон давно закрыто. Мол, у начальства нет ни времени, ни денег, чтобы снова им заниматься. Тогда Джим выбрал обходной путь и обратился к своей знакомой по полицейской школе, Мэри Лодж, бывшей заведующей отделом экспертиз по сравнению почерка в Скотленд-Ярде. Теперь же она работала консультантом в Управлении по тарифам, но согласилась помочь Джиму совершенно бескорыстно.

Джим с плохо скрываемым волнением прочитал ее сообщение. Заключение в рапорте были весьма двусмысленными. Записи на салфетках вполне могли быть написаны рукой Элис, однако с возрастом манера письма меняется: написанное в дневнике было менее «зрелым» по сравнению с отрывком, найденным Джонатаном. Сложно было сказать что-то конкретное.

Джим вздохнул.

Эти долбанные эксперты никогда не создадут себе лишних проблем...

Шум. Кто-то открыл дверь в кабинет, даже не удосужившись сперва постучать. Флаэрти поднял голову и прищурился — только тогда он узнал своего коллегу, Тревора Конрада.

— Ну и холодрыга! — заметил молодой коп, расстегивая молнию своей куртки.

— Ты закончил? — спросил Джим.

— Предупреждаю, это был последний раз, когда я всю ночь горбатился над такой кучей подшивок. Откопать ее отпечатки было не так-то просто, уж поверь мне... — Он протянул ему пластиковый пакет, в котором лежала улика — пресловутая салфетка со следами шоколада.

— Нашел что-нибудь, за что можно уцепиться?

— По крайней мере, я работал как помешанный. Я передал твою салфетку на ДФО-экспертизу.^[36] Так что у меня есть и отпечатки, и фрагменты частиц, правда, они именно что фрагменты.

Он протянул ему флешку, но предупредил:

— Я скопировал все данные, но это полная лажа: даже не надейся откопать тут полную дактилограмму.

— Спасибо, Тревор.

— Что ж, я сваливаю. А то со всеми твоими закидонами Конни еще чего доброго решит, что я завел себе любовницу, — пробормотал молодой инспектор и вышел из комнаты.

Оставшись один, Джим вставил флешку в разъем компьютера. Тревору удалось выявить с десятков фрагментов, из которых два или три казались вполне пригодными для работы. Джим перетащил их на рабочий стол своего компьютера. Он увеличил изображение и надолго погрузился в увлекательное созерцание бесконечных кривых, петель, гребней и бороздок, что вместе составляют кожу на наших пальцах и делают нас уникальными.

Он осторожно и даже с некоторым трепетом открыл папку автоматического распознавания отпечатков. Он прекрасно понимал, что находится в ситуации, которую иные охарактеризовали бы как пан или пропал, однако сегодня, в эту холодную ночь, он не терял присутствия духа и верил в свою счастливую звезду. Он запустил поиск по трем отпечаткам, и программа начала стремительно перебирать сотни тысяч различных вариантов. Изображения сменяли друг друга с поразительной

скоростью. В этой области английский закон одним из самых суровых во всем мире: согласно ему, идентичными могли считаться лишь отпечатки, которые совпадали бы с оригиналом по шестнадцати контрольным точкам.

Неожиданно круговерть изображений прекратилась, и на экране возникло грустное лицо Элис Диксон.

Джим вздрогнул: отпечатки с салфетки принадлежали той самой девушке-подростку.

Так, значит, все, что рассказал ему этот Джонатан Лемперер, не было бессмыслицей. В декабре 2009 года, более чем полгода спустя после злосчастных событий с вырванным сердцем, Элис Диксон была все еще жива!

Он почувствовал неужемную дрожь в руках и попытался собраться с мыслями. Он вновь откроет это дело. Он предупредит начальника, СМИ, Маделин. На этот раз они ее найдут. Нельзя было терять ни минуты, нужно...

Глухой хлопок эхом взорвался в ночной тишине.

Пуля, пущенная с близкого расстояния, угодила Джиму прямо в шею.

Через окно в кабинет скользнула тень.

Одетый с головы до ног в черное, убийца продолжил начатое — ему за это неплохо заплатили. Он вложил пистолет в руку Джима, инсценировав таким образом самоубийство, затем, словно в этом и заключалась его основная задача, забрал с собой пластиковый пакет с салфетками и флешку. После этого он вставил в компьютер маленький диск и с его помощью запустил вирус под названием «Чернобыль 2012»: эта чертова штука в кратчайшие сроки заражала программы, стирала содержимое жесткого диска и блокировала возможную перезагрузку компьютера.

Вся операция заняла не больше тридцати секунд. Пора было уходить. Несмотря на то что комиссариат был на три четверти пуст, это не помешало бы кому-нибудь сюда заявиться. Глушитель, установленный на «беретту», работал не слишком эффективно. Он изменял и приглушал звук выстрела, но при этом вовсе не делал его похожим на тихий хлопок, так знакомый нам по фильмам.

Человек-тень быстро собрал свои вещи. В тот момент, когда он уже собирался выбраться обратно в окно, на столе Джима завибрировал мобильник. Убийца не удержался и бросил быстрый взгляд на экран смартфона: на экране высветилось имя.

«Маделин».

25

Город, Который Никогда Не Спит

Мужчины разговаривают с женщинами ради секса; женщины спят с мужчинами ради разговоров.

Джей Макинерни

А в это время в Нью-Йорке...

— Делать нечего: Джим не отвечает, — проговорила Маделин, убирая телефон, в то время как их такси остановилось возле небольшого ресторанчика в Гринвич-Виллидж.

Джонатан открыл ей дверцу машины.

— Неудивительно, в Манчестере же сейчас пять часов утра! Ваш Джим просто еще не проснулся...

Они вошли в ресторан. Еще с порога хозяин заведения узнал своего бывшего шеф-повара:

— Джонатан! Для меня всегда большая честь тебя здесь видеть, да ты и сам знаешь!

— Рад встрече, Альберто.

Альберто разместил их за столиком у окна.

— Я принесу вам два блюда из нашего специального предложения, — сказал он и исчез.

Маделин снова набрала номер Флаэрти — и снова без особого результата. Что-то было не так...

— Джим — настоящий работяга. Я его знаю, а учитывая то, что вы ему рассказали, он сейчас должен землю рыть носом и постоянно общаться с экспертами. И сейчас как раз должны были прийти первые данные.

— До Рождества осталось каких-то два дня: люди все больше отдыхают, нежели работают. Вам стоит перезвонить ему завтра утром.

— Ммм, — подхватила Маделин. — Кстати говоря, где я, по-вашему, буду спать? Дело в том, что я прямо-таки валюсь с ног от усталости и...

— Не волнуйтесь на этот счет: мы идем к Клер.

— Клер Лизье? Ваш бывший заместитель в «Императоре»?

— Да, у нее здесь недалеко квартира. Я позвонил ей и попросил оказать нам услугу. Кстати, все складывается наилучшим образом: она сейчас не в городе.

— Где она теперь работает?

— В Гонконге, в одном из ресторанов Жоэля Робюшона.

Маделин чихнула. Джонатан протянул ей бумажный платок. «Быть может, Элис жива...» — подумала она, и на глазах у нее выступили слезы.

Потрясенная рассказом Джонатана об Элис, она старалась усмирить свой внутренний голос, сдержаться и не проявлять никаких эмоций до получения весомых доказательств.

— С пылу с жару! — воскликнул Альберто, поставив перед ними специальное блюдо: два сочных гамбургера на хрустящей булочке с луком, солеными огурчиками и картофелем фри.

Расположенная на севере Гринвич-Виллидж, на углу Университи-плейс и Четырнадцатой улицы, закусочная «У Альберто»

появилась на Манхэттене одной из первых. На радость многочисленным завсегдатаям, она работала круглосуточно, неустанно предлагая своим посетителям богатый ассортимент омлетов, французских тостов, хот-догов, вафель и блинчиков.

Альберто добавил к заказу Джонатана и Маделин по молочному коктейлю.

— Сегодня я угощаю. Нет, Джонатан, прошу, не отказывайся! К тому же это все равно в последний раз...

— Но почему?

— Потому что они и до меня добрались! — бросил Альберто и ткнул пальцем в объявление на стене.

Настоящим уведомлялось, что ввиду чрезмерного увеличения арендной платы заведение отживало свои последние деньки и должно было закрыться уже весной.

— Мне жаль, — сочувствующе проговорил Джонатан.

— Да ладно! Открою что-нибудь в другом месте, — бодро заверил Альберто и снова скрылся на кухне.

Стоило ему удалиться, как Маделин жадно набросилась на свой бургер.

— Я чертовски голодна, — пробормотала она, откусывая огромный кусок.

Джонатан был с ней полностью солидарен. Они наслаждались едой, и каждый отмечал про себя, что обстановка в ресторане, оформленном в ретростиле, чудо как хороша. Вообще-то заведение существовало как бы вне времени, успешно сочетая в себе элементы арт-деко, блестящую хромированную отделку и мебель фирмы «Формика». На стене за стойкой висели фотографии всевозможных знаменитостей (от Вуди Аллена до мэра Нью-Йорка), которые когда-то заходили сюда, чтобы отведать пасты или аранчини.^[37] В дальнем углу стоял старый проигрыватель, из которого доносились звуки песни «Знаменитый синий плащ» Леонарда Коэна. То была одна из его лучших песен, несмотря даже на общую мрачность музыки и слов.

Краем глаза Джонатан наблюдал за тем, как молодая англичанка ест свой бургер.

— Странное дело: в тот первый раз, когда я вас увидел, я готов был поклясться, что вы отъявленная вегетарианка, которая довольствуется парой-тройкой салатных листьев в день.

— Вот вам и «внешность обманчива», — улыбнулась она.

Был уже второй час ночи. Сидя напротив друг друга, Джонатан и Маделин отдыхали. Несмотря на жуткую усталость, оба чувствовали себя так, будто наконец пробудились после какой-то затяжной спячки. Адреналин заставлял их кровь быстрее струиться по венам. Даже горечь и апатия, раздражавшие Джонатана изнутри вот уже два года, вдруг оставили его. Что же до Маделин, то она внезапно разуверилась в том, что тихая, мирная жизнь сможет защитить ее от дурных воспоминаний.

Это волшебное, почти эфемерное мгновение, что они разделяли сейчас вместе, было затишьем перед надвигающимися неприятностями, которые обещали быть лишь еще более жестокими. Они не жалели о своем выборе, но в то же самое время осознавали, что перед ними открывается путь в неизвестность: пустота, бесконечные вопросы, страх... Что случится завтра? Куда их заведет это расследование? Смогут ли они выстоять или все же сломаются под натиском проблем?

На столе завибрировал мобильный телефон. Джонатан и Маделин одновременно посмотрели на него. Чисто машинально они положили свои мобильники рядом. Звонил телефон Джонатана, однако на экране мигало имя «РАФАЭЛЬ».

— Думаю, это вас, — сказал Джонатан, протягивая ей телефон. — Небось злитесь, что пришлось его мне вернуть!

— Простите. Он попросил у меня ваш номер. Он не знает, что у меня теперь мой телефон.

Мобильник упорно продолжал вибрировать.

— Вы не ответите?

— Я не осмелюсь.

— Послушайте, это, конечно, не мое дело и я не знаю, что вы ему там сказали, когда уезжали, но думаю, что вам следует с ним поговорить...

— Вы правы, это не ваше дело.

Мобильник перестал звонить. Джонатан посмотрел на свою собеседницу с легким упреком.

— Он в курсе, что вы здесь?

Она пожала плечами.

— Он думает, я в Лондоне.

— С вашей подругой Джулианой, так?

Она кивнула.

— Должно быть, он решил проверить и поехал к ней, — предположил Джонатан. — Теперь он знает, что вы не с ней.

— Я ему позвоню завтра.

— Завтра? Но он же наверняка с ума сходит от беспокойства! Он будет обзванивать аэропорты, полицейские участки, больницы...

— Перестаньте нести чушь! И раз уж вы со мной, может, он подумывает о похищении?

— У вас сердце есть вообще? Неужели вы не испытываете ни малейшего сострадания к бедняге, который за вас переживает?

— Как же вы меня достали! Рафаэль никакой не бедняга!

— Вы, женщины, и впрямь все одинаковые!

— Уж не потому ли вы злитесь на меня, что у вас с ними проблемы?

— Вы поступаете бесчестно. Скажите ему правду!

— В чем же правда?

— В том, что вы его больше не любите. Что он был для вас всего-навсего спасательным кругом, костылем, который...

Она замахнулась, чтобы дать Джонатану пощечину, но он в последний момент перехватил ее руку.

— Я настоятельно советую вам успокоиться.

Он встал, надел пальто, взял свой мобильный телефон и вышел на улицу покурить.

В ночи ярко светилась неоновая вывеска. Стоял собачий холод, и ветер пронизывал до мозга костей. Джонатан свел ладони, чтобы огонек зажигалки не погас, однако буря была такой сильной, что ему удалось зажечь сигарету лишь с третьей попытки.

Вне себя от ярости, Маделин подошла к стойке и заказала себе двойной виски, который смешала потом с ананасовым соком. Глубокий, раскатистый голос Леонарда Коэна сменил мелодичный гитарный мотив «Битлз». «Ты нужна мне», — пел Джордж Харрисон. Эту легкую, немного наивную мелодию «третий из битлов» написал для Пэтти Бойд, пока они еще были вместе и она не ушла к Эрику Клэптону.

Маделин вернулась с коктейлем за столик. Она посмотрела в окно, и ее взгляд надолго задержался на этом странном мужчине, которого она знала всего неделю, но при этом постоянно о нем думала, так что ее чувства можно было вполне сравнить с помешательством. Зябко кутаясь в пальто, он смотрел на небо. В белом свете фонаря он выглядел странно: будто печальный ребенок. Было в нем что-то трогательно-милое. Обаяние ли, приятное лицо, располагающее к доверию, — она не могла сказать точно, просто весь его образ сквозил искренностью и добротой. Он тоже посмотрел на нее, и вдруг что-то произошло. Маделин почувствовала, как у нее по коже побежали мурашки; желудок внезапно скрутило узлом. Постепенно она начала ощущать и кое-что другое: быстрый стук сердца, дрожащие колени, бабочек в животе.

Она была совершенно сбита с толку и с удивлением спрашивала себя: что это за странное волнение, откуда оно? Она не могла с собой ничего поделать и, будто зачарованная, неотрывно смотрела на Джонатана. Лицо его казалось ей теперь таким знакомым, будто они знали друг друга всю жизнь.

Джонатан глубоко затаился и выпустил изо рта облачко сизого дыма. Оно надолго зависло в морозном воздухе и растворилось лишь спустя много времени. Почувствовав, что Маделин смотрит на него, он обернулся, и впервые их взгляды встретились по-настоящему.

Эта женщина... Он знал, что под ее ледяной маской скрывается чувствительная многогранная личность. Именно благодаря ей Джонатану удалось выйти из своей жуткой депрессии. И вновь он почувствовал те незримые узы, что связывали их. Они питали друг к другу страсть, почти неудержимую, проникаясь самыми сокровенными тайнами, выставляя напоказ все свои недостатки, уязвимость, упрямство, открывая друг другу свои слабые и сильные стороны, и находили все больше схожих черт.

Несколько секунд они пребывали в абсолютной гармонии. То было озарение, вспышка, жизненный инстинкт. И даже несмотря на все сложности, несмотря на неоспоримые проблемы, что отделяли их друг от друга, они не могли не признать, что все это время были родственными душами — духовными близнецами, которые однажды встретились и вопреки всему смогли воссоединиться. Теперь все то, что происходило между ними, воспринималось как очевидный факт, импульс, алхимия. Первобытное чувство сродни страху или детским мечтам. Головокружительная уверенность в том, что ты наконец нашел человека, способного заполнить пустоту внутри тебя, заглушить твои страхи и полностью исцелить старые кровоточащие раны.

Будучи не в силах больше сопротивляться этому новому чувству, Маделин отдалась ему полностью, без остатка. Волнение было неопишемым. Пожалуй, подобное ощущение можно было сравнить с прыжком в бездну, когда при тебе нет ни парашюта, ни страховки. Она снова подумала об их первой встрече. Если бы не случайное столкновение в аэропорту, ничего бы этого не было. Все пошло бы по-другому, не перепутай они свои телефоны. Если бы она пришла в кафе на полминуты раньше или позже, они бы никогда не встретились. Это было предначертано им свыше. По иронии судьбы случилось так, что они сблизились в решающий момент. Это был зов ангела, так говаривала ее бабушка...

Джонатан стоял в ночи, как громом пораженный. Внутри его бушевал огонь, негасимое пламя, которое сжигало в нем узы прошлого — лишь для того, чтобы обрисовать контуры счастливого будущего.

Это чудо длилось не больше минуты. Волшебство вдруг развеялось. У него в кармане снова зазвонил телефон. Это был Рафаэль. На этот раз Джонатан взял трубку. Он вернулся в ресторан, сел за столик и протянул телефон Маделин.

— Это вас.
И снова жестокая реальность...

Двадцать минут спустя

— Хватит ребячиться! Вы простудитесь в этой вашей курточке!
Холод стал просто невыносимым. Одетая в легкий свитер и куртку «Перфекто», Маделин шла за Джонатаном по Четырнадцатой улице и упорно отказывалась принять теплое пальто.
— Завтра, с температурой под сорок, вы уже не сможете строить из себя гордячку...
На углу 6-й авеню он задержался возле продуктового магазина, чтобы купить воды, кофе и большой брезентовый мешок, под

завязку напольный поленями и ветками для растопки.

— Откуда вы знаете, что там, куда мы идем, есть камин?

— Потому что, представьте себе, я знаю этот дом. Я помогал Клер с его покупкой. Выступал в качестве поручителя.

— Вы были близки, да?

— Она моя очень хорошая знакомая. Так вы наденете пальто или нет?

— Нет, спасибо. Здесь и впрямь очень красиво, — сказала она, разглядывая квартал.

В этом городе, для которого новшества и перемены давно стали нормой, Гринвич-Виллидж казался застывшим во времени, словно даже малейшие веяния прогресса обходили его стороной. За время своей поездки с Рафаэлем Маделин успела повидать Мид-таун, Тайм-сквер, а также музеи и бутики возле 5-й авеню. Теперь же она открывала для себя совершенно другой Нью-Йорк: лишенный своих извечных небоскребов, зато украшенный изящными кирпичными домами и каменными лестницами, так напоминавшими буржуазные кварталы старого Лондона. Особенно ее поразило полное отсутствие широких прямых улиц, разделявших город на ровные квадраты. Напротив, Виллидж был вдоль и поперек пронизан извилистыми кривыми улочками и проулками, свидетелями того времени, когда Гринвич был просто небольшой деревушкой.

Несмотря на холод и поздний час, в барах и закусочных было полно народу. В обсаженных деревьями аллеях им то и дело попадались отдельные прохожие, вышедшие на вечернюю пробежку или чтобы погулять с собакой, а в кругах света под фонарями они заметили студентов Нью-Йоркского университета, которые собирались вот так в преддверии рождественских праздников и пели песни.

— Это и впрямь город, который никогда не спит! — воскликнула Маделин.

— Да, уж в этом-то легенда не врет...

Дойдя до Вашингтон-сквер, Джонатан свернул в сторону узкой, мощенной булыжником улочки, вход на которую закрывали ворота.

— Здесь, на Макдугал-элли, когда-то располагались конюшни, — объяснил он, набирая код, чтобы открыть калитку. Очевидно, это была последняя улица на всем Манхэттене, которую до сих пор освещали газовые рожки.

Они вошли в маленький тупик, длиной всего в сотню метров. Это местечко было настолько чудесным и настолько выпадало из всяких временных рамок, что трудно было поверить, что действительно находишься в Нью-Йорке XXI века.

Они остановились у живописного двухэтажного дома. Следуя инструкциям Клер, Джонатан отодвинул глиняный горшок, стоявший у фасада здания, и поднял с земли связку ключей.

Он щелкнул рубильником, чтобы включить свет и отопление, после чего разложил в камине дрова. Маделин решила осмотреться. Дом явно отремонтировали со вкусом. Мебель была новая, однако хозяйка решила сохранить кое-какие оригинальные черты, в частности, стены из красного кирпича, выступающие деревянные балки и удивительный световой колодец, придававший дому неповторимый шарм и уют.

Маделин с любопытством рассматривала фотографии на стенах. Клер Лизье была красивой, стройной девушкой. В Маделин вспыхнула искра ревности.

— Вам не кажется странным, что ваше лицо присутствует на половине фотографий?

— Как так? — спросил Джонатан, чиркая спичкой, чтобы зажечь дрова в камине.

— Вы везде: Клер и Джонатан на кухне, Клер и Джонатан на рыбном рынке, Клер и Джонатан в «Дин энд ДеЛука»,^[38] Клер и Джонатан в магазине биологически чистых продуктов, Клер и Джонатан вместе со всякими знаменитостями...

— Она мой друг. Нет ничего странного в том, что она сохранила обо мне воспоминания.

— Не считая ее отца, вы здесь на фотографиях — единственный мужчина!

— Вы решили закатить мне сцену?

— Кем была эта девушка? Вашей любовницей?

— Нет же! Сколько раз вы еще меня об этом спросите?

— И все же она была влюблена в вас, это очевидно.

— Я об этом ничего не знаю.

— Ну, так я говорю вам.

— И что это меняет?

— После развода с женой вы могли бы сблизиться с ней. Она молода, красива, видимо, умна...

— Так, достаточно.

— Нет уж, объяснитесь.

— Нечего тут объяснять.

— Вы хотите, чтобы я вам все объяснила? — Она с вызовом подалась вперед.

— Нет, не особо.

Джонатан попятился, но позади него находился камин, а пламя уже начало заниматься.

— И все же я скажу! Клер Лизье идеальна: она милая, добрая, серьезная. Она стала бы идеальной матерью, если бы вы захотели еще детей. Вы цените ваши с ней отношения, уважаете ее, но... как бы так сказать... С ней все было бы слишком легко и гладко, не так ли? — Маделин продолжала наступать. Ее губы были в какой-то паре сантиметров от лица Джонатана. Она продолжила: — Впрочем, вам в любви нужно вовсе не это, правда? Вам нужна страсть, нужно захватить человека, пленить его. Короче говоря, Клер не ваша женщина...

Джонатан колебался с ответом. Он чувствовал на себе ее дыхание. И тут ее провокация достигла своего апогея:

— А я? Я ваша женщина?

Он крепко прижал ее к себе.

Джонатан не занимался любовью с тех пор, как порвал с Франческой. Довольно неуклюже он стянул с Маделин куртку и свитер. Она растянула ему рубашку, при этом нежно покусывая его шею. Он сбросил одежду, чтобы удобнее было ласкать ее

лицо и попробовать ее губы. От нее пахло дурманящей свежестью цитрусов, лаванды и мяты. Стройное, гибкое тело Маделин выгнулось в его руках, и они оба упали на диван. Их тела смешались, образуя беспрестанно сменяющие друг друга изгибы и впадины. Они походили на единую ожившую скульптуру, очерченную ярким светом луны. Их волосы, запахи, кожа, губы — все перемешалось. Глядя друг на друга, они расслабились и позволили удовольствию захлестнуть их с головой.

А снаружи жизнь текла своим чередом. Жизнь города, который никогда не спит.

26

Девочка С Глазами Модильяни

Non sum qualis eram.^[39]
Гораций

А в это время в Джулиард-скул, самой престижной театральной школе Нью-Йорка

— Я только что получила эсэмэс от Люка! — воскликнула Лорели, врываясь в ванную, и замахала мобильником перед лицом своей соседки по комнате.

Склонившись над раковиной и со щеткой в зубах, Элис спросила:

— Фозмуотеляада?

— Что, прости?

— Чего ему от тебя надо?

— Он пригласил меня поужинать с ним завтра вечером в «Кафе Люксембург»!

— Ну и повезло же тебе! Кстати, ты не находишь, что он похож на Райана Рейнольдса?

— В любом случае у него потрясающая задница! — усмехнулась Лорели, выходя из ванной.

Оставшись одна, Элис взяла ватный тампон и, глядя в зеркало, стерла с лица макияж. В отражении она увидела симпатичную молоденькую девушку семнадцати лет, с тонким, худеньким личиком, обрамленным светлыми волосами. У нее был большой лоб, вечно смеющийся озорной ротик и высокие скулы. Ее темные глаза цвета морской волны отчетливо выделялись на бледном, фарфоровом лице. Из-за внешности и необычной фамилии все в школе считали ее полячкой. Ее звали Элис Ковальски. Во всяком случае, так было написано в ее удостоверении личности...

Покончив со своим туалетом, она еще несколько секунд постояла перед зеркалом, корча всякие рожи. Она решила попрактиковаться в упражнении, которое разучивала на уроках драматического искусства: сначала надула губки, постаралась придать своему лицу сначала смущенный, а затем соблазнительный вид.

Вскоре ей это надоело, и она вернулась к Лорели в их общую спальню. Юная темнокожая певица пребывала в полнейшем возбуждении от предстоящего свидания. Она поставила диск Леди Гага и теперь с упоением вертелась перед зеркальным шкафом, примеряя все новые и новые наряды: черное платье и твидовую крутку, винтажное, немного цыганское платье, джинсы «Хлое» и цветной топ в стиле Кэмерон Диас...

— Я устала. — Элис свернулась калачиком под одеялом.

— Это нормально. Сегодня ты была просто королевой бала!

Лорели имела в виду спектакль, который устроили под Новый год ученики их группы: представление по мотивам «Вестсайдской истории», где Элис сыграла роль Марии.

— Ты действительно считаешь, что я неплохо смотрелась?

— Изумительно! Ты играешь в комедийном мюзикле так же хорошо, как и на скрипке.

Элис зарумянилась и поблагодарила свою подругу, после чего обе девушки в течение доброго получаса обсуждали прошедший спектакль.

— Блин, я забыла сумку в раздевалке! — воскликнула вдруг Элис.

— Ничего страшного: заберешь ее завтра. В чем проблема?

— Проблема в том, что в ней все мои лекарства.

— Те штуки, которые ты принимаешь, чтобы прижилось новое сердце?

— Да, особенно мои таблетки от гипертонии, — уточнила она и села на кровати, скрестив ноги. Раздумывая, что делать дальше, она на несколько секунд погрузилась в размышления, а затем сказала, прыгивая на пол: — Схожу за ней!

Элис натянула одежду прямо поверх ночной рубашки, затем открыла шкаф и достала свитер.

Она торопилась, а потому схватила первое, что попало ей под руку: серо-розовый свитер с хлопковым капюшоном и эмблемой «Манчестер Юнайтед». Единственную вещь, которая осталась от ее прежней жизни.

Она наскоро надела кроссовки, даже не задумывая о том, чтобы как следует их зашнуровать.

— Я тогда еще в автомат загляну, — решила она, — хочу «Орео» и клубничного молока.

— Возьмешь мне пачку вафель? — попросила соседка.

— Ладно. Скоро буду.

Элис вышла из комнаты. В коридоре она погрузилась в приятную, непринужденную обстановку. За день до школьных каникул в общежитии царил праздничная атмосфера. В двенадцатиэтажном Линкольн-центре проживали около трехсот студентов пятидесяти различных национальностей: все они — будущие танцоры, актеры, музыканты. Несмотря на то что было уже почти два часа ночи, студенты кочевали из спальни в спальню, общались. Многие из них собирали чемоданы, чтобы уже на следующий

день провести рождественские праздники в семейном кругу. Пройдя через просторный холл, Элис нажала на кнопку лифта. В ожидании она выглянула в окно и посмотрела на реку, в которой отражались огни большого города. Она все еще была под впечатлением от вечернего шоу и даже сделала танцевальный пируэт. Больше, чем когда-либо, она испытывала к своей жизни необъяснимое чувство благодарности. Что бы было, останься она в Манчестере? Разве была бы она сейчас жива? Скорее всего, нет. Здесь, на Манхэттене, она по-настоящему расцвела и, даже несмотря на последствия операции, чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Она, маленькая девушка из Читэм-Бридж, сыграла сегодня ведущую роль в спектакле одной из самых престижных театральных школ в Нью-Йорке!

Ей вдруг стало холодно, и она сунула руки в карманы. Старая розовая толстовка пробудила воспоминания о прошлой жизни: мать, дом, школа, нищета, полуразвалившиеся здания, дождь, страшное одиночество и страх. Впрочем, страшно ей было и раньше. Бывало, что и теперь она плохо спала по ночам, но она не жалела о своем решении. Никогда не жалела.

В Джулиард-скул все поголовно увлекались культурой и искусством. Люди были открыты новым интересным идеям. Жизнь в школе казалась легкой, и она могла заниматься, когда ей только вздумается: в любое время Элис могла играть на скрипке, поскольку на каждом этаже заведения располагались специально отведенные под это залы с отличной звукоизоляцией. Также в школе было множество аудиторий и актовых залов, отделение физиотерапии и фитнес-центр...

Когда лифт наконец прибыл, Элис поехала на двенадцатый этаж, где располагался большой общий зал. В углу зала она заметила небольшое скопление народу: некоторые студенты смотрели на гигантском экране телевизора какой-то концерт, другие играли в бильярд, а кто-то с упоением уплетал кексы из «Магнолии Бейкери».

— Без шансов! — пробормотала она, обнаружив, что автоматы с едой опустошены.

— Что-то не так, юная леди? — спросил один из охранников.

— Кончилось мое любимое печенье!

Школа охранялась круглосуточно. В Джулиарде не было принято пренебрегать безопасностью студентов: здесь учились дети дипломатов, коронованных персон и даже действующего президента.

Прежде чем вернуться к лифту, Элис все же купила свое молоко и пакетик вафель для Лорели. На этот раз она поехала вниз, где находились актовые залы. На третьем этаже лифт внезапно остановился. Двери открылись, и Элис увидела в проеме чей-то большой темный силуэт. Человек в капюшоне наставил на нее пистолет. Она отшатнулась, сдавленно вскрикнула, а человек сделал шаг вперед и выстрелил.

27
Пленница

Никто не может носить маску очень долго.

Стека

Зонды «тэйзера»^[40] угодили Элис прямо в живот, мгновенно парализовав ее тело электрическим разрядом. Она рухнула на месте как подкошенная.

В следующую секунду злоумышленник уже стоял над ней. Он схватил девушку за горло и грубо затолкал ей в рот носовой платок, после чего стянул подбородок длинным шарфом. Двери лифта закрылись. Человек нажал на кнопку, и лифт плавно заскользил вниз. Пока они ехали, неизвестный уложил Элис на пол животом вниз и перемотал ей запястья и лодыжки с помощью двух гибких нейлоновых хомутов — так туго, как только смог.

Через несколько секунд они уже были на подземной парковке. Человек в капюшоне бесцеремонно подхватил Элис и взвалил ее себе на плечо, как какой-нибудь мешок. Будучи в полуобморочном состоянии, она вяло пыталась сопротивляться, но чем больше она дергалась, тем сильнее сжимал ее похититель.

Его руки были сильными, как тяжелые клещи. Такими он вполне мог переломать ей кости. Как ему удалось обойти сложную систему безопасности? Как он узнал точное время, когда Элис садилась в лифт?

Вокруг было темно. Похититель пронес ее через парковку до бордового пикапа марки «Додж». Этот монстр с тонированными стеклами, огромной решеткой радиатора и сверкающими хромом деталями мог развивать поистине дикую скорость. Человек бросил Элис на заднее сиденье машины, отделенное от остального салона перегородкой из оргстекла, какие обычно встречаются в такси. Затем он сел за руль и выехал с парковки. Никто его не остановил: у похитителя был специальный электромагнитный пропуск.

Выехав на улицу, неизвестный наконец снял капюшон, и Элис смогла рассмотреть его лицо в зеркале заднего вида. Это был мужчина с короткой стрижкой, водянистыми рыбьими глазами и пухлыми, покрытыми красными пятнами щеками. Она никогда его раньше не видела. Пикап выехал на Бродвей и через некоторое время свернул на Коламбус-авеню.

По мере того как действие электрошокера сходило на нет, Элис пыталась сосредоточиться. Даже несмотря на трясущиеся колени, бешеный стук сердца и охвативший ее панический ужас, ей все же удавалось каким-то чудом следить за дорогой и запоминать маршрут, которым ее вез похититель. Пока они еще находились в черте туристических кварталов, так что у девушки оставалась надежда. Она попыталась стучать ногами по оргстеклу, но тщетно: хомуты, стягивавшие ее лодыжки, лишали ее малейшей возможности двигаться. Терзаемая страхом, она силилась выплюнуть изо рта кляп, но только сильнее задыхалась. Тогда она попробовала высвободить руки, но нейлоновые шнуры лишь впелись ей в запястья, причиняя острую боль.

Машина проехала по 9-й авеню вплоть до 42-й улицы. Теперь они находились в районе с говорящим названием Hell's Kitchen — Адская Кухня. Элис мысленно настраивала себя: «Не нервничай! Дыши носом! Сохраняй спокойствие!»

Она не умрет. По крайней мере, не сейчас. Если бы этот человек хотел ее убить, он бы уже это сделал. Да и изнасиловать он ее тоже навряд ли: психованный извращенец не стал бы так рисковать, пускай даже ради удовлетворения своих низменных

инстинктов. Во всяком случае, в такое охраняемое место, как Джулиард, он бы не пошел.

Но тогда кто же он, этот человек? Она отметила про себя одну любопытную деталь: неизвестный выстрелил ей не в грудь (что было бы логичнее), а в живот.

«Выходит, он знал, что мне недавно сделали пересадку сердца, так что, стреляя он в эту область, электрический разряд мог меня просто убить...»

Элис не могла сказать наверняка, зачем ее похитили, но она знала одно: прошлое ее все же настигло.

Неизвестный ехал аккуратно, стараясь, во избежание любых проблем с полицейскими постами, держаться правой полосы и не превышать скорость. Они проехали до западной оконечности города, потом по мосту через реку и направились на юг. Спустя четверть часа пикап уже въезжал в тоннель Бруклин-Бэттери.

«Мы выехали за пределы Манхэттена. Это дурной знак...»

На выезде из тоннеля похититель оплатил проезд, и тут у него зазвонил мобильный телефон. Удобная гарнитура позволила ответить на звонок практически сразу же и при этом разговаривать, не отрываясь от вождения. В телефоне была включена громкая связь, поэтому Элис слышала большую часть разговора.

— Итак, Юрий? — донеслось из телефона.

— Я в пути. Все прошло по плану, — ответил ее похититель с сильным русским акцентом.

— Ты ее не слишком покалечил?

— Я следовал инструкциям.

— Хорошо. Ты ведь знаешь, что тебе нужно делать дальше?

— Да, — ответил русский.

— Не забудь ее обыскать и избавиться потом от пикапа.

— Понял.

«Этот голос из телефона... Это же... Да нет, быть такого не может...»

Теперь все прояснилось. Сердце Элис забилося еще быстрее: она поняла, что опасность, нависшая над ней, была куда серьезнее, чем она себе представляла.

Новый приступ паники — и девушка снова начала задыхаться. Ей стоило немалых усилий вновь успокоиться и дышать ровнее. Ей срочно нужно было что-то предпринять.

«Мой мобильник!»

Стараясь не привлекать внимания, Элис извернулась, чтобы достать телефон из заднего кармана джинсов. Увы, проделать подобный трюк со связанными запястьями было практически невозможно. К тому же Юрий постоянно следил за ней через зеркало заднего вида. Тем не менее упрямство и решимость принесли свои плоды, ей удалось не только извлечь мобильник, но даже снять его с блокировки. Она уже почти набрала вслепую номер 911, как вдруг «Додж» резко затормозил. Телефон выскользнул из рук Элис и улетел куда-то под сиденье.

— Гондон! — взревел по-русски похититель в сторону проехавшего на красный свет байкера.

Связанная по рукам и ногам (в буквальном смысле этого слова), Элис оказалась в совершенно безвыходном положении: добраться до телефона теперь не представлялось никакой возможности.

Смеркалось. Они продолжали ехать на юг еще добрых пятнадцать минут. Куда они ехали? Она была уверена, что Бруклин остался далеко позади, поскольку успела увидеть на дороге указатель Мермейд-авеню — одной из главных автомагистралей Кони-Айленда.

Когда на Серф-авеню им повстречалась полицейская машина, в душе Элис забрезжил тонкий лучик надежды. К сожалению, блюстители порядка всего лишь остановились возле ближайшей забегаловки, чтобы купить хот-доги. От них спасения можно было не ждать.

Русский свернул в какой-то темный тупик и выключил фары. Поблизости не было ни единой машины. Похититель проехал еще немного вперед и заглушил двигатель возле старого, покосившегося здания. Убедившись, что за ним никто не следит, Юрий открыл заднюю дверцу «Доджа» и ножом перерезал путы на руках и ногах девочки.

— Пошла!

Элис услышала плеск волн и почувствовала, как лицо ей обдувает соленым воздухом. Они находились в самом центре сумрачной и пустынной зоны, недалеко от Атлантического океана. На полуострове, вдаль от шумного Бруклина и небоскребов Манхэттена, царила прямо-таки похоронная атмосфера. Однако в начале XX века на Кони-Айленде регулярно проходили масштабные ярмарочные празднества. Всевозможные аттракционы и увеселительные мероприятия славились своей оригинальностью, а потому сюда съезжались толпы туристов со всей Америки. В такие дни все растворялось в суетной шумной толчее рынков и гуляний. Колесо обозрения здесь было самым высоким, американские горки — самыми быстрыми, комната ужасов — самой страшной, а местный цирк уродов готов был удовлетворить даже самого искушенного зрителя. Здесь даже можно было прыгнуть с парашютом, предварительно взобравшись на гигантских размеров башню.

Но эти славные времена уже давно прошли. Этой холодной декабрьской ночью в Кони-Айленде не было ни капли былого великолепия. С 60-х годов интерес посетителей стал постепенно ослабевать. Ярмарка больше не могла конкурировать с открывшимся пятью годами ранее Диснейлендом и прочими новомодными тематическими парками развлечений. Теперь же местность представляла собой череду полузаброшенных пустырей, огороженных стоянок и облупленных многоквартирных домов. Некоторые аттракционы, правда, в летнее время работали, но в остальное время они представляли собой весьма жалкое зрелище: старые, изъеденные ржавчиной и покрытые грязью развалины.

— Попытаешься бежать — я тебя прирежу, как овцу, — предупредил Юрий, приставив лезвие ножа к горлу Элис.

Он потащил ее на грязный пустырь, огороженный высоким забором, где бегала стая собак — немецкие доги желтоватого окраса, чьи глаза зловеще светились в темноте. Все они были тощие (что свидетельствовало о явном недостатке пищи) и, как следствие, агрессивные и злые. От их жуткого лая Элис сделалось не по себе. Сам Юрий с большим трудом сумел утихомирить

своих тварей. Он привел Элис на какой-то заброшенный склад, отпер двери и заставил девушку спуститься вниз по металлической лестнице, которая привела их в узкий тоннель. Вместе с ними в крохотное помещение ворвался порыв ледяного ветра. В проходе было так темно, что русскому пришлось включить карманный фонарик. Вдоль стен проходили разномастные шланги и канализационные трубы. По пути им то и дело попадались различные допотопные двигатели и сгоревшие электросчетчики. На стене сохранилась большая деревянная вывеска, на которой красками были изображены несколько уродливых монстров. Надпись пониже гласила: «САМОЕ СТРАШНОЕ ШОУ В ГОРОДЕ». Очевидно, то была реклама для одной из комнат ужасов, коих раньше здесь было великое множество. Все свидетельствовало о том, что они сейчас находились в одном из машинных залов какого-то старого аттракциона.

Свет был очень слабым, и размытые тени на стенах вяло приплясывали в такт их шагам. Неясные отсветы фонарика тускло посверкивали в лужицах со стоячей, дурно пахнущей водой. В конце тоннеля они случайно потревожили стаю больших толстых крыс, которые в страхе и с пронзительным писком бросились врассыпную. По щекам Элис текли слезы. Она отпрянула назад, но Юрий снова пригрозил ей ножом и грубо подтолкнул к винтовой лестнице в самой глубине подземелья. Они прошли по длинному узкому коридору, по обеим сторонам которого располагались тяжелые металлические двери. Пробираясь все дальше в темноту, Элис почувствовала, что страх ее заиграл новыми красками и превратился в неописуемый ужас, почти осязаемый, так что в животе у нее, казалось, образовалась большая сосущая пустота.

В конце коридора девушка увидела последнюю стальную дверь. Они подошли к ней, Юрий достал из кармана связку ключей и отпер замок.

Внутри стоял полярный холод. Тьма вокруг была кромешной. Юрий шарил лучом фонарика по стенам в поисках выключателя. Наконец ему это удалось, и в бледном свете пыльных неоновых ламп Элис увидела, куда попала. Это была крохотная сырая комнатуха с обшарпанными стенами, от которых ощутимо воняло плесенью. Низкий потолок подпирали ржавые металлические столбы. Помещение было настолько тесным, что у любого возник бы внезапный приступ клаустрофобии. В грязной комнате предметов было по минимуму: справа находился отвратительный замызганный унитаз, чуть поодаль располагалась такая же раковина, слева стояла раскладушка.

Русский бесцеремонно схватил Элис и швырнул ее на влажный вонючий пол. Несмотря на связанные руки, она смогла подняться и изо всех сил саданула похитителя промеж ног.

— Сволочь! — по-русски заорал Юрий, и лицо его исказилось от боли.

Он отступил на пару шагов, но одного удара явно было недостаточно, чтобы уложить его на пол на хоть сколько-нибудь длительный срок. Прежде чем Элис успела ударить его снова, он бросился на нее, повалил наземь, чуть не вывихнув ей плечо, и с силой вдавил колено ей в копчик.

Элис задыхалась. Несколько секунд ничего не происходило, а затем она услышала резкий щелчок и оказалась прикована наручниками к толстой канализационной трубе, которая шла вдоль стены.

Юрий понял, что размокший у Элис во рту платок мог ее попросту убить, поэтому он вынул кляп у нее изо рта. Слезы брызнули у бедняги из глаз, она закашлялась и с жадностью принялась хватать ртом разреженный сырой воздух.

Полностью оправившись от удара, Юрий теперь с наслаждением наблюдал за страданиями своей жертвы.

— Попробуй-ка ударить меня еще разок! — издевался он.

Элис закричала. Этот крик был ее последним оружием, хотя она догадывалась, что на такой глубине и в столь безлюдной местности никто ее не услышит. И все же она вложила в этот крик всю свою боль, все отчаяние, что испытывала в тот момент, и ее пронзительный вопль прорезал ночную тишину.

Русский молча наблюдал за ней минуту-другую. В этой ситуации все возбуждало его: страх девушки, замкнутое темное пространство, нараставшее ощущение власти. Но он сумел обуздать свое желание. Ему ясно дали понять, что насиловать девушку в течение трех первых дней категорически запрещено. Потом он может сделать с ней все, что захочет...

Элис кричала еще какое-то время, но потом ее силы иссякли, и она расплакалась. Юрий решил, что шутка затянулась. Он порывлся в карманах, извлек оттуда большой рулон клейкой ленты и залепил ей рот. В целях безопасности он снова связал ей лодыжки, а затем вышел из помещения, закрыв за собой металлическую дверь на ключ.

Проделав обратный путь по подвалам, винтовой лестнице, промозглому тоннелю и стальным ступенькам, он выбрался на поверхность к своим собакам, которых специально морил голодом, чтобы те отгоняли непрошенных визитеров. Теперь ему следовало замести следы и избавиться от «Доджа». Он, конечно, мог просто сжечь его на пустыре, но это могло привлечь внимание полицейского патруля. Проще всего было бы просто бросить его где-нибудь в Квинсе. Огромные двадцатидюймовые колесные диски и бампер, достойный армейского танка, станут лакомым кусочком для местных угонщиков. Тем более если он оставит ключи на приборной панели...

Довольный своим решением, он завернул в переулок и неожиданно обнаружил, что...
...машины на месте не было!

Он огляделся по сторонам. Вокруг — ни души. Тогда он прислушался. Все тихо. Не считая, разумеется, плеска волн и тоскливого поскрипывания аттракционов.

Юрий долгое время просто стоял, ошеломленный той скоростью, с какой у него украли автомобиль. Сложно сказать, был ли это повод для радости или для беспокойства. И нужно ли было рассказать о случившемся боссу? Он решил ничего не говорить. Его попросили избавиться от машины — и вот она исчезла. И точка.

Главное, девчонка была у него в руках...

Когда ты кого-то любишь, то принимаешь его целиком со всеми вытекающими обязательствами. Ты принимаешь его историю, его прошлое и настоящее. Ты принимаешь все или ничего.

Р. Дж. Эллори

Гринвич-Виллидж

5.00

Джонатан вздрогнул и проснулся. Он обнаружил, что все это время спал, склонив голову на плечо Маделин. Несмотря на внезапное пробуждение, чувствовал он себя отменно. Дом прогрелся. Снаружи слышались шум ветра и мерное сердцебиение города. Он поглядел на часы, но вставать не торопился, с наслаждением чувствуя рядом мягкое, горячее тело. Наконец он сделал над собой усилие и буквально заставил себя подняться из теплой постели.

Он натянул свитер и джинсы, прикрыл дверь и спустился в гостиную. Из кармана пальто он достал распечатку электронной почты, которую Маделин передала ему накануне.

От: Франческа ДеЛилло

Кому: Жорж ЛяТюлип

Тема: Re:

Дата: 4 июня 2010 19:47

Жорж,

Умоляю тебя, откажись от поездки к Джонатану в Сан-Франциско. Мы приняли верное решение. Раскаиваться в чем-либо уже слишком поздно, я думала, ты и сам это понял, прочитав последние газеты...

Забудь Джонатана и все, что с нами произошло. Пусть он оправится.

Если ты расскажешь ему всю правду, то поставишь меня, его и себя в отчаянное положение и потеряешь все: работу, квартиру, а также все те мелкие радости, что так тебя увлекают.

Ф.

Джонатан расположился за дубовым письменным столом, на котором стоял компьютер. Клер, должно быть, часто принимала у себя гостей, поскольку к экрану монитора был прилеплен стикер с паролем для гостевого входа. Джонатан подключился к Интернету и вновь перечитал письмо. Так, значит, Франческа не изменяла ему с Жоржем... Ему все еще трудно было в это поверить. К чему вообще была вся эта грязная затея? Что скрывала от него бывшая жена?

Прочитав письмо в третий раз, он подчеркнул слова «я думала, ты и сам это понял, прочитав последние газеты...». Что Франческа имела в виду? Письмо датировалось июнем. Маделин сообщила ему, что просмотрела все газеты за предыдущие месяцы в поисках имен Франчески и Жоржа, но так ничего и не нашла.

Он подавил зевок и сходил на кухню, чтобы приготовить кофе, после чего вернулся за стол и принялся за работу. Он открыл сетевые архивы газетных статей. Разгадка тайны должна быть где-то рядом. Примерно через час он наткнулся на странную статью в «Дэйли ньюз»:

БАГАМСКИЕ ОСТРОВА:

В ЖЕЛУДКЕ АКУЛЫ НАЙДЕНО ТЕЛО ФИНАНСИСТА!

На рыбалке близ острова Колумбус местный моряк сделал ужасное открытие, когда к нему в сети попала акула. Пока он поднимал свою добычу на лодку, из пасти акулы вывалилась длинная кость, чрезвычайно похожая на плечевую кость человека. Мужчина немедленно сообщил об этом в береговую охрану, после чего желудок хищницы был вскрыт, и в нем обнаружили другие останки человеческого скелета, в частности фрагменты грудной клетки и челюсть.

Анализ ДНК позволил определить личность погибшего. Им оказался некто Ллойд Уорнер, вице-президент отельной компании класса люкс «Уин Интертеймент». Сорокапятилетний мистер Уорнер пропал без вести 28 декабря. Последний раз его видели в аэропорту Нью-Йорка в одном из бутиков прет-а-порте, когда он как раз собирался возвращаться с Багамских островов.

Джонатан не поверил своим глазам. Ллойд Уорнер был мертв вот уже два года, а он узнает об этом только сейчас! Тот самый Ллойд Уорнер, финансовый директор «Уин Интертеймент»... Человек, отказавшийся отсрочить долг «Императора», а потому виновный в его стремительном разорении. В одно мгновение в его памяти стали всплывать темные воспоминания: порочный круг долговых обязательств, банкротство компании, финансовые трудности, с которыми боролась Франческа, чтобы компания не попала в руки стервятникам Уорнера, сотрудники фирмы, все, как один, предавшие их в решающий момент.

Не эту ли статью имела в виду Франческа, составляя письмо Жоржу? Была ли она причастна к смерти Ллойда Уорнера? И если да, то каким образом? Ведь, по сути, эта смерть никоим образом не помешала разорению их предприятия.

Ошеломленный своим открытием, Джонатан поспешно распечатал статью и чиркнул на грифельной доске, висевшей на стене, пару слов для Маделин. Затем он надел пальто, взял ключи от машины, подвешенные возле двери, и вышел на улицу.

Джонатан решил воспользоваться зеленым «Смартон» Клер, припаркованным неподалеку от дома. За ночь холод стал еще сильнее. Он завел автомобильчик и стал прогревать мотор, слушая по радио краткий обзор новостей: «Сегодня в Калифорнии продолжается процесс по делу мексиканки Хезебель Кортес, дочери главы наркокартеля. Отец девушки, получившей прозвище

La Miñesa,^[41] был крупным...»

Но Джонатан был сейчас не в том состоянии, чтобы вникать в новостные сводки. Он выключил радио и вырулил на Гроув-стрит. В столь ранний час машины на дороге двигались свободно и быстро. 7-я авеню, Варик-стрит, затем Канал-стрит... Он заново открывал для себя географию Нью-Йорка, вспоминая тот путь, который проделывал сотни раз, когда еще жил здесь.

Влившись в поток желтых такси, Джонатан заметил в зеркало заднего вида черный «Феррари». Даже когда у него имелись деньги, он не особенно любил крутые автомобили, но эта машина была особенной. В детстве отец подарил ему игрушечную модель 250 GT «Калифорния Спайдер» низкой посадки. Это была одна из самых редких и самых красивых машин в истории, в начале 60-х годов было выпущено всего несколько десятков таких автомобилей. Он едва успел повернуть голову, когда машина вдруг взревела и, обогнув его с правой стороны, стремительно унеслась в направлении Сохо.

«Вот больной...» — пронеслось у него в голове.

Несмотря на то что ТрайБеКа считался одним из самых дорогих микрорайонов Манхэттена, Джонатан никогда не чувствовал себя здесь достаточно комфортно. Ему это место казалось непривлекательным и диким.

Он припарковался неподалеку от дома, где проживала его бывшая жена. «Эксельсиор», внушительный шестнадцатизэтажный дом, построенный в 20-х годах, выглядел солидно и богато. Раньше это был отель в стиле арт-деко, но не так давно было принято решение переоборудовать его комнаты в просторные лофты для мультимиллионеров.

— Привет, Эдди! — громко сказал он, входя в здание.

Одетому в коричневый костюм с золотыми галунами швейцару потребовалось несколько секунд, чтобы узнать новоприбывшего.

— Господин Лемперер! Вот так сюрприз... — проговорил он, поправляя кепи.

— Я хотел бы увидеться с Франческой. Вы можете передать, что я жду ее в холле?

— Сейчас еще очень рано...

— Я настаиваю, Эдди, это дело чрезвычайно важности.

— В таком случае я свяжусь с ней по телефону.

Эдди Брок внешне походил на Би Би Кинга, и был он, во всех смыслах этого слова, «человеком-ключом» всего здания, знавшим секреты всех обитателей: ругань, измены, дурное обращение, проблемы с наркотиками... От отношений с ним зависело, облегчится ли жизнь или превратится в ад.

— Хорошо, она ждет вас.

Джонатан поблагодарил его сдержанным кивком и вызвал лифт. Он набрал специальный код, так что кабина лифта плавно заскользила вверх и остановилась прямо напротив прихожей его бывшей жены. Современный дуплекс со стеклянными стенами занимал два последних этажа здания.

Джонатан прошел в просторную гостиную, отделанную плиткой из лавового камня. Стильное минималистичное убранство дополняла мебель из светлого орехового дерева. Два длинных искусственных камина в стиле хай-тек были включены, и в их недрах плясали дюжины крошечных язычков пламени. Через огромные, в два человеческих роста, окна открывался прекрасный вид на Гудзон. Благодаря этим окнам казалось, что внутреннее помещение сливается с террасой, превращаясь в одно большое открытое пространство. Как раз занимался рассвет, и первые лучи солнца окрасили квартиру в невероятные оттенки розового, светло-серого и фиолетового.

Несмотря на то что Джонатан прожил здесь около двух лет, теперь он чувствовал себя здесь совершенно чужим. Внутренний сад, терраса площадью в четыреста квадратных метров, помпезный интерьер, консьерж, обслуживающий персонал в доме, двадцатиметровый бассейн с подогревом, тренажерный зал, сауна... Раньше, когда он еще владел «Императором», вся эта роскошь казалась ему совершенно нормальным явлением. Теперь же у него складывалось впечатление, будто бы раньше он просто страдал манией величия, а сегодня, эдаким смертным, заявился на Олимп к греческим богам. Из комнаты наверху вышла Франческа и торопливо направилась к нему:

— Что-то случилось с Чарли?

— С Чарли все хорошо. Он остался в Сан-Франциско вместе с твоим братом.

Она заметна успокоилась и спустилась вниз по стеклянной лестнице, отчего складывалось впечатление, будто бы она парит в воздухе.

Очевидно, в столь ранний час она одевалась впопыхах. На ней были простые черные джинсы и бежевый свитер с V-образным вырезом. Однако даже в таком немудреном наряде его бывшая жена выглядела восхитительно. В ней чувствовались выправка и осанка, какие свойственны исключительно богатым людям, чьи отцы и деды купались в роскоши на протяжении многих поколений. На деньгах ее словно стояло клеймо: «Given, not earned».^[42] Быть может, они расстались именно из-за этого. Ведь Джонатан, напротив, свои деньги заработал. Заработал, а потом потерял...

— Ты его убила, не так ли? — спросил он, протягивая ей лист бумаги с распечатанной статьей о Ллоиде Уорнере.

Франческа на нее даже не посмотрела. Не стала спрашивать, о ком он говорит. В течение некоторого времени она просто стояла неподвижно, а потом прошла в гостиную, села на диван и закуталась в плед.

— Кто тебе сказал? Этот тупица Жорж? Нет... очевидно, это не он...

— Как это произошло?

Она закрыла глаза, отдаваясь на волю воспоминаний.

— Это был конец декабря, ровно два года назад... — начала она. — Утром ты проводил меня в аэропорт, и я сказала тебе, что поеду в Лондон посмотреть, как идут дела в одном из наших ресторанов. Я солгала. Неделий ранее я узнала, что Ллойд Уорнер отправляется на Багамы, в Нассау, чтобы заключить контракт по поводу одного из казино. Я решила тоже поехать туда и убедить его согласиться на пересмотр нашей задолженности. По приезде я оставила ему в отеле сообщение с просьбой встретиться на Колумбусе. В то время ты еще не знал, каких катастрофических размеров достиг наш долг. Наши рестораны развивались полным ходом, но экономический и финансовый кризис сделал рост компании практически невозможным. Я хотела, чтобы «Уин Интертеймент» дал нам больше времени на погашение, однако в Нью-Йорке поговорить с Ллойдом Уорнером с глазу на глаз не представлялось никакой возможности.

— И он явился?

— Да. Мы вместе поужинали. Я попыталась убедить его дать нам время, но он меня и слушать не желал. Вместо этого он вовсю заигрывал со мной, отпуская всякие бесстыдные шуточки, так что я распрощалась с ним, даже не дождавшись десерта.

В комнату вошла горничная с подносом, на котором стояли чайник и две чашки. Франческа подождала, пока они снова не остались одни, и продолжила свой рассказ:

— Я была уверена, что он уехал. Однако вечером он пришел ко мне в номер и предложил сделку: он был готов помочь нам с долгом, но взамен...

— ...ты должна была с ним переспать.

Она кивнула:

— Когда я попыталась выставить его из комнаты, он лишь плотно закрыл дверь изнутри, после чего повернулся и набросился на меня. Он был уже порядком пьян и, вероятно, вынюхал немало кокса. Я закричала, но в отеле в тот вечер праздновали свадьбу, так что никто меня не услышал. Кое-как от него отбившись, я схватила с прикроватного столика бронзовую статуэтку — копию одной из работ Джакометти — и со всей силы ударила его по голове. Он тотчас же обмяк и замер. Сначала я решила, что он просто оглушен, но... он умер.

В полнейшей растерянности Джонатан присел в ближайшее к Франческе кресло. Бледная, закутанная в плед, его бывшая жена, напротив, казалась на удивление очень спокойной. Джонатан едва ли мог сказать, что он испытывал в тот момент: ярость или облегчение. Тайна, которая не давала ему покоя последние два года, разрешилась буквально в нескольких предложениях. Два года он не мог никому доверять, сломленный после измены жены... и вот теперь выясняется, что она ему вовсе не изменяла.

— Почему ты не обратилась в полицию?

— Ты и впрямь думаешь, что они поверили бы в мою историю с самозащитой? С нашей-то кучей долгов? С тем посланием, что я оставила ему в отеле?

— Что ты сделала с трупом?

— Мой номер располагался на первом этаже, где мы с тобой когда-то вместе отдыхали. Отель стоит на сваях, и мне в голову пришла идея использовать катер для постояльцев — маленький «Хакер Крафт» из красного дерева, помнишь? На нем я добралась до понтонного мостика прямо напротив номера и перетащила тело на катер. Темнота вокруг была кромешная, и я страшно боялась наткнуться на береговую охрану. Но все обошлось, и я сбросила тело этого... ублюдка в воду милях в двадцати от берега. К счастью, я вовремя позаботилась о том, чтобы забрать у него бумажник и мобильный телефон.

— В отеле никто не заметил, что ты взяла катер?

— Нет. Все были слишком увлечены свадьбой. Ты думаешь, я чудовище?

Джонатан не нашелся с ответом и постарался не встречаться с Франческой взглядом. Однако, полная решимости прояснить ситуацию, она заговорила снова:

— Я была в панике. Если бы исчезновение Уорнера заметили, подозрение сразу же пало бы на меня. Десятки человек видели, как в тот день мы вместе ужинали в ресторане. Единственный мой шанс заключался в том, чтобы его не нашли сразу, поэтому я прицепила к телу чугунные грузила, которые нашла на лодке. И конечно же, я поспешила уверить всех, что Уорнер вернулся в Соединенные Штаты. Я проверила почту на его телефоне и наткнулась на предложение пройти электронную регистрацию на обратный рейс. Тогда я зашла на сайт авиакомпании и заполнила все, что было нужно. Все складывалось относительно неплохо, но мне нужен был человек, физически похожий на Ллойда, чтобы пройти контроль и сесть в самолет. Тогда я вспомнила о Жорже, ведь, как ты знаешь, внешне они с Уорнером довольно схожи.

— Значит, Жорж стал твоим алиби?

— Да. Предоставив общественности сведения о том, что он был моим любовником, я с легкостью могла оправдать свое присутствие на Багамах нашим романтическим свиданием. Вот откуда взялись те фотографии папарацци. Обратно Жорж полетел уже как Ллойд. Я попросила его сделать в Нью-Йорке несколько покупок и при этом расплатиться картой Уорнера. Таким образом, когда полицейские все же узнали о его исчезновении, все были уверены, что Ллойд находится где-то на Манхэттене. Никто даже не подумал искать на Багамах, пока, полгода спустя, не обнаружили его тело.

— И как сейчас продвигается расследование?

Так и не прикоснувшись к своему чаю, Франческа взяла пачку сигарет «Данхилл» и закурила.

— Не знаю. Думаю, они забросили это дело. Во всяком случае, никто меня ни о чем не спрашивал. Все считают, что в тот день я ужинала с Жоржем.

Тут Джонатан не мог уже больше сдерживаться:

— Почему ты мне не позвонила? Мне, твоему мужу! Ты мне настолько не доверяла? Не сказала мне о поездке — ладно, но скрывать от меня убийство!..

— Я хотела защитить вас, тебя и Чарли! Вы бы стали соучастниками, а мы с тобой сели бы в тюрьму! Мой план был практически обречен на провал. Сам подумай: кто бы воспитывал ребенка, если бы нас поймали?

Джонатан решил, что это, пожалуй, был весомый аргумент. Более того, какая-то его часть восхищалась хладнокровием и безупречной логикой Франчески, которая рисковала всем, чтобы защитить свою семью. Мог бы он проверить нечто подобное? Едва ли. Скорее всего, он бы поддался чувству вины и в эмоциональном порыве допустил бы какую-нибудь ошибку...

И вдруг ощущение того абсурдного хаоса, в котором пребывал Джонатан с момента их расставания, просто испарилось. За ним пришло осмысление происходящего. Но в какой-то момент он внезапно осознал, что Франческа стала для него совсем чужой. Он больше не испытывал к ней ни любви, ни влечения, словно невидимая стена возникла между ними и разделила их навсегда.

Промозглое темное помещение было окутано удушающим запахом гнили.

Со скованными руками и связанными ногами, Элис надрывалась изо всех сил, стараясь расшатать проржавевшую трубу, но та держалась крепко и не хотела поддаваться. В итоге она поскользнулась и упала на мокрый пол.

Всхлип отчаяния вырвался у нее из груди, но быстро стих, заглушенный липкой лентой.

«Не реви!» — приказала она самой себе.

Ее била мелкая дрожь, холод овладел всеми ее конечностями, терзал кожу и пронизывал чуть ли не до костей. Металлические наручники на запястьях причиняли жуткую боль, отголоски которой неприятно пульсировали где-то в районе затылка.

«Думай...»

Но холод и нервное напряжение мешали Элис сконцентрироваться. Чувство тревоги и беспомощности разрасталось у нее в груди. Сзади вдруг послышался чей-то писк. Она повернула голову и увидела, как из-за раковины высовывается крыса величиной с котенка. Элис снова глухо закричала, и крыса, напуганная не меньше самой пленницы, пробежала вдоль стены и скрылась под раскладушкой.

«Сохраняй спокойствие...»

Она сморгнула навернувшиеся на глаза слезы и попыталась разжать челюсти. Ей удалось просунуть язык под край кляпа и закусить краешек клейкой ленты. Через некоторое время она уже могла шевелить губами. Она сделала несколько глубоких вдохов, наполняя легкие вонючим воздухом. Дышать стало легче, но теперь она чувствовала, как быстро забилося ее сердце. Она попыталась найти этому объяснение, ведь в затхлом помещении было очень холодно. И тут она поняла.

«Мои лекарства!»

Она вдруг осознала, что уже давно нарушила предписание врача! С тех пор как ей сделали пересадку сердца, сумочка Элис превратилась в склад всевозможных препаратов. Осложнений не возникало лишь в том случае, если она исправно пила назначенные лекарства: специальные таблетки, препятствовавшие отторжению тканей, а в особенности — понижающие кровяное давление и антиаритмические препараты.

Лечащий врач часто предупреждал ее: если систематически пропускать прием лекарств, почки могут отказать за несколько дней или даже часов! И это может произойти в любой момент, особенно в случае обезвоживания организма.

Как раз сейчас ее горло пересохло и было раздражено. Необходимо было срочно утолить жажду во избежание уменьшения фильтрационной способности почек. На четвереньках, со скованными руками, она кое-как проползла вдоль трубы и добралась до раковины. Увы, кран находился слишком высоко. Собравшись с силами, она напряглась и снова вступила в неравную схватку с канализационной трубой. Впрочем, она быстро отказалась от своей затеи: с каждым рывком наручники все глубже впивались ей в кожу, оставляя на запястьях кроваво-красные полукружья. Смирившись со своим поражением, Элис безвольно сползла по стене и легла на холодный пол. Она чувствовала себя животным, зверем на цепи, безраздельно отданным на волю своего хозяина. Почти обезумев от горя, она принялась судорожно лакать застоявшуюся воду из крохотных лужиц на полу.

Крыса наблюдала за ней из темного угла.

Солнце взошло в кристально-чистом небе.

Выходя из «Эксельсиора» после разговора с Франческой, Джонатан чувствовал себя буквально как в тумане. Погруженный в раздумья, он добрел до припаркованного «Смарт» Клер. Он сел за руль и направился в сторону Ист-Виллидж, где назначил Маделин свидание. Он хотел было позвонить ей, чтобы удостовериться, что она нашла его записку, но потом решил, что она, может быть, еще спит.

Остановившись на красный у въезда в Маленькую Италию,^[44] он машинально посмотрел в зеркало заднего вида и снова заметил плавные элегантные изгибы черной «Феррари», стоявшей прямо за ним.

«Странно...» — подумал он и даже потер глаза, чтобы убедиться, что ему не мерещится. Ошибки быть не могло: это была та самая машина, с изогнутым капотом, фарами обтекаемой формы и внушительным радиатором, придававшим автомобилю сходство с хищной рептилией. Он обернулся. На этот раз кабриолет никуда не уехал, однако солнце, отражавшееся от лобового стекла, помешало Джонатану рассмотреть водителя. Он хотел было запомнить номера автомобиля, но, к своему удивлению, не обнаружил на нем никаких опознавательных знаков!

Загорелся зеленый свет. Ему просигналили, и он был вынужден тронуться и пересечь перекресток. Когда он наконец смог снова посмотреть в зеркало, таинственная машина уже исчезла...

Звуки шагов.

Элис открыла глаза и резко проснулась, словно выпутавшись из объятий сна, в который успела погрузиться.

Который был час? Сколько времени она провела без сознания? Пять минут или, быть может, пять часов?

Она буквально вся тряслась от холода. Лодыжки страшно чесались, а на запястьях было не найти живого места от

наручников. Она попыталась встать, но вскоре отказалась от этой затеи. Она чувствовала себя слишком слабой, чтобы и дальше бороться за жизнь.

Дверь открылась, и на пороге показался массивный силуэт Юрия.
— Сучка! — взревел он по-русски, обнаружив, что девушке удалось избавиться от кляпа.
Он схватил ее за волосы, но она отчаянно произнесла:
— Мне нужно воды! У меня нет лекарств! Я могу...
— Заткнись!
Он грубо потянул ее назад, вырвав из головы клочок волос. Она сразу поняла, что молчание было в ее же интересах. Казалось, русский успокоился. Он приблизил свое лицо к ее лицу, потянул носом возле ее шеи, вдыхая аромат ее духов, и погладил ей щеку своим большим липким пальцем. Элис почувствовала его дыхание на своих губах и не смогла скрыть омерзение. Она повернула голову и заметила камеру, которую он держал в руке.
Огромная, черная, словно вырезанная из темной бумаги, фигура Юрия загородила бледный неоновый свет.
— Ты получишь свою воду, но сначала мы вдвоем сделаем один фильм...

30

Темная Сторона Луны

Каждый человек, подобно луне, имеет свою неосвещенную сторону, которую он никому не показывает.
Марк Твен

Нижний Ист-Сайд
8.00

Джонатан въехал между двумя машинами, стоявшими на тротуаре, и пешком прошел по Бродвею до 2-й улицы. Раньше Нижний Ист-Сайд был местом невзрачным и диким, но теперь все стало наоборот. Кафе и модные рестораны сделали этот район одним из самых популярных на всем Манхэттене. Джонатан толкнул дверь ресторанчика «Пилз» и заказал себе поздний завтрак. Это было его любимое место: классическая американская кухня и домашний уют. С одиннадцати утра и до часу дня здесь было не протолкнуться, но до одиннадцати ресторанчик был тих и практически безлюден.
Джонатан огляделся вокруг в поисках Маделин. За длинной стойкой из светлого дерева немногочисленные стильно одетые посетители уничтожали блинчики с бананом и заливались капучино.
Маделин нигде не было. Джонатан заволновался. Быть может, она пожалела о том, что произошло между ними ночью? Или, возможно, она просто уехала, повинуясь какому-то внезапному порыву? Или...
Завибрировал телефон. «Я наверху», — гласила эсэмэска. Он поднял голову и увидел Маделин. Перегнувшись через поручень, она махала ему рукой со второго этажа.
Успокоившись, он поднялся по лестнице и сел за ее столик. Белые стены, светлый паркет, большие окна, оригинальные светильники: ресторанчик и впрямь было очень и очень неплох.
— Ты здесь давно?
Он не осмелился ее поцеловать, хоть ему безумно этого хотелось. Джинсы и приталенная кожаная куртка лишь еще больше стройнили ее и делали невероятно привлекательной.
— Я только что приехала. Тут мило. А ты где был?
— У своей бывшей. Я тебе все расскажу, — сказал он, располагаясь напротив нее.
Маделин старалась держаться непринужденно, хотя с грустью подумала, что, возможно, потеряла очередного мужчину... Джонатан хотел было взять ее за руку, но она отстранилась. Их взгляды встретились. Над столом повисло неловкое молчание. Наконец Маделин осторожно положила свою ладонь ему на руку. Теперь было совершенно ясно, что между ними вспыхнула не просто страсть, но нечто большее: удивительное чувство влюбленности, признаться друг другу в котором они были еще не готовы.
Чудные очки, клетчатая рубашка и галльские усы: официант, больше похожий на какого-нибудь хипстера, подошел к ним, чтобы принять заказ. Джонатан пробежал глазами меню и заказал эспрессо и десерт «Манки брэд». Маделин же попросила печенье с голубикой и стакан молока.
— Я позаимствовала кое-какие вещи у твоей подруги. Они мне немного жмут, но...
— Тебе очень идет. И она мне не подруга... Есть какие-нибудь новости от Джима?
— Никаких, — ответила Маделин, помрачнев. — Его мобильник до сих пор стоит в режиме автоответчика. Я позвоню ему прямо в участок.

Пока она набирала номер, Джонатан взглянул на свежий номер «Нью-Йорк пост», оставленный на скамье одним из посетителей. На первой странице газеты была помещена новость, которую он частично уже слышал сегодня по радио.

НАЧАЛО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛУ НАСЛЕДНИЦЫ НАРКОКАРТЕЛЯ
Судебный процесс по делу Хезебель Кортес открылся сегодня в калифорнийском суде. Хезебель Кортес, по прозвищу La Muñeca, является дочерью покойного Альфонсо Кортеса, одного из лидеров опасного мексиканского картеля. Напомним, что Альфонсо Кортес был убит в перестрелке с конкурирующей группировкой в марте 2001 года.
Хезебель Кортес, скрывавшаяся по фальшивым документам в Лос-Анджелесе, была задержана полицией три года назад в «Родео-драйв», когда совершала покупки. Ее обвиняют в патронировании нескольких кокаиновых наркосетей в США, а также в создании налаженной системы по отмыванию денег. Процесс по делу Хезебель Кортес несколько раз откладывался ввиду того, что адвокаты всякий раз находили юридические лазейки.

Джонатан оторвался от чтения, когда услышал, что Маделин удалось дозвониться до комиссариата в Манчестере. Она набрала внутренний номер своего бывшего напарника, однако ответил ей почему-то детектив Тревор Конрад:

— Маделин? Рад тебя слышать...
— Я со вчерашнего дня пытаюсь дозвониться до Джима. Он сейчас в участке?
Полицейский долгое время молчал, но потом все же произнес:
— Джим мертв, Маделин.
— Как это? Но ведь он звонил мне пару дней назад!
— Мне жаль... Его нашли сегодня утром в кабинете. Он покончил с собой.
Маделин подняла на Джонатана удивленные глаза и прошептала одними губами:
— Умер!

Пораженный этой новостью, Джонатан перегнулся через стол, чтобы лучше слышать телефонный разговор. Маделин пыталась разузнать подробности:

— погоди, Джим, которого я знаю, никогда бы такого не сделал. У него были какие-то личные проблемы?
— Не думаю.
— Как это случилось, Конрад?
Полицейский колебался с ответом.
— Расследование идет полным ходом. Больше я тебе ничего не могу сказать.
— Не будь идиотом, Джим был мой напарником в течение шести лет!
И снова долгая пауза.
— Я перезвоню тебе через пять минут, — заявил Тревор и положил трубку.

В полнейшем шоке, Маделин обхватила голову руками. Внезапная смерть Джима разбредила ее старые раны. Она гнала прочь воспоминания прошлого, пытаясь сохранить свою оболочку из рассудительности и спокойствия, которой с таким трудом сумела окружить себя за последние годы. Джонатан вконец растерялся. Он попытался успокоить Маделин ободряющим жестом, но та не реагировала.

— Конрад, очевидно, собирается позвонить мне с мобильного или из телефона-автомата. В комиссариате все аппараты могут прослушиваться. Думаю, он не хочет рисковать.

— Ты не веришь в самоубийство Джима?

— Не знаю, — честно призналась она. — В конце концов, это ты встречался с ним недавно. Я же не видела его целую вечность.

Джонатан попытался вспомнить, что он чувствовал во время встречи с полицейским.

— Он был усталым и раздражительным. Его целиком и полностью увлекло дело Элис Диксон, и он жаждал новых улик. Но самоубийство — это такой поступок... Никогда нельзя знать наверняка.

«Мне ли об этом не знать!..» — мысленно воскликнула Маделин.

Зазвонил мобильный телефон. Это был Конрад.

— Итак, что ты хочешь знать? — спросил коп.

— Как это случилось?

— Джим пустил себе пулю в голову прямо в своем рабочем кабинете около половины пятого утра.

— Из своего служебного пистолета?

— Нет, из неизвестного ствола.

— И ты не находишь это странным?

— Как ты меня достала, Маделин!

— Все полицейские-самоубийцы пользуются табельным оружием!

— Не все, — возразил Конрад. — Я знаю одну, которая повесилась у себя в гостиной.

Стрела попала в цель, но Маделин сдержалась.

— Расскажи мне об этом оружии.

— «Беретта-92» с глушителем.

— Что за бред?! Если вдруг решаешь застрелиться, тебе наплевать на мирный сон соседей!

«И я прекрасно знаю, о чем говорю», — чуть было не добавила она.

— Если уж на то пошло, есть и еще одна странность во всем этом деле, — признался полицейский.

— Говори же.

— Джим держал оружие в правой руке.

— Блин!

Флаэрти был левшой.

— Это странно, да, но это ничего не доказывает, — сказал Тревор.

— Ты что, шутишь?

— Когда ты приставляешь пистолет к виску, о точности речь не идет. С такого расстояния трудно промазать, вне зависимости от того, какую руку ты при этом используешь...

— Над чем работал Джим в тот момент?

Но Конрад явно не был расположен к длительному разговору.

— Я тебе уже и так достаточно рассказал. А теперь мне нужно отключаться.

— Подожди! Ты не мог бы прислать мне письма, которые Джим в последнее время получал по электронной почте?

— Издеваешься, что ли? Ты больше не в полиции!

— Джим был моим другом!

— И не проси. Даже если бы я хотел тебе помочь, у меня бы все равно ничего не вышло.

— Почему это?

- С утра все наши серверы заражены каким-то вирусом. Все компьютеры выведены из строя.
- Ну да, попробуй подыскать другое оправдание!
- Это чистая правда. Будь осторожна, Маделин.

Она отставила в сторону стакан молока и заказала себе чашку черного кофе. Затем извлекла из рюкзака ноутбук Джонатана.

— Я принесла твой компьютер. Хотела еще раз перечитать файлы по Диксон. Ты говорил, что все переписал? С ноутбука-то проще читать, чем с телефона.

Джонатан включил ноутбук.

— Думаешь, Джима застрелили?

— Не знаю.

— Лично я считаю, что его убили, потому что он раскопал что-то об Элис.

— Не нервничай так сильно. Неделю назад ты об этом деле даже не слышал.

— Вот почему мой свежий взгляд на это дело может пригодиться.

— И почему ты так думаешь?

— Мне кажется, что полиция и спецслужбы сделали все возможное, чтобы замять это похищение.

— Да ну!

— Хочешь доказательств? Пожалуйста — камеры слежения! Я читал дело: раньше вокруг колледжа, где училась Элис, было развешено двенадцать камер. Двенадцать! Спрашивается, почему в тот день они все были сломаны? Тебе не кажется это странным?

— Это все, наверное, твоя теория заговора.

— Я видел Элис шесть месяцев спустя после того, как ты получила ее сердце в ледяном ящике!

— Мы никогда не узнаем наверняка, была ли это действительно она или кто-то другой.

— Это была она! Джим нашел этому подтверждение, и за это его убили!

— Знаешь, недостаточно просто констатировать факт — нужно еще чем-то подтвердить свои догадки.

— Элис жива, поверь мне.

— Вера здесь вовсе ни при чем.

— Элис не умерла, — повторил он. — А жива она потому, что ей сделали пересадку сердца. Операция, которая, впрочем, не проходит по спискам ни одного из госпиталей США. Ты представляешь себе, сколько организаций и должностных лиц должны быть в сговоре, чтобы такое повернуть? Кто в состоянии сделать это, если не государственное учреждение?

— Ты пересмотрел сериалов. Послушай, когда я расследовала это дело, всем было абсолютно наплевать на Элис Диксон: в особенности — ее матери, которая влачила жалкое существование в бедняцком квартале. Эта девочка — по сути, ничейный ребенок, так что я сомневаюсь, что правительству есть до нее хоть какое-то дело.

Маделин чуть ли не залпом выпила чашку кофе и погрузилась в изучение дела Элис, как делала сотни раз за свою прошлую жизнь. На экране появился доклад по делу серийного убийцы Бишоп, а также различные фотографии: дом бедняжки Эрин, сильно отличавшийся от прибранной, аккуратной комнаты Элис, книги, плакаты, пачки печенья «Орео» и пакетики клубничного молока.

Но у Маделин все еще стоял перед глазами образ Джима. Что он делал после встречи с Джонатаном? А что бы делала она? Очевидно, он запросил графологическую экспертизу и анализ отпечатков пальцев. Возможно, он также отдал экспертам образцы на анализ ДНК... Покопавшись в мобильном телефоне, она наконец нашла номер Таши Медейрос, одной из работниц судмедлаборатории в Бирмингеме. Она была блестящим биологом, но на полицейские формальности смотрела сквозь пальцы. В прошлом Джим и Маделин частенько обращались к ней за помощью, поскольку Таша соглашалась сделать анализы быстро, без лишней бумажной волокиты. Стоит также отметить, что Таша «умеренно» употребляла кокаин, так что Джим, чтобы не терять хороших отношений, регулярно поставлял ей небольшое количество наркотика, изъятого в ходе поимки каких-нибудь мелких торговцев.

— Мораль сей басни такова... — улыбнулся Джонатан, когда Маделин пересказала ему эту историю.

— Полиция — это тебе не мир «телепузиков»! — отрезала Маделин, набирая номер.

В тот день Таша не работала. Она была дома с дочерью, но все же подтвердила, что Джим действительно попросил ее сделать анализы. Прошлой ночью она дежурила и отправила ему результаты электронной почтой рано поутру.

— А ты случайно не помнишь, какой конкретно была эта экспертиза?

— Сравнительный анализ ДНК.

— Ты могла бы мне переслать это письмо?

— Сегодня, боюсь, уже нет.

— Это очень важно, Таша. Джим мертв. И я хочу знать почему.

— Дерьмо...

— Я вышлю тебе мой адрес электронной почты.

— О'кей, я поеду в участок вместе с Паолой. Результаты будут у тебя менее чем через час.

Джонатан изучал на компьютере данные об учиненной Бишопом резне. Маньяк сознался в убийстве Элис, однако не предоставил следствию ни единого тому подтверждения. Погруженный в бесконечную круговерть крови и насилия, Джонатан внезапно для себя осознал, что лишь благодаря этим ужасам они с Маделин были теперь вместе. Если бы не исчезновение Элис, они бы никогда вновь не увиделись...

Проверив у своего телефона вход в сеть, Маделин зашла на почту и решила заглянуть в папку со спамом. В ней содержалось порядка тридцати писем, каждое из которых предлагало ей купить либо дорогие часы класса люкс, либо пилюли, усиливающие сексуальное влечение, либо чудодейственный продукт, сжигающий десять килограммов лишнего веса за десять дней.

— Гляди-ка!

В гуще бессмысленных сообщений внимание Маделин привлекло одно-единственное письмо. Сутки назад оно пришло на почту от... Джима Флаэрти!

Ее сердце быстро забилося. С чего это письмо Джима угодило в спам? Не потому ли, что к нему была приложена целая куча файлов?

Маделин лихорадочно прочитала сообщение:

От кого: Джим Флаэрти
Кому: Маделин Грин
Тема: Вскрытие
Дата: 22 дек 2011 18:36

Дорогая Маделин,
На этих фотографиях тебя ничего не смущает?
Позвони мне.
Твой друг Джим

Далее был приложен документ в формате PDF и несколько фотографий. Маделин перебросила письмо на ноутбук, чтобы можно было посмотреть файлы на большом экране. Все они имели отношение к вскрытию тела Дэнни Дойла, крестного отца мафии из Читэм-Бридж.

— Что он тут делает? — полюбопытствовал Джонатан.

Вместе с Маделин он наклонился к экрану и начал читать. Он уже знал, что тело Дэнни было найдено на пустыре с пулевым отверстием в голове, отрезанными конечностями и вырванными зубами. Полиция считала, что в деле замешана украинская преступная группировка, чей главарь был убит подобным же образом несколькими месяцами ранее. Отчет coronera об убийстве был составлен по классической схеме: время смерти, установленное по трупному окоченению, заметки о следах пороха вокруг раны, анализ органов и некоторых образцов — в частности, крови, содержимого желудка, ДНК. Не оставалось ровным счетом никаких сомнений, что личность убитого принадлежала именно Дэнни Дойлу.

Обычно снимки со вскрытия жертв насильственных преступлений — довольно жуткое зрелище. Фотографии умершего Дэнни Дойла не были исключением: перекошенное от ужаса лицо, разрезанная до самого живота грудная клетка, десятки гематом, покрывавшие все тело погибшего. Дэнни жестоко пытали, так что в мир иной он едва ли отошел с миром. Но что такого «странного» мог обнаружить Джим на этих фотографиях?

Маделин увеличила на экране некоторые снимки.

— Они даже оторвали у него кусок уха, — заметил Джонатан.

Маделин нахмурилась и пристальнее вгляделась в область на экране, на которую указал ей Джонатан. И верно: у трупа практически напрочь отсутствовало правое ухо. Но рана казалась довольно старой, а у Дэнни с ушами было все в порядке, в отличие от... Джонни, его брата-близнеца.

— Это не Дэнни, это его брат! — воскликнула она.

Она поведала Джонатану их историю: о младенцах, вышедших из материнской утробы с промежутком в пять минут, о соперничестве между братьями, о жестокости и вспыльчивости Джонни, который страдал от шизофрении и которого неоднократно полиция задерживала в нетрезвом виде.

Маделин переключилась на отчет о вскрытии и внимательно перечитала строки, касавшиеся непосредственно органов. Печень трупа была повреждена «дегенерацией тканей, вызванной, вероятно, злоупотреблением алкоголем».

Цирроз.

— Бывало, Дэнни пропускал стаканчик-другой, но он никогда не был алкоголиком.

— Как полицейские могли допустить такую ошибку?

— Близнецы зачастую обладают одинаковым набором генов, так что анализ ДНК оказывается просто бесполезным.

— Ты в этом уверена?

— Известно множество случаев подобного рода, в частности кража в Германии и оборот наркотиков в Малайзии. В обоих случаях у подозреваемого был брат-близнец, так что следствие зашло в тупик ввиду невозможности установить истину.

— Но если это труп Джонни, то...

— ...то это значит, что Дэнни жив, — подтвердила Маделин, задумчиво кивнув головой.

Они снова заказали кофе. В течение некоторого времени они обдумывали ситуацию и высказывали свои предположения, пока на почту не пришло сообщение от Таши Медейрос.

От: Таша Медейрос
Кому: Маделин Грин
Тема: Маделин

Вот результаты анализов, которые запросил Джим по неофициальным каналам.
Прими мои соболезнования.
Надеюсь, что это письмо тебе поможет.
Таша

Сгорая от любопытства, Маделин кликнула на приложение к письму, в то время как Джонатан заглядывал ей через плечо: документ представлял собой сложную таблицу, пятнадцать строк на шесть столбцов. Каждая клетка содержала в себе ряд чисел. Им понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что речь идет о тесте на отцовство. Тогда они перешли к последнему абзацу, в котором были указаны результаты анализов, и буквально лишились дара речи:

Тест на отцовство, проведенный без генетического материала матери

На основании анализа ДНК.

Предполагаемый отец: Дэниел Дойл

Ребенок: Элис Диксон

Аналогичные аллели^[45] выявлены в пятнадцати проанализированных локусах.

Вероятность отцовства: 99,999 %.

Все-таки у Джима была потрясающая интуиция. После трех лет расследования ему удалось доказать не только то, что Дэнни Дойл был жив, но также то, что Элис Диксон была его дочерью. И за это открытие он поплатился жизнью.

31

На Вражеской Территории

В темноте у каждого своя судьба.
Гао Синцзянь

*Кафе «Пилз»
Нижний Ист-Сайд
10.00*

Маделин была настолько ошеломлена, что ее даже охватил внезапный приступ тошноты, так что ей пришлось откинуться на спинку скамьи. Голова отчаянно кружилась. Ни Элис, ни Дэнни не были мертвы. Еще более удивительным представлялся тот факт, что девочка приходилась дочерью крестному отцу преступного мира. С другой стороны, Джим погиб, да и она сама чуть было не наложила на себя руки. Десятки человекленно и ночью пытались расследовать это дело. Почему? Для кого? Она вдруг перестала доверять кому-либо и чему-либо. Кто же на самом деле был жертвой во всей этой истории? Кто же был истинным виновником? Всякий раз, как удавалось пролить свет на это дело, появлялась новая проблема, новая запутанная загадка, и ей вновь и вновь приходилось сталкиваться с опасностями.

Она подняла глаза, ища поддержки у Джонатана, но тот как раз глядел в окно с весьма обеспокоенным видом.

— Я думаю, за нами следят.

— Ты шутишь? — удивленно спросила она, приблизившись к окну.

— Видишь ту черную «Феррари», припаркованную чуть в стороне?

— Перед «Моррисон-отелем»?

— Да. Я уже два раза ее видел за сегодняшнее утро: сначала в ТрайБеКа, а потом возле Маленькой Италии. У нее нет номеров, и мне все никак не удастся посмотреть, кто сидит за рулем.

Маделин прищурилась, однако с такого расстояния она не увидела даже приблизительных очертаний водителя.

— Пошли, — сказала она решительным тоном.

Еще час назад она и подумать не могла, что за ними будут шпионить, но после того, как она узнала о смерти Джима, Маделин стала подозревать всех и каждого.

Они заплатили за завтрак, спустились вниз, вышли из кафе и подошли к машине.

— Дай я поведу, — попросила Маделин.

Она села на водительское сиденье, и машина тронулась.

— Думаешь, она поедет за нами? Может, мы просто свихнулись из-за всего этого расследования...

— Говори за себя. Я уверен, что она сядет нам на хвост.

Так и случилось. «Феррари» снялась с места и «незаметно» пристроилась сзади, держась в двадцати метрах от их «Смарта».

— Не оборачивайся, — приказала Маделин. — И пристегнись.

Их небольшая машинка набирала скорость, продвигаясь по Бауэри в направлении Купер-сквер. Неожиданно Маделин затормозила и резко выкрутила руль влево, бросив машину на среднюю разделительную полосу.

— Да ты просто двинутая! — заорал Джонатан, вцепившись в ручку двери.

Их автомобиль с визгом приземлился на другой стороне дороги, и теперь «Феррари» ехала им навстречу.

— Заткнись и разуй глаза!

Теперь обе машины ехали в противоположные стороны. Когда они встретились, Джонатан успел разглядеть их преследователя. Им оказалась светловолосая красивая женщина со шрамом в форме звезды, проходящим от брови через щеку, прямо к уголку рта...

— Ну что?

— Я ее знаю! — воскликнул он. — Я уверен, что именно к ней я отвозил Элис, тогда, два года назад, в Антибе!

— Та, что выдавала себя за ее мать?

— Да!

Маделин посмотрела в зеркало заднего вида. «Феррари» свернула на запад через Астор-плейс. Почти интуитивно Маделин вырулила на Хьюстон-стрит.

— Если она поедет по Бродвею, мы можем за ней проследить, так ведь?

— Вполне вероятно.

Они скрестили пальцы и стали ждать. Через несколько секунд они заметили, как черная «Феррари» выруливает на трассу, разрезающую город по диагонали.

Кабриолет повернул на Спринг-стрит. Маделин и Джонатан двинулись следом за ним, однако женщина в «Феррари», похоже, заметила их: мотор спорткара взревел, и маломощный «Смарт» остался далеко позади.

— Черт, так мы ее потеряем!

Провал казался неизбежным: что может сделать их машинка против мотора V12 мощностью в 280 лошадиных сил? Но Маделин так просто не сдавалась. Не желая проигрывать, она вдавила педаль газа и проскочила на красный свет на перекрестке Лафайетт.

— Осторожно! — закричал Джонатан.

На дорогу прямо перед ними выехала тележка торговца хот-догами. Маделин засигналила, резко сворачивая влево. Продавец вздрогнул и дал задний ход, но было поздно: «Смарт» на полной скорости врезался в его тележку, и она опрокинулась наземь. Из нее во все стороны разлетелись сосиски, кетчуп, горчица, жареный лук и тушеная капуста.

Крохотный «Смарт» вынесло на тротуар, но Маделин удалось справиться с управлением. Она в испуге нажала на газ, и машинка унеслась в сторону Деланси-стрит.

А в это время на Кони-Айленде...

Припав к земле, словно испуганное животное, Элис повернула голову в поисках крысы, но с появлением Юрия грызун словно испарился.

Кровь почти кипела от охватившего ее жара, обильный пот стекал по телу, волосы прилипли к лицу, внутри ее все содрогалось от дикого озноба, живот скрутило от острых спазмов. К тому же ей казалось, что запястья и лодыжки сильно распухли.

Отсняв свой «фильм», русский ушел, оставив ее прикованной к этой треклятой трубе. Как Элис ни умоляла его, Юрий не дал ей напиться, он просто смочил ей лицо водой из бутылки. Раздавленная и уставшая, Элис сделала усилие, согнулась и зубами застегнула молнию на своем свитере.

Малейшее движение оборачивалось новым приступом тошноты и головокружения. На этот раз позыв был особенно сильным, и ее вывернуло на пол желтоватой желчью. Она кое-как прислонилась спиной к стене, не в силах восстановить дыхание. Ее грудь отчаянно вздымалась, сердце билось угрожающе быстро. Сколько она еще продержится? Теперь у нее не оставалось сомнений: жуткая головная боль, ввинчивающаяся в затылок, и резь в животе могли означать только одно — гипертония все-таки спровоцировала почечную недостаточность.

Она с трудом перевела взгляд на унитаз, находившийся в паре метров от нее. Ей довольно давно хотелось справить нужду, но наручники не позволяли вскарабкаться на стульчак. Загнав гордость и достоинство в самый темный угол своего сознания, она облегчилась прямо в одежде. Горше унижения быть не могло. Элис лежала в луже рвоты, в собственной моче, но хотя бы уже не страдала от давления, распивавшего ее изнутри.

Эта передышка продолжалась какое-то время, затем девушка услышала глухое шипение. Взгляд ее затуманился, и ей показалось, будто бы по комнате мечутся маленькие светящиеся точки. Элис задыхалась и бредила. Она изо всех сил пыталась не упасть в обморок, но тщетно — круговерть огней захлестнула ее, и Элис провалилась в хаотичную полуюком, полную кошмаров и галлюцинаций.

Нижний Ист-Сайд

— Вон она! — воскликнул Джонатан, указывая на «Феррари», которая как раз въезжала на Вильямсбургский мост.

Это был подвесной мост через пролив Ист-Ривер, объединявший Нижний Ист-Сайд с Бруклином. Этот двухкилометровый гигант из стальных балок и тросов вмещал на своей четырехполосной трассе сотни автомобилей.

— Тут полно машин, ей придется ехать медленнее, — произнесла Маделин.

Действительно, очень скоро «Феррари» завязла в плотном потоке машин. Маделин почувствовала себя увереннее. На свой страх и риск она принялась петлять между машинами, перестраиваясь из ряда в ряд и постепенно сокращая расстояние, отделявшее ее от черного автомобиля.

— Помедленнее! Мы же врежемся!

Перебравшись через мост, итальянский кабриолет свернул на первый выезд.

— Куда она направляется? — спросила Маделин, которая не слишком хорошо знала Нью-Йорк.

— В Вильямсбург.

Они выехали на Бедфорд-авеню — самую странную улицу квартала. Покосившиеся кирпичные здания соседствовали здесь с совсем новыми постройками. Вокруг велись бесконечные строительные и реставрационные работы, так что этот район разительно отличался от остального строгого и консервативного Манхэттена. Лавки старьевщиков, забегаловки, киоски с виниловыми пластинками и подержанными книгами, магазинчики экологически чистых продуктов — все выглядело уместным, «своим», но в то же время передовым и современным.

Размеренная, почти деревенская суэта, царившая на этой улице, снова вынудила «Феррари» замедлить ход. Торговцы

ставили на тротуарах свои палатки, тут и там бродили уличные музыканты, а неподалеку фокусник исполнял трюки с огнем.

Теперь Джонатан и Маделин были всего в каких-то десяти метрах от черного «Спайдера». Пытаясь отделаться от хвоста, «Смарт» свернул налево, около Маккаррен-парка. Приближаясь к берегу реки, они пересекли складскую зону, большую часть которой занимали ангары и обширные пустыри. Покрытые граффити стены напоминали о Нью-Йорке былых лет, времен Баскии.^[46]

— Мы ее поймали! — радостно закричал Джонатан, когда они свернули на очередную улочку. — Здесь тупик. Ей больше некуда ехать, кроме как в реку!

Тем временем «Феррари» подъехала к месту сбыта подержанных автомобилей. Окна здания выходили на набережную, откуда открывался замечательный вид на небоскребы Манхэттена. Машина въехала на дебаркадер, а потом резко свернула в один из ангаров с открытыми металлическими воротами.

Маделин затормозила, остановив машину метрах в двадцати от гаража, над которым висела табличка: «МАКОНДО-МОТОР-КЛАБ».

— И что теперь?

— Похоже, нас поймали, — предположил Джонатан. — Не мы за ней охотились, а совсем наоборот. Думаешь, нам стоило...

Он не успел закончить фразу. Шум колес сзади заставил их обернуться. Огромный эвакуатор, возникший словно из ниоткуда, протаранил их маленький «Смарт» и буквально втолкнул его своим огромным бампером в темное нутро гаража. От сильного удара оба полетели вперед. Маделин не была пристегнута, и, если бы не вовремя подоспевший Джонатан, она точно расшиблась бы о рулевое колесо. Эвакуатор протолкал их вперед еще метров на десять, и, лишь когда сам полностью въехал в ангар, двери за ними захлопнулись.

Площадь складского помещения была ничуть не меньше двухсот квадратных метров. Друг напротив друга здесь стояли дюжины машин. Джонатан узнал «Пежо 403», но, похоже, местные заправилы специализировались на автомобилях помощнее: «Форд Гран-Торино», «Шевроле Камаро», «Плимут Барракуда»...

— Ничего себе не сломала? — спросил он, взглянув на Маделин.

Они помогли друг другу выбраться из «Смарта», который теперь скорее походил на скульптурную компрессию Сезара,^[47] чем на автомобиль.

Женщина со шрамом стояла прямо перед ними, наставив на них пистолет.

— Агент Блайт Блейк, Служба маршалов США!^[48] — закричала она. — Руки вверх!

Служба маршалов США? Федеральная полиция Министерства юстиции...

Джонатан и Маделин обменялись удивленными взглядами. Так эта женщина была копом?!

Затем они обернулись в сторону эвакуатора и увидели, как из его кабины спрыгивает мужчина.

Дэнни Дойл, одетый в брезентовые штаны и военную куртку, подошел к ним.

— Привет, Мэдди! А ты знаешь, что у тебя по-прежнему самая красивая попка среди всех парижских цветочниц...

32

Правда О Дэнни Дойле

Шипами мной посаженного древа —
Так суждено! — я сам окровавлен.

Лорд Байрон

Набережная Ист-Ривер

— Ну ты и ублюдок! И как я только поверила тебе, что Элис мертва?

— Мэдди, успокойся...

— Я тебе этого никогда не прощу, Дэниел!

— Позволь мне все тебе объяснить.

Маделин и Дэнни шли вдоль набережной Вильямсбурга. Близ воды было намного прохладнее, поэтому Маделин набросила на плечи его куртку. В десяти метрах впереди и позади них держались два «телохранителя».

— Это еще что за клоуны?

— Агенты ФБР, работающие на Службу маршалов.

Нервы Маделин были на пределе. Шок от недавних событий и удивительные открытия, произошедшие в столь короткий период, сделали свое дело. Она поглядела на бывшего преступника и вдруг закричала:

— Скажи, где Элис *сейчас*?

— Я все объясню, только не ори, ладно? — Дэнни извлек из кармана уже начатую сигариллу, зажигалку и закурил. — Все началось три с половиной года назад, — начал он, присаживаясь на одну из скамеек, стоявших вдоль набережной. — За месяц до смерти моей матери. Рак медленно, но верно убивал ее. Она доживала свои последние дни в госпитале Кристи, и я навещал ее каждый день.

Дэнни воскрешал в памяти болезненные воспоминания. Он сильно похудел. Волосы теперь были чуть длиннее и лишь оттеняли острые черты его обветренного лица. Маделин заставила себя успокоиться и села рядом с ним. Он сделал большую затыжку и продолжил свой рассказ:

— Всякий раз, выходя из госпиталя, я чувствовал себя все более и более опустошенным. Свою тоску я по привычке заливал алкоголем в местном соул-кафе, неподалеку, на Оксфорд-роуд. Там-то я впервые и встретил Элис. Она была кем-то вроде официантки: уносила кружки и использованные салфетки. Тогда ей еще не было и четырнадцати, хотя выглядела она на

пятнадцать-шестнадцать. Разумеется, она не имела права работать в пабе, но все, в общем-то, смотрели на это сквозь пальцы.

— Ты ее сразу заметил?

— Да, мне стало любопытно ее поведение: когда у нее выдавалась свободная минутка, она всегда садилась за свободный столик и читала либо делала домашнее задание. И вдруг она посмотрела на меня, странно так, будто мы были знакомы...

— Ты с ней заговорил?

— Поначалу она просто наблюдала за мной, но однажды сама подошла и завела беседу. Она сказала, что знает меня. А потом спросила, знаю ли я ее мать, Эрин Диксон...

— Я и не знала, что ты с ней встречался.

— Я и сам о ней забыл. Впрочем, мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы вспомнить, о ком она говорит. Действительно, я спал с Эрин пару раз, лет за пятнадцать до нашей случайной встречи с Элис. Эрин особо не заморачивалась, и переспать с ней было проще простого. Прежде она была довольно привлекательной, но вот умной назвать ее было нельзя никогда...

— Так ты и ответил ее дочери?

— Нет, конечно. Я был смущен, а она заявила мне без обиняков: мол, она расспросила мать, кое-что разузнала и выяснила, что... я ее отец.

— И ты ей поверил?

— Даже до того, как она мне об этом сообщила, словно это был некий очевидный факт.

— Почему? Думаешь, она похожа на тебя?

— Нет. Думаю, она похожа на тебя.

Маделин вспыхнула:

— Не играй с этим, Дэниел!

— А ты не утверждай обратного! Ты ведь тоже привязалась к этой девочке! Не потому ли ты с таким упорством взялась за это расследование, что она напомнила тебе себя?

— Это была моя работа, только и всего.

Но Дойл так просто не сдался:

— Эта девчонка могла бы быть нашей дочерью! Она была умной, воспитанной и так отличалась от всех этих идиотов, что вечно меня окружают. Она не боялась трудностей и всегда шла по жизни с гордо поднятой головой. Для меня это был словно подарок небес.

— Значит, вы потом стали часто видеться?

— Да, почти каждый день, втайне от всех. Это был наш секрет. Когда я узнал ее получше, то не стал врать и рассказал все о моей деятельности. Она будто вернула мне вкус к жизни. Впервые мое существование обрело смысл.

— Ты давал ей деньги?

— Я немного ей помогал, но не хотел вызывать лишних подозрений. Я решил оплатить ей учебу в хорошем университете, хотел даже официально признать ее своей дочерью, но, учитывая количество моих недоброжелателей, ей от этого было бы только хуже. К тому же у нее были проблемы со здоровьем, которые заботили меня больше всего...

— Ее сердце? — спросила Маделин.

Не отрывая взгляда от мутных, темных вод Ист-Ривер, Дэнни с грустью кивнул:

— При малейшей физической нагрузке она начинала задыхаться. Она не жаловалась, но очень часто уставала, а два раза при мне даже упала в обморок. Тогда я отвез ее в Объединение первичной медицинской помощи. Врач обнаружил шумы в сердце, но не выявил никаких других аномалий. Чтобы окончательно успокоиться, я обратился к лечащему врачу моей матери с просьбой провести дополнительные анализы. Вскоре пришел диагноз: дилатационная кардиомиопатия. Сердце Элис билось медленнее, чем положено. Болезнь была уже на продвинутой стадии, так что девочка могла умереть в любой момент.

— И неужели врач согласился назначить ей лечение на поддельное имя?

— У каждого человека есть своя цена, Маделин.

— И это сработало?

— Первые несколько месяцев Элис хорошо переносила лекарства.

Картина прояснялась. Постепенно Маделин восстанавливала в голове хронологию событий, однако многие вопросы еще оставались без ответа.

— А Элис действительно знала, чем ты занимаешься на самом деле?

— Да, я никогда ее не обманывал.

— И это никак на ней не отразилось?

— Скажем так: она была достаточно умна, чтобы смотреть на вещи трезво, без предрассудков.

Маделин приняла это замечание на свой счет, но реагировать не стала.

— И ты ни разу не думал о том, чтобы уйти на покой?

— Разумеется, думал! Но как ты себе это представляешь? Думаешь, все так просто? Что мне достаточно просто пальцами щелкнуть? Я был в безвыходном положении: в затылок дышали копы, враждебные банды хотели с меня шкуру содрать, даже мои собственные люди только и ждали удобного момента, чтобы предать меня.

— Элис об этом знала?

— Она знала больше, чем я мог предположить, ведь именно она предложила мне выход.

— Что ты имеешь в виду?

— Как-то раз я увидел ее с огромной папкой, в которой были подшиты десятки статей из Интернета: целая кипа юридических и правовых текстов, примеры судебных разбирательств — короче говоря, она подготовилась, словно настоящий адвокат. Она заявила мне, что придумала верный способ, как нам обоим начать совершенно новую жизнь.

— И что же это был за способ?

— ВИТСЕК: американская программа защиты свидетелей. [\[49\]](#)

Генеральный прокурор Соединенных Штатов может организовать защиту свидетеля в ходе официального производства по делам организованной преступности, если сочтет, что в отношении такого свидетеля может быть совершено насильственное преступление либо запугивание.

Статья 3521 титула 18

Свода Законов США

Сидя на скамейке, Маделин и Дэнни порядком замерзли, поэтому решили продолжить свою прогулку. Несмотря на холод, на набережной было довольнолюдно. Неподалеку компания пожилых людей, вооруженных сетями, пластмассовыми ведрами и удочками, со старческой непосредственностью радовалась неожиданно рыбному месту. Одну за одной они вылавливали рыбин, и, казалось, это занятие им не надоеет никогда. Говорили они по-польски, по-русски, по-испански... Эдакий языковой плавильный котел в лучшем смысле этого слова.

— Сначала, — рассказывал Дэнни, — я ответил Элис, что ее идея с Программой защиты свидетелей шита белыми нитками. Я не хотел ничего менять. Но она стояла на своем: «Я уверена, что ты вполне можешь использовать тех, кто мешает тебе жить». Эти ее слова и стали для меня отправной точкой. В Штатах тогда как раз намечались президентские выборы, и борьба с наркотиками была одной из тем предвыборных кампаний. Все кандидаты наперебой говорили о мексиканских картелях, чьи преступные разборки унесли десятки тысяч жизней. Американцы были крайне озабочены проблемой безопасности на границе государства. Избрание Обамы стало поворотным моментом: он взял на себя ответственность и признал свою страну причастной к наркотрафику, поскольку Америка считается главным потребителем наркотиков. Еще до инаугурации он повстречался с президентом Мексики и подтвердил свое твердое намерение вести бескомпромиссную войну с наркоторговцами. Эта встреча сыграла Обаме на руку: у Вашингтона не было ни малейшего желания соседствовать со страной, замешанной в торговле наркотиками.

— И какое отношение это имеет к тебе? — спросила Маделин. — Отмывание денег?

— Пятнадцать лет назад, когда я стажировался в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, я познакомился с Хезебель Кортес.

— Дочерью главаря картеля? О ней сейчас пишут в каждой газете из-за этого судебного разбирательства.

— Долгое время я поддерживал с ней связь. У нас обоих было тяжелое семейное прошлое. Между детьми преступников есть особое взаимопонимание, знаешь ли.

— Настолько особое, что вы оба даже приняли кровавую эстафету у ваших отцов...

— Непосредственно Хезебель никого не убивала. Она была мозгом организации. Умная, предусмотрительная. За годы работы в картеле Хезебель успела отмыть миллионы долларов от торговли наркотиками, вкладывая их во вполне легальные активы.

— Похоже, ты смотришь на вещи с несколько иной точки зрения...

— С течением времени наркоторговцам стало все сложнее отмывать деньги через банки и офшорные зоны. Хезебель была вынуждена использовать другие методы и общаться с новыми посредниками.

— И тогда она обратилась к тебе...

— Да. В течение пяти лет я вкладывал ее средства в недвижимость и отельный бизнес. Я знал, что американские налоговики следят за ней, но мы действовали очень осторожно. Когда Элис поведала мне план с Программой защиты свидетелей, я позвонил своему адвокату и попросил его связаться с Налоговым управлением США.

— Ты предложил им сделку?

— Я согласился сдать Хезебель Кортес в обмен на новую личность для меня и Элис, а также на нашу неприкосновенность. Таким образом они смогли бы задержать ее и изъять у нее все имущество: банковские счета, сотни квартир, гостиничные комплексы, обменные пункты и агентства по недвижимости.

— И они легко на это согласились?

— Нет, но Конгресс собирался голосовать за материальную помощь Мексике размером в один миллиард долларов, и ФБР срочно нужно было кого-то поймать, причем арест этот должен был быть знаковым, чтобы дело было у всех на слуху. Дело было возбуждено, и вскоре за него взялся сам генеральный прокурор, которому в конце концов удалось договориться с МИ-6.

— Секретной разведывательной службой Великобритании?

— Да. Именно они сфабриковали все необходимые улики и инсценировали похищение Элис. Было решено, что я присоединюсь к ней, когда все утрясется.

Маделин вдруг почувствовала себя совершенно разбитой. Все встало на свои места: сломанные камеры видеонаблюдения, отсутствие каких-либо доказательств, ложные свидетельские показания... Она могла бы копать еще хоть десять лет, но не продвинулась бы ни на йоту. В противном случае она кончила бы, как тот же Джим, «покончив с собой» у себя в кабинете.

Приступ бессильной ярости захлестнул ее с головой. Напрасно она пыталась унять свою злость:

— Почему ты так поступил со мной, Дэнни? Зачем заставил меня думать, что ищешь ее? Зачем прислал мне ее сердце?

— Когда Элис перебралась в Манхэттен, ее лекарства вдруг перестали действовать, а сердечная недостаточность начала прогрессировать. Я не на шутку переволновался: она была совсем одна, с каждым днем ей становилось все хуже, грипп и воспаление легких практически «прописались» у нее в организме. Помочь ей могла только пересадка сердца. Тогда я надавил на ФБР: мол, никакого свидетельствования в случае смерти моей дочери. Недолго думая, они вписали Элис в список приоритетных пациентов, и довольно скоро ее прооперировали в одном из нью-йоркских госпиталей. Для Элис это был непростой период...

— Но зачем тебе понадобилось посылать сердце? — не успокаивалась Маделин.

— Его послал не я, а те, кто нас защищали. Дело в том, что ты стала доставлять слишком много хлопот, Маделин, —

проговорил он медленно, своим низким, прокуренным голосом. — Ты из кожи вон лезла, чтобы найти Элис. В конце концов ты бы узнала про нашу с ней связь. В МИ-6 запаниковали. Это им пришла в голову идея с сердцем. Только таким образом можно было сделать так, чтобы это дело закрыли.

- А какую роль в вашем плане сыграл Бишоп?
- Бишоп подвернулся совершенно случайно. Спецслужбы знали, что рано или поздно кого-нибудь обвинят в убийстве Элис. Так и случилось, правда, гораздо раньше, чем мы предполагали. Ну а потом, спустя несколько месяцев после «исчезновения» Элис, я инсценировал свою смерть и улетел к ней в Нью-Йорк.
- Ты убил собственного брата!
- Нет, Джонни сам себя убил. Ты ведь его знала: он был словно зомби, пропитанный наркотой, душевнобольной да к тому же еще и убийца. Передо мной был выбор: Джонни или Элис, и я выбрал Элис. Для тех, кто привык действовать, для таких, как я, всегда существует цена, которую надо заплатить.
- О, только не начинай! Все эти твои речи я знаю наизусть! Ну а Джонатан? Как он наткнулся на вас?
- Через некоторое время мы с Элис решили съездить на Лазурный берег, чтобы отметить там рождественские каникулы. После операции Элис не смогла удержаться и пробила свое имя в поисковой базе данных. Ей хотелось узнать, как продвигается расследование ее «похищения». И тогда она нашла статьи о тебе, о твоей попытке самоубийства. Она хотела, чтобы ты все узнала, однако Блайт Блейк из Службы маршалов, ответственная за нашу безопасность, ответила ей решительным отказом. Разумеется, Элис решила сделать по-своему. По приезде во Францию она сбежала от нас и поехала в Париж, чтобы увидеться с тобой. Впрочем, уже в столице она одумалась, потому что поступок этот был действительно слишком рискованным: она могла бы всех нас подставить. И вот тогда-то она и повстречалась с Джонатаном Лемперером.
- Сердце Маделин болезненно сжалось. Выходит, Элис не только знала о ее существовании, но даже хотела связаться с ней.
- С того самого времени ФБР и таможенная полиция внесли ваши имена в черные списки. Ваше появление здесь, в США, послужило своего рода сигналом тревоги. Вчера вечером Блайт Блейк поступил звонок, что вы оба находитесь в Нью-Йорке. Это не могло быть простой случайностью. И я попросил спецслужбы разработать особую стратегию, чтобы привести тебя сюда.
- Чтобы заставить меня замолчать?
- Нет, Маделин, чтобы ты помогла мне.
- Помогла в чем?
- Найти Элис.

Прямо над гаражом, на втором этаже, нависало помещение с видом на набережную. Это был просторный, светлый лофт с большими окнами, прильнув к которым спецagent Блайт Блейк внимательно следила за Дэнни и Маделин. Маршал вкратце ответила на вопросы Джонатана и теперь полностью сконцентрировалась на своей основной задаче: наблюдать за свидетелем и защищать его. Джонатан молча рассматривал эту странную женщину, обладавшую аристократической красотой и изяществом. У нее были светлые волосы и выверенная ледяная утонченность, достойная женских персонажей Хичкока. Точеный силуэт отчетливо выделялся в свете окна: осиная талия, черные кожаные лосины и такая же куртка с отвернутым воротником. Крохотные заколки скрепляли ее волосы, собранные в замысловатый пучок.

Даже в ее шраме было что-то завораживающее. Он совершенно ее не портил, скорее даже наоборот — придавал ей тот непередаваемый шарм «роковой женщины», от которого многие мужчины сегодня просто без ума.

- Вам, должно быть, часто задают этот вопрос, но... — начал Джонатан.
- Не отводя глаз от Дэнни, она перебила его бесцветным спокойным голосом:
- Осколочная граната в Ираке. Еще три миллиметра — и я бы потеряла бы глаз.
- Когда это случилось?
- Восемь лет назад. Я была добровольцем. Если бы можно было сделать это снова, я сделала бы не задумываясь.
- Вы долго служили в армии?
- Я правительственный агент: это секретная информация.

Но Джонатан настоял, и она в итоге ответила:

- Я ушла из морской пехоты сразу же после ранения. Два года я пробыла на военной базе «Квантико»,^[50] затем работала под прикрытием в DEA^[51] и, наконец, перешла в Службу маршалов.
- И куда они вас посылали?
- Послушай, старик, вопросы здесь задаю я, о'кей?
- О, так вот, значит, как вы отвечаете на званом вечере, когда к вам подходит какой-нибудь заинтересованный мужчина? Она бросила раздраженно:
- Мы не на званом вечере, и, к вашему сведению, вы не в моем вкусе.
- А кто в вашем вкусе? Парни вроде Дойла?
- С чего вы взяли? Вы беспокоитесь за вашу подружку?
- Ну а вы? Вы тащитесь от убийц?
- Уж побольше, чем от отцов семейств, — парировала она с вызовом. — И уж если вы хотите знать, моя работа — охранять Дойла, а не спать с ним.

С наушником в ухе она отдала кое-какие распоряжения, чтобы два «сторожевых пса», охранявшие Дойла, не расслаблялись.

- Вы думаете, что мексиканцы могут прикончить Дэнни?
- Вероятно, хотя я уверена, что этого не произойдет.
- Почему?
- Потому что он, так или иначе, уже дал все показания.

Джонатан растерялся:

— Погодите, пять минут назад вы сказали, что слушание состоится только на следующей неделе!

Блайт пояснила:

— В данной ситуации закон позволяет записать показания еще до начала слушания, что Дэнни и сделал. Его обвинительная речь против Хезебель Кортес была снята на камеру в присутствии судьи и адвоката.

Джонатан постепенно начал понимать:

— Так, значит, даже если Дэнни сегодня убили бы...

— ...этой пленки было бы вполне достаточно, чтобы упечь наркоторговку за решетку, — подтвердила Блайт. — Картелю остается только надеяться, что Дэнни изменит свои показания в ходе официального судебного заседания.

— С чего бы это ему менять показания?

— А вот с чего.

Она взяла пульт, включила телевизор на стене и запустила видео.

34

The Girl In The Dark^[52]

Разум ищет, и только сердце находит.

Жорж Санд

Запись заняла меньше полминуты. На экране крупным планом появилось изможденное лицо девушки. Элис была в панике, совершенно без сил, под глазами залегли огромные черные круги. Она напряженно глядела в камеру. Тусклый свет, лившийся откуда-то сверху, наводил на мысль о том, что ее держат в погребе или подземелье. Ее речь была сбивчивой и то и дело прерывалась всхлипами. И все же ей удалось кое-как передать своему отцу сообщение с требованиями от ее похитителей:

Save me, Dad! Change your testimony, please! And we'll be together again. Right, Dad?^[53]

Затем камера отдалилась, и стало видно, что девушка прикована наручниками к канализационной трубе.

— Эту запись мы получили утром курьерской доставкой, — сказала Блайт Блейк, выключив телевизор.

Дэнни сжал кулаки. Снедаемый чувством вины и абсолютным бессилием как-либо помочь своей дочери, он мрачно заявил:

— Скоро будет двенадцать часов с тех пор, как Элис похитили. Если ее быстро не найти, она будет мертва, что бы я ни сделал. К тому же без лекарств ее почки могут дать о себе знать в любой момент.

Блайт уже сидела за столиком из кованого железа, на котором находились три ноутбука.

— Мы пытались вычислить местонахождение Элис по ее мобильному телефону, но безуспешно, — проговорила она, копируя видеозапись на жесткий диск.

Она несколько раз пересмотрела фильм, то акцентируя внимание на аудиодорожке, то делая десятки скриншотов,^[54] то увеличивая изображение, чтобы разглядеть мельчайшие детали.

Маделин крайне заинтересовалась техническими аспектами этой процедуры и подошла поближе.

Блайт принялась объяснять:

— Внизу экрана на записи имеются точные дата и время, когда был снят фильм. Увеличив громкость, можно различить скрытые звуки. Это может быть что угодно: шум метро, проезжей части... и это может дать нам необходимую зацепку.

— А сама камера?

— Похоже, изображение здесь хорошего качества, даже несмотря на полумрак. Это новая модель, — констатировала Блайт.

С этими словами она запустила специальную программу, чтобы определить марку и модель видеокамеры.

— Это «Кэнон» с флеш памятью. В продаже появилась менее года назад. Я запрошу список последних продаж в магазинах или в Интернете. Увы, это займет довольно много времени.

Затем она увеличила один из фрагментов видео и вывела его на полный экран.

— Вот, что меня интересует, — эта труба! — задумчиво произнесла она, указывая на кадр с канализационной трубой, к которой была прикована Элис. — Она старая и большая. На первый взгляд можно сказать, что ей не меньше века, но я свяжусь с экспертами, которые дадут мне более точную информацию. Если нам повезет, на основе всех полученных данных мы сможем установить ее местонахождение.

Затем она повернулась к одному из агентов и передала ему флешку с фильмом.

— Ты уже допросил курьера, Крис?

Человек в черном достал свой мобильный, подключил его к ноутбуку и вывел документ на экран.

— Он работает в «Байк мессенджер», агентство доставки неподалеку от Уолл-стрит, но сегодня он выполнял частные заказы. Он получил пакет с записью на пересечении Датч-стрит и Джон-стрит. Клиент сам приехал к нему: высокий тучный кавказец лет сорока... Он расплатился наличными и никак не представился нашему курьеру.

— У нас есть его фоторобот?

— Э-э... Теренс как раз этим сейчас занимается.

— Что ж, пусть поторопится! Я хочу разослать объявление о нем через десять минут. С этого момента у нас на счету каждая секунда!

Полчаса спустя

Скорее всего, забегаловка «Мэтчбокс»^[55] получила свое название из-за тесноты заведения. Одному богу известно, каким

образом владельцу паба удалось уместить в таком крошечном помещении двадцать столов, но в остальном здесь было вполне уютно, тем более что окна пивной выходили на живописный уютный садик.

Пересказав Маделин события последней встречи с Франческой, Джонатан принялся за свой сэндвич с семгой.

— И что ты об этом думаешь?

Он рассказал ей все без утайки, поведал в мельчайших подробностях о том, как его бывшая жена убила Ллойда Уорнера, избавилась от тела, а затем выкрутилась, заручившись поддержкой Жоржа и придумав себе алиби. Этот поступок спас ее от обвинения, но стоил ей брака.

— Думаю, что со смертью этого типа на земле стало одним придурком меньше, — пожала плечами Маделин. Шуточка в духе Дэнни Дойла... — Я думаю, что твоя жена обладает недюжинным спокойствием и проницательным умом, — закончила она, проглотила последний кусочек сэндвича с козым сыром и отпила немного вина. — И мне кажется, тебе стоит к ней вернуться.

Джонатан словно свалился с небес на землю. В одно мгновение Маделин разбила всю их историю на тысячу мелких осколков.

— А... как же мы?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Давай оценивать вещи трезво: наши отношения слишком хрупки. Какое у нас будущее? Мы живем в десяти тысячах километров друг от друга, и мы оба несчастны. В какой-то момент ты начнешь сожалеть, что остался со мной, а не вернулся к жене и сыну.

Джонатан постарался сохранить самообладание.

— Ты не можешь знать наверняка! Не станем же мы расставаться только из-за каких-то идиотских домыслов...

— Тебе здесь больше нечего делать. Элис Диксон ничего для тебя не значит. Это не твоя битва.

— Она такая же часть моей жизни, как и твоей!

Последние слова он произнес уже на повышенных тонах. В ресторанчике было так тесно, что все посетители разом обернулись на звук его голоса и уставились на них. Джонатан почти ненавидел это место, с его тесно прилепленными друг к другу столами, начисто лишавшими возможности поговорить с собеседником с глазу на глаз.

— Послушай, Джонатан, эта история кроваво началась, кроваво она и закончится. В ней нет места героизму, и ты совершенно не готов к насилию. Я полицейский, Блайт работает на ФБР, Дэнни — убийца, но ты...

— Я просто повар, так?

— У тебя есть семья...

— Я думал, ты сможешь стать ее частью, — бросил он, поднимаясь из-за стола, затем положил на стол пару купюр и вышел из паба.

Впервые за всю свою жизнь Маделин почувствовала, что действительно влюблена. И все же она не пыталась его удержать, лишь прошептала:

— Будь осторожен.

Но он уже ушел.

Члены мексиканского картеля, заказавшего похищение Элис, явно были готовы на все. Однако из-за своей гордыни Джонатан так и не понял, что Маделин отказалась вовлекать его в эту темную реку исключительно потому, что любила его и заботилась о нем.

Станция метро «Бедфорд-авеню» находилась всего в каких-то паре домов отсюда.

Джонатан сел на поезд и вернулся в Гринвич.

Дома у Клер он минут двадцать неподвижно стоял под душем, опустошенный сменой часовых поясов, нехваткой сна и обуревавшими его противоречивыми чувствами.

Три часа дня. Он позвонил в Сан-Франциско и долго разговаривал со своим сыном. Чарли никак не мог понять, почему в канун Рождества папа находился так далеко. Но, к счастью, рядом с мальчиком был Маркус. Он, как мог, старался играть роль отца. Роль, которую Джонатан сыграть был не в состоянии.

Разговор с сыном усилил и без того жуткую печаль Джонатана. Чтобы хоть как-то скрасить свое одиночество, он надел куртку и спустился в ближайшее кафе, расположенное на Макдугал-стрит. Он надеялся, что добрая доза кофеина подбросит ему какую-нибудь свежую идею. На мгновение образы воссоединившейся семьи промелькнули в его голове наподобие слайд-шоу. Воспоминания о Чарли и Франческе, когда они еще были вместе, подействовали на него ободряюще. Признание бывшей жены избавило Джонатана от страданий, терзавших его на протяжении двух лет, страданий, из-за которых он потерял не только друзей, но и самого себя.

Теперь же у него появилась возможность вернуть прежнюю жизнь. Не это ли и было тем, о чем он всегда мечтал? Через два часа он уже мог улететь в Калифорнию, взять Чарли и вместе поехать к Франческе праздновать Рождество.

Это была заманчивая перспектива. Он вспомнил фразу, которую как-то произнес один из его коллег: «Дерево без корней — это просто большое полено». Джонатану необходима была почва под ногами. Маделин права: их история не имеет под собой никакого фундамента. И все же...

И все же он не мог просто так внять голосу разума. Эта женщина вошла в его жизнь и отравила ее ядом непереносимой утраты.

Совершенно машинально Джонатан достал из кармана ручку и, повинувшись какому-то внезапному порыву, начал писать прямо на бумажной скатерти. Спустя три минуты он осознал, что только что записал новый рецепт и вдохновил его на это не кто иной, как Маделин: пирожное с фиалково-розовым кремом на тончайшем слоеном тесте с цедрой из сладких тунисских апельсинов. Джонатан был, мягко говоря, удивлен. В течение двух лет он все никак не мог включить свое воображение и не придумал ни одного блюда. Но сегодня плотина рухнула, и любовь снова принесла ему долгожданное вдохновение.

А с вдохновением к нему вдруг вернулись спокойствие, вера в собственные силы и светлое будущее. Почему бы ему не открыть в Нью-Йорке свой ресторан, а при нем — небольшую поварскую школу? Наконец-то хоть одна осмысленная идея.

Он совершил достаточно ошибок и наступать на одни и те же грабли не собирался. Хватит с него ярмарок тщеславия, погони за славой и медийных софитов. Воображение рисовало ему картину стильного заведения с оригинальными запоминающимися блюдами, но без лишней помпы. К черту хрустальные бокалы и фарфоровую посуду, изготовленную на заказ лучшими дизайнерами. Никогда больше он не станет лепить свое имя на пачки с полуфабрикатами в супермаркетах. Отныне он будет работать как вольный художник, преследуя лишь одну цель: радоваться и радовать окружающих.

Когда он вышел из кафе, в сердце его брезжил лучик надежды. Впрочем, он знал, что будущее его полностью зависит от того, будет ли Элис Диксон жива. Где бы он был сейчас, не повстречайся с ней случайно на дороге? Известно где: под землей, в гробу, в глубокой яме. Он был обязан ей жизнью: это был его самый большой долг. Долг крови, который он решил вернуть.

Шесть часов вечера. Образ несчастной Элис все не выходил у него из головы. Все было словно в тумане. Он пытался припомнить ее последние слова, но тщетно. Джонатан дошел до 20-й улицы. Смеркалось. Несмотря на страшный мороз, он продолжал слоняться по улицам, размышляя о невероятной судьбе этой юной девушки. О жизни, которую она воспринимала как бесконечную борьбу. О негиблом характере, который позволил ей избавиться от цепей своего существования и начать новую жизнь с чистого листа. С самого малого возраста все проблемы она решала сама. Рядом с ней не было ни семьи, ни друзей. И всякий раз она выбирала для себя самый трудный путь, заключавшийся в том, чтобы не быть посредственностью и не просить помощи у неудачников и тупиц. Такое под силу даже не всякому взрослому — что уж говорить о тринадцатилетнем подростке...

Вскоре он добрался до восточной части района Челси. Было уже совсем темно. В свете фонарей плясали одинокие серебристые снежинки. Не в силах больше противиться страшному холоду, Джонатан толкнул дверь в знаменитый коктейльный бар «Лайф энд Дес»^[56] и вошел внутрь. Легкая ненавязчивая музыка доносилась из каждого угла помещения. Джонатан не очень любил подобные заведения, но атмосфера и посетители заставили его почувствовать себя куда менее одиноким. Что же до музыки, то она создавала вокруг него некий пузырь, который, как ни странно, располагал к сложным мыслительным процессам. Элис... Он должен был сосредоточиться на Элис...

Интуиция подсказывала ему, что расследование Блайт Блейк и Маделин зашло в тупик. Он же, со своей стороны, не располагал никакими специальными средствами. У него были лишь мозги. Алкоголь обжег ему желудок, но обострил чувства. Он заказал себе еще стаканчик, чтобы поддержать в тонусе эмоциональное восприятие. Будучи личностью творческой, он всегда придерживался этой точки зрения: мозги должны работать в тандеме с внутренними ощущениями. Мало-помалу преграды в его памяти рассеялись, и содержание видеопленки всплыло на поверхность: лихорадочно блестящие глаза девочки-подростка, полубезумный вид, грязный подвал, наручники на запястьях, прерывистый голос и те самые слова:

Save me, Dad! Change your testimony, please! And we'll be together again. Right, Dad?

Он попытался освободить свое сознание и полностью слиться с личностью Элис. Ужас, отображенный на ее лице, не был притворным, но в глазах ее застыла немая напряженность, словно она ждала чего-то... Несмотря на страх, девушка не утратила живости ума. Как если бы она не просто искала сочувствия, но... пыталась передать послание...

Нет, это было просто невозможно. Ей должны были дать текст или по меньшей мере четкие инструкции, что и как говорить. Как можно что-либо симпровизировать, имея в распоряжении лишь пару фраз?

И все же Джонатан взял картонную подставку для коктейля и написал на ней четыре предложения:

Save me, Dad!
Change your testimony, please!
And we'll be together again.
Right, Dad?

Так, и что теперь? По словам Дэнни, девочка полностью осознавала тот риск, на который шла. Она знала, что ее похититель, вероятно, работал по заказу мексиканского картеля. Так что речь идет не о личности злодея, а скорее о месте, где ее держат, либо о том, как с ней связаться. Если только...

Это было что-то похожее на ослепительную вспышку. Джонатан схватил ручку и обвел первые буквы в каждом предложении:

Save me, Dad!
Change your testimony, please!
And we'll be together again.
Right, Dad?

Выписанные одна за другой, заглавные буквы складывались в слово SCAR.
По-английски это значит — «шрам»...

35

На Последнем Издыхании

Существует момент, когда у смерти есть все карты и она разом кроет четырех тузов на столе.

Кристиан Бобен

В лофте над гаражом царило обманчивое спокойствие. Сидя перед ноутбуком, Блайт и Маделин анализировали полученные данные. Чуть поодаль перед окном застыл Дэнни и нервно курил сигарету за сигаретой. Два спецагента стояли на страже: один занял место возле двери, второй — под непрекращающимся снегопадом патрулировал местность вокруг гаража.

Едва заметный металлический писк возвестил Маделин о полученной эсэмэске.

Она бросила беглый взгляд на экран мобильного:

Я знаю, кто похитил Элис!
Приходи в «Лайф энд Дес» на углу 10-й и 20-й улиц.
Приходи ОДНА. И НИКОМУ ОБ ЭТОМ НЕ РАССКАЗЫВАЙ.

Джонатан

Поначалу она не поверила и решила, что это какая-то уловка Джонатана, предлог, чтобы с ней встретиться.

Но он никогда бы так не поступил...

Может, он действительно что-то разузнал? Почему же тогда просто не позвонил? Почему пригласил ее в какой-то бар?

— Одолжишь мне машину, Дэнни?

— Ты уходишь?

— Мне нужно по делу, — заявила она, натягивая кожаную куртку.

Она подхватила рюкзак с ноутбуком Джонатана внутри и спустилась с Дэнни по металлической лестнице. Под пристальным взглядом охранника они пересекли ангар и подошли к скопищу коллекционных автомобилей.

— Вот она, — Дэнни указал ей на красный «Понтиак» 1964 года выпуска.

— А есть у тебя что-то менее заметное? — Она огляделась, прищурившись, в поисках модели поскромнее. — Может, эту? — предложила она, кивнув в сторону кабриолета «Пежо 403». — Похоже на автомобиль инспектора Коломбо!

— Садись в «Понтиак»! — настаивал Дэнни.

Маделин поняла, что лучше ей не спорить, и села за руль американской красавицы. Дэнни наклонился к окну.

— Документы вот здесь, — сказал он, отгибая козырек. Затем ткнул пальцем в бардачок: — Если возникнут какие-то проблемы...

Маделин приоткрыла бардачок и нашла в нем крупнокалиберный револьвер «кольт анаконда». Тогда она поняла, почему Дэнни так настойчиво предлагал ей свою собственную машину.

— Ты едешь искать своего дружка? — спросил он с недобрый видом.

Она подняла стекло и ответила негромко:

— До скорого.

Ночь вкупе со снегом отнюдь не способствовали безопасному вождению. Маделин не стала включать GPS-навигатор в своем телефоне и решила действовать по старинке. Она заломила крутой вираж и проехала по мосту через Ист-Ривер. Вскоре она была на Манхэттене.

До сих пор адреналин и возбуждение от расследования держали ее в неплохом тонусе, но вдруг она почувствовала, как на нее навалилась жуткая усталость, сковывая все ее члены и затуманивая разум. За последние три дня она спала всего каких-то несколько часов, да и то качество сна оставляло желать лучшего. В глазах у нее поплыли круги, и ей на мгновение сделалось дурно.

«Да, мне уже не двадцать лет!» — пожаловалась она самой себе, включая в машине отопление.

Съехав с моста, Маделин тут же узнала Бауэри-стрит, по которой проезжали тем же утром, когда гнались за Блайт. Она проследовала вплоть до Хьюстон-стрит, где город снова разбивался на ровные, правильные квадраты. Теперь искать дорогу стало намного проще. Она еще раз перечитала адрес заведения, который прислал ей Джонатан. В столь поздний час движение на дорогах было достаточно свободным. Возле «Лайф энд Дес» она вздохнула с облегчением, увидев, что на 20-й улице есть много свободных мест: парковать огромный «Понтиак» не самое приятное занятие.

В баре она подошла к Джонатану, сидящему перед пустым стаканом.

— Ты пришла одна? — обеспокоенно спросил он.

— Как ты меня и просил.

— Есть какие-то новости от Элис?

— Скорее нет, чем да.

Она села за его столик и сняла шарф.

— И что все это значит? С чего это ты решил, что знаешь, кто ее похитил?

— Смотри сама, — ответил он, протягивая ей картонный подстаканник.

Она смотрела на него секунд десять.

— Ну и что?

— SCAR! — воскликнул он. — «Шрам» по-английски.

— Да, спасибо, это мой родной язык, знаешь ли.

— Блайт! Это она похитила Элис! Во всяком случае, именно это Элис и пыталась нам сказать! Блайт состоит в сговоре с мексиканцами!

Девушка окинула его скептическим взглядом, мгновенно сбив с Джонатана всю спесь и возбуждение.

— Ты что, начитался «Кода да Винчи»? — усмехнулась она.

— По-твоему, это простое совпадение?

— Четыре буквы еще ни о чем не говорят...

Но Джонатан не мог сдаться просто так:

— Просто подумай полминутки.

— Думаю, это мне по силам.

— Так вот, поставь себя на место мексиканцев. Кого бы ты в первую очередь завербовала в данной ситуации?

— Ну и кого же?

— Маршала, отвечающего за безопасность Дэнни, конечно же!

Казалось, Маделин по-прежнему смотрела на него недоверчиво, но он продолжил:

— В США у мексиканцев везде есть свои шпионы, слышишь? Во всех правоохранительных органах у них имеются доносчики: пограничники, таможенники, работники иммиграционных служб... С каждым годом они подкупают все больше и больше американских чиновников. И кризис тут ничего не изменил.

— Блайт Блейк — настоящая патриотка, — возразила Маделин.

— Наоборот, у нее просто идеальный мотив! Долгое время она работала под прикрытием с наркоторговцами. Но наступает момент, и ты оступаешься. Когда тебе предложат миллионы долларов, разве ты вспомнишь о патриотизме?

«У каждого человека есть своя цена», — вспомнила Маделин слова Дэнни. Сомнения наконец закопошились у нее в голове. Она еще раз бросила взгляд на заглавные буквы, образовывавшие слово «SCAR». Действительно ли Элис хватило духа и смекалки, чтобы передать подобное сообщение?

— Мы должны предупредить Дэнни! — выпалил Джонатан. — Ему угрожает опасность!

Маделин достала мобильный телефон, в котором хранился номер Дэнни. Некоторое время она колебалась, но все же решила отправить ему сообщение:

Не доверяй Блайт.

Возможно, она работает на нариков.

Свяжись с ФБР. Будь осторожен.

Ты в опасности.

Маделин

— Так, теперь нам нужно обратиться в полицию и надеяться, что твои предположения окажутся правдой.

Но когда они вышли из бара на пронизывающий отвратительный холод, на другой стороне улицы их уже поджидала черная «Феррари»...

— Это она!

Джонатан и Маделин машинально попятись. Очевидно, Блайт заподозрила в отъезде Маделин что-то неладное и решила проследить за ней.

— Пойду посмотрю, — сказал наконец Джонатан, пересекая улицу.

— Нет, ты с ума сошел!

«Вот дерьмо!» — подумала Маделин.

Вспомнив о бардачке с оружием, она бросилась к «Понтиаку».

Было очень темно. Джонатан подошел к «Слайдеру» и заглянул в окно. Пусто. Фары не горят. Мотор не работает.

Где же Блайт?

Он скорее почувствовал, чем заметил движение позади себя. Кабриолет был припаркован у въезда на многоуровневый паркинг. Для максимального увеличения количества мест на парковке установили специальный гидравлический подъемник, его огромный металлический каркас поскрипывал на сильном ветру. Местечко было мрачноватым, и Джонатан почувствовал, как у него мороз подирает по коже.

— Есть тут кто-нибудь? — спросил он и, забыв обо всякой осторожности, вошел внутрь.

«Вот идиот!» — подумала Маделин. Она побежала за ним, хотела удержать Джонатана, но...

Было уже поздно.

Раздался выстрел, и пуля срикошетила от металлического столба, пройдя в каком-то миллиметре от головы Джонатана.

Он упал на землю, прячась от новых выстрелов, а Блайт продолжала обстреливать его из своего укрытия.

Джонатан резко вскочил и побежал к внешней лестнице, находившейся у входа в паркинг. Похоже, маршал бросилась за ним: он услышал за спиной ее шаги. Очевидно, она пыталась прицелиться в него, но винтовая лестница пока спасала ему жизнь.

Наверху Джонатан натолкнулся на ограждение из стальной сетки высотой в пару метров.

Выбора нет: нужно карабкаться вверх.

Последний раз он занимался спортом несколько месяцев назад, но безрадостная перспектива быть наспигованным пулями подействовала лучше любого допинга. Цепляясь голыми руками за сочленения сетки, он перебрался через ограждение и оказался на...

...старых путях надземной железной дороги, проходящих над Митпэкинг-дистрикт, бывшим районом боен и мясных лавок. Когда-то по этим рельсам развозили на склады различные товары, однако вот уже тридцать лет линией никто не пользовался. Теперь же она вконец заросла и превратилась в место для прогулок. Летом это был прелестный зеленый уголок, с которого открывался потрясающий вид на реку. Но ночью зимой бетонные плиты выглядели враждебно и мрачно...

19-я улица, 18-я улица...

Джонатан бежал так, словно за ним гнались все силы ада. Поначалу железная дорога шла по прямой, и у него не было особого выбора. Метрах в пятнадцати позади него Блайт выстрелила еще два раза. Первая пуля оцарапала ему кожу, вторая разбила кусок плексигласа, установленного специально, чтобы люди случайно не свалились в Гудзон. К счастью для Джонатана, фонари здесь были выключены, чтобы не привлекать бродяг...

Заслышав звуки выстрелов, Маделин вздрогнула. Сидя за рулем «Понтиака», она глядела вверх, всматриваясь в малейшее движение на железной дороге. Маделин старалась предугадать дальнейшее передвижение Джонатана, а потому медленно ехала по шоссе, проходящем прямо под Хай-лайн. За оградой из оргстекла она едва различала силуэт Джонатана. Порой он скрывался из виду, но когда появлялся вновь, у нее из груди вырывался вздох облегчения.

Джонатан сильно опередил свою преследовательницу. Снежный вихрь налипал на пути, делая их опасно скользкими. Теперь железная дорога изгибалась влево, пересекая по диагонали 10-ю авеню. Она проходила над крышами домов, петляя меж кирпичными стенами и гигантскими рекламными щитами.

Для того чтобы место выглядело подлинно, власти решили сохранить кое-где целые участки железнодорожного полотна. Джонатан неслия прямо вдоль двух металлических рельсов, расположенных ровно посередине бетонных плит. Окрыленный и совершенно уверенный в собственных силах, он подскочил, чтобы перепрыгнуть бетонную кадку для цветов, но неудачно приземлился, и у него подвернулась нога, угодив между деревянными шпалами.

Гадство!

Теперь он бежал куда медленнее. Блайт догоняла его, но неподалеку от Челси-маркет старая линия уходила в глубокий туннель, так что Джонатан мог немного передохнуть.

14-я авеню, Вашингтон-стрит...

Маделин скользила между зданиями, стараясь не упустить из виду надземную железную дорогу. Пару раз ей хотелось остановиться возле лестниц, ведущих наверх, однако ночью все проходы были закрыты.

Наконец она решила проехать до конечной точки и припарковала машину на Гансевурт-Плаза. Она надеялась, что Джонатан не станет спускаться без нее.

Задыхаясь, он выбежал из туннеля. Блайт отставала всего на каких-то десять метров. Страшная резь в боку сводила его с ума. Весь в поту, он продолжал бежать, с каждым шагом все медленнее, задыхаясь и кашляя. Петляя между зарослями сорняка, он выбежал к большой террасе, на которой стояли большие деревянные шезлонги — неплохое место для любителей позагорать, любуясь вдаль очертаниями Нью-Джерси. Чтобы хоть как-то притормозить своего противника, Джонатан стал лихорадочно опрокидывать все, что попадалось ему под руку: шезлонги, столики, цветочные кадки...

Новый выстрел превратил глиняную вазу в кучу мелких черепков.

Совсем близко.

На последнем издыхании он перебежал террасу и, собрав все свои силы, бросился в кусты, густо покрывавшие этот участок железной дороги. Высокие деревья и кустарники не позволяли Блайт стрелять наверняка.

Дальше железнодорожное полотно резко обрывалось.

Джонатан начал поспешно спускаться по лестнице, ведущей на Гансевурт-стрит. Блайт уже почти дышала ему в затылок. Теперь нужно перебраться через последний забор и...

Слишком поздно. Блайт прыгнула почти одновременно с ним. Джонатан мог лишь бежать зигзагами, однако на пустой улице он был крайне уязвим.

Блайт тщательно прицелилась. С такого расстояния она не могла промахнуться.

— Стоять! Бросьте оружие, или я буду стрелять! — заорала Маделин.

Блайт Блейк обернулась с почти кошачьей грацией. Маделин наставила на нее «кольт» Дэнни.

Не колеблясь ни секунды, маршал подскочила к Джонатану и приставила свое оружие к его виску.

— Дернешься, и я его пришью! — закричала американка. — Назад!

Обе женщины застыли друг напротив друга. Густой снег, увлекаемый порывами ветра, смазывал их силуэты, неясно вырисовывавшиеся на фоне свинцового неба.

Блайт стала отступать к реке, крепко вжимая пистолет в шею Джонатана. Маделин шагнула вперед. Снег мешал ей как следует разглядеть маршала.

— Если вы его убьете, вам крышка! — прокричала она. — Ваши приятели из ФБР будут здесь через две минуты.

— В последний раз говорю — назад, или я стреляю! Плевать я хотела на агентов ФБР, у меня есть куча способов, как от них

улизнуть.

А был ли у Маделин выбор? Опустит она оружие, Блайт едва ли оставила бы их в живых. Маделин моргнула пару раз, прогоняя туман в глазах, — усталость и стресс проявили себя в самый неподходящий момент.

Она почувствовала, как у нее дрожат руки. Револьвер, казалось, весил целую тонну. Это было типично мужское оружие, предназначенное для охоты или спортивной стрельбы. Вооруженная «кольтом», Маделин могла с таким же успехом попасть в голову Блайт, как и в самого Джонатана... Достаточно даже незначительного отклонения в миллиметр, и вот уже пуля летит не туда, куда нужно. И в этой игре второй попытки у нее уже не будет.

Сейчас.

Маделин выстрелила один только раз. Предвидя мощную отдачу, она вложила в выстрел все свои силы, вцепившись в револьвер и препятствуя его обратному толчку. Пуля, угодившая Блайт Блейк прямо в череп, резко отбросила ее назад. Она попыталась было уцепиться за Джонатана, но уже в следующую секунду ее безжизненное тело перевалилось через металлическое ограждение и скрылось в водах Гудзона.

Ветер дул все сильнее, и сквозь него доносились нарастающие звуки полицейской сирены.

Застыв в вихре ледяных снежинок с массивным «кольтом» в руках, Маделин тряслась от жуткого холода. Она только что убила последнего человека, который знал, где находится Элис. Она только что убила саму Элис. Слезы застилали ей глаза. Джонатан лежал без движения, и на рубашке его виднелись брызги крови. Вдруг он зашевелился. Маделин же покачнулась и, боясь вот-вот потерять сознание, подошла к нему и помогла добраться до «Понтиака».

Машина завелась с глухим ворчанием. Джонатан смотрел в зеркало заднего вида: в темном небе отражались красные и синие отсветы полицейских огней.

36

Finding Alice^[57]

Единственная вещь, способная заместить зависимость от прошлого, — это зависимость от будущего.

Джон Дос Пасос

Нижний Ист-Сайд
Здание возле Томтсинс-Сквер-парк
1.00

Маделин уснула прямо в ванне. Джонатан заглянул туда и разбудил ее нежным поцелуем. Она посмотрела на него невидящим взглядом и вяло пошевелилась. Бледная и обессиленная, она послушно позволила завернуть себя в махровый халат: сама она вряд ли бы справилась.

Возвращаться к Клер было очень опасно, да и в отеле они были бы у всех на виду. Тогда они нашли крохотную комнатку, которую сдавала некая Анита Крук, владелица гастрономической лавочки в Алфавит-Сити, полька по происхождению. Когда-то давно Джонатан принял ее дочь на работу в «Император», и Анита никогда этого не забывала. Для пущей безопасности Джонатан и Маделин оставили свои мобильные телефоны в салоне «Понтиака». Единственное, что они взяли с собой, были ноутбук и револьвер Дэнни.

В дверь постучали. Пока Маделин устраивалась на кровати, Джонатан прошел к выходу и впустил Аниту. Пожилая дама принесла им на подносе две дымящиеся тарелки супа — овощного супа на мучной закуске.

Джонатан поблагодарил радушную хозяйку и передал одну из тарелок Маделин:

— Попробуй, вкус... специфический.

Она зачерпнула ложку, попробовала и сплюнула обратно.

— Да, знаю, он немного кислый, но ведь в этом вся соль, не так ли? — спросил Джонатан.

Ничего не ответив, Маделин выключила свет и мгновенно уснула.

Прежде чем лечь спать, Джонатан подошел к окну и выглянул на улицу. Снег продолжал валить густыми хлопьями, покрывая дороги и тротуары. Где же Элис? Жива ли она? Удалось ли ей выбраться из того ада, куда она угодила?

Нужно было смотреть на вещи трезво: начало поисков было крайне плохое. Смерть Блайт поставила жирный крест на счастливом развитии событий, без нее им едва ли удастся найти девочку.

Слова Маделин вдруг зазвучали у него в голове предостерегающим эхом: «Эта история кроваво началась, кроваво она и закончится».

Он еще не знал, насколько она была права.

Склады Кони-Айленда
2.00

В тишине промозглой комнаты ничего не было слышно, кроме хриплого, тяжелого дыхания.

Элис проснулась от страшного холода. Холода и боли: почки раздирало острейшим приступом при малейшем движении. Она

лежала на боку, со скрученными руками, и практически не чувствовала своего тела. Кровь стучала в висках в унисон с сердцем, отдаваясь в затылке мучительным шумом.

Она закашлялась, чтобы очистить легкие, попыталась было сглотнуть, но вдруг поняла, что ее язык сделался жестким, как подметка.

Она не знала, сколько времени уже провела здесь. Несколько часов? День? Или, может, два? Ей все время хотелось облегчиться, однако мышцы мочевого пузыря казались парализованными.

Она задыхалась. Мысли путались, все было как в тумане, жар и галлюцинации не отпускали ее ни на секунду. Элис чудилось, что ее внутренности пожирает гигантская крыса, а длинный хвост в мелких бледных чешуйках туго сдавливает ей шею.

8.00

— Вставай!

Джонатан приоткрыл один глаз и с трудом приподнялся на кровати.

— Вставай! — повторила Маделин. — Нужно идти.

Через окно в комнату проникал молочно-белый свет. День только начинался.

Джонатан подавил зевок и кое-как выкарабкался из-под одеяла. Маделин была уже одета. После передышки в виде недолгого сна она была как никогда полна решимости.

Он хотел было пойти в ванную, но Маделин швырнула ему его вещи:

— Душ примешь как-нибудь в другой раз! У нас нет времени.

Они оставили хозяйке квартиры некоторую сумму и вышли на улицу. Толстый слой снега, сантиметров в двадцать, укрыл город словно покрывалом. Снежинки продолжали неторопливо кружиться в морозном воздухе. На тротуарах люди расчищали подъезды к домам, муниципальные работники посыпали дороги солью, а на Бауэри две огромные снегоочистительные машины разгребали снег, забрасывая белым крошевом плохо припаркованные автомобили и велосипеды.

Они забрались в «Понтиак» и поехали в сторону ресторанчика «Пилз» — их новой штаб-квартиры.

В столь ранний час (а возможно, из-за снега) кафе было практически пустым. Они сели за прежний столик и заказали кофе, йогурты и мюсли.

Поскольку в «Пилз» не было телевизора, Маделин достала из рюкзака ноутбук и подключилась к беспроводной сети.

— Есть тут какой-нибудь нормальный новостной канал?

— Попробуй «NY1 Ньюс».

Маделин зашла на сайт. На главной странице висело полуминутное видео, представляющее последние значимые события. Три четверти его были, разумеется, посвящены неслыханным до сего дня осадкам, принесшим Нью-Йорку немало проблем, однако в последней новости говорилось о «таинственной смерти маршала США Блайт Блейк, убитой выстрелом в голову»: «Ее тело было найдено в Гудзоне. В последнее время бывшая военная охраняла главного свидетеля по делу дочери наркобарона Хезебель Кортес, чье слушание было назначено на понедельник. Теперь этот свидетель находится под защитой ФБР».

Маделин вздохнула с облегчением: хоть им и не удалось узнать, смогла ли полиция установить виновность Блайт, но уж хотя бы Дэнни был в безопасности. Однако ее хорошее настроение быстро испарилось: нужно срочно найти девочку, а на руках у них ни единой зацепки.

— У Блайт наверняка были сообщники, — заметила она.

Джонатан налил кофе — сначала ей, а затем себе.

— Нужно заново пересмотреть все, что мы имеем. Очевидно же, что после похищения Элис Блайт понадобилось время, чтобы устранить улики и пустить расследование по ложному следу.

— О чем конкретно ты говоришь?

— Надо попробовать установить, где находится мобильный телефон Элис.

— У нас нет специального оборудования. Этим занимаются копы.

Джонатан покачал головой:

— В наше время не только они. В связи с участвовавшими кражами мобильных телефонов многие операторы сотовой связи советуют покупателям подключить к мобильному функцию дистанционного определения местонахождения его владельца. Если у Элис был новый смартфон, очевидно, нечто подобное в ее мобильнике имеется.

Маделин была настроена скептически.

— Мы даже ее номера не знаем...

— Функция связана не с номером телефона, а с адресом электронной почты.

Джонатан развернул к себе ноутбук и вышел на сайт «Найти мой смартфон», принадлежавший одной известной компании. Он оказался прав: для того чтобы отыскать пропавший мобильник, нужно было ввести адрес электронной почты, однако требовался еще и пароль.

— У нас нет ни того, ни другого, — проворчала Маделин, глядя, как Джонатан стучит пальцами по клавиатуре.

Он не смог сдержать своего возмущения:

— Могу я спросить: почему всякий раз, как мне в голову приходит идея, ты ее тут же заворачиваешь?!

— Потому что мы потеряем кучу времени, но так ничего и не добьемся!

— Напомню, что это *благодаря мне* мы смогли раскусить Блайт!

— Да, но это *из-за тебя* мне пришлось ее убить! — возразила она.

Ну вот, пожалуйста. Чувство вины снова вернулось к Маделин. Джонатан попытался ее успокоить:

— Как ты там говорила? «На земле стало одним придурком меньше...» Послушай, как бы то ни было, Блайт никогда не сказала бы нам, где она прячет Элис.

— Ну, раз это действительно помогает облегчить твою совесть...

— Моя совесть станет чище, если ты поможешь мне разыскать Элис!
Она ткнула в него пальцем, собираясь разразиться новой тирадой, как вдруг поняла, что по сути Джонатан прав!
— Вот черт! Мы ссоримся так, будто сто лет уже женаты! — пробормотала она и наклонилась к экрану ноутбука.
«Введите имя пользователя».

— Ну что, Шерлок, есть идеи?

— Можно попробовать ввести адрес почты на хотмейле или на джимейле, — предложил Джонатан. — Хотя... почему бы не попробовать почту ее художественной школы?

Маделин эта идея показалась заманчивой. Она открыла новое окно и зашла на сайт Джулиард-скул. Очевидно, почта, как студентов, так и преподавателей, имела один и тот же вид: имя.фамилия@juilliard.edu. Тогда Маделин вернулась на сайт со смартфонами и аккуратно ввела: alise.kowalski@juilliard.edu.

«Теперь введите пароль».

— Тут я пас, — признался Джонатан.

— погоди, а что, если она сохранила прежний пароль?

— Тот, что она использовала, когда ей было четырнадцать?

— Ну, люди часто так делают, разве нет? Во всяком случае, сколько себя помню, пароль у меня не менялся.

— И какой у тебя пароль?

— *Mind your business.*^[58]

— Ну же, скажи!

— И не проси!

— Пожалуйста!

— Violette1978, — сдалась она. — Ну вот, теперь мне придется его сменить...

— 1978 — это твой год рождения?

— Да. А что? Ты бы мне дал больше или меньше?

Он ответил ей теплой улыбкой. Наконец-то они снова ладили.

— А что за пароль был у Элис?

— «Хитклифф». Так звали главного героя из «Грозового перевала».

Джонатан набрал пароль.

— Что ж, скрестим пальцы, — сказал он и нажал на кнопку «Подтвердить».

В течение нескольких томительно долгих секунд ничего не происходило. Маделин и Джонатан напряженно переглянулись. Это не могло быть настолько просто. С самого начала удача ускользала от них. Они всегда были в минусе. С каждым разом им приходилось сталкиваться с очередными сложнейшими препятствиями, которые зачастую оборачивались весьма скверно. Это просто не мог быть тот пароль.

И все же это был он...

На экране вдруг появилась карта Манхэттена с мигающей синей точкой. Невероятно: телефон Элис не только находился в Нью-Йорке, но он был здесь, буквально в трех километрах отсюда!

Джонатан и Маделин подскочили с безудержным радостным воплем, отчего редкие посетители принялись удивленно оглядываться. Каких-то две минуты — и вот оно, надежда вернулась!

Джонатан снова подсел к ноутбуку и уточнил месторасположение мобильного телефона: большое здание на углу 5-й авеню и 23-й улицы.

— Ты знаешь, что это за место? — выпалила Маделин, вне себя от возбуждения.

— Итальянский рынок напротив Флетайрона.^[59]

Они перебросили данные с ноутбука на свои телефоны и вышли на Бауэри. Снег валил так, что им даже пришлось отказаться от машины.

— Пойдем пешком? — предложила она.

— Нет уж, по такой погоде мы будем идти полчаса! Все же лучше попробовать поймать такси.

Однако из-за снегопада большинство знаменитых желтых автомобилей остались на стоянках, так что Джонатану и Маделин пришлось минут пять провести в неравной борьбе с холодом, прежде чем им удалось поймать машину на Бродвее.

Разместившись в салоне, они еще раз проверили месторасположение телефона Элис. Светящаяся точка с места не сдвинулась.

— Надеюсь, мобильник не выбросили, — обеспокоенно проговорил Джонатан.

— Что это за рынок, о котором ты говорил?

— Он называется «Италия»: гастрономический храм итальянской кухни на Манхэттене. Нечто вроде огромного супермаркета класса люкс.

Вскоре они подъехали к магазину. Получив свои двадцать долларов, водитель такси согласился подождать их в течение десяти минут.

Крытый рынок только что открылся, однако, в отличие от улиц города, он уже был битком набит. И немудрено: посетители спешили сделать необходимые покупки к рождественскому ужину.

— Иди за мной!

Постоянно сверяясь с мерцающей точкой на карте, они прошли мимо многочисленных бутиков, ресторанов и торговых рядов, изобиловавших разнообразными яствами.

Мобильник Элис посылал электронный сигнал каждые тридцать секунд, позволяя ориентироваться фактически в режиме реального времени. По мощному GPS-локатору можно было определить местонахождение телефона с точностью до десяти

метров.

— Туда!

Проталкиваясь сквозь толпу, они прошли мимо ровных пирамид, сложенных из свежее испеченного хлеба, поддонов с пастой и ризотто, штабелей пармезана и гирлянд из пармской ветчины, мимо вегетарианского рестораника, пиццерии...

— Это здесь!

Теперь они находились в проходе, заставленном стеллажами для дегустации мороженого и кофе.

Подгоняемые сзади потоком людей, они пытались тщательнейшим образом осмотреть десятки человек, толпившихся в проходе, но народу было слишком много. К тому же шум стоял невообразимый.

— Это будет непросто, — крикнула Маделин. — У тебя случайно нет другой гениальной идеи?

Джонатан взглянул на экранчик своего мобильного.

— На сайте сказано, что можно вывести на экран украденного мобильного сообщение или же сделать так, чтобы он непрерывно звонил в течение двух минут. Причем неважно, в беззвучном тот находится режиме или нет.

— Ну-ка попробуй!

Джонатан запустил программу, и они с Маделин прислушались.

Напрасно. Толпа вокруг гудела так, что и в собственном кармане было сложно услышать мобильный, а уж в радиусе десяти метров — тем более.

— Приготовься сделать это снова! — крикнула Маделин, извлекая из-под куртки револьвер.

— Что ты...

Не колеблясь ни секунды, она подняла оружие вверх и выстрелила.

— Давай!

Звук выстрела мгновенно заткнул всех присутствующих. Прежде чем гробовая тишина уступила место панической истерике, Джонатан и Маделин сумели выкроить немного драгоценного времени — буквально каких-то полсекунды, но этого оказалось достаточно. Они услышали пронзительный сигнал телефонного звонка.

— Это она! — Маделин ткнула дулом револьвера в сторону продавщицы со стенда эспresso.

Это была симпатичная девушка восемнадцати-двадцати лет, мулатка с черными выпрямленными волосами. Из кармашка ее фартука торчал мобильный телефон. Маделин подскочила к ней и за руку вытянула из-за прилавка.

— Пошли с нами! — безапелляционно приказала она.

Схватив ничего не понимающую, плачущую девушку под руки, Маделин и Джонатан выскочили из магазина, прежде чем туда успела нагрянуть служба безопасности.

Слава богу, таксист никуда не уехал.

— Эй, это еще что за фигня? — спросил он, заметив «кольт».

— Езжай, или следующая пуля будет твоей! — проревела Маделин. Затем обернулась к плачущей девушке: — Как тебя зовут?

— Майя.

— Давно пользуешься этим телефоном?

— С... со вчерашнего утра, — ответила она в перерыве между двумя долгими всхлипами.

— Хватит ныть! Кто тебе его дал?

— Это подарок моего парня, Энтони.

— Подарок?

— Он его нашел на работе и попросил не выключать, потому что не знает от него пароль.

— И что у него за работа?

— Энтони работает эвакуаторщиком на штрафной стоянке в Бруклине, на Коламбия-стрит.

Штрафная стоянка... Похоже на место заключения. Интересно...

— Он сегодня работает?

— Нет, он у родителей в Стайвесант-таун.

Маделин вопросительно взглянула на Джонатана, который куда лучше разбирался в нью-йоркской топонимике.

— Это недалеко: к западу отсюда, между 14-й и 23-й улицами.

Маделин пару раз стукнула в стекло, отделявшее их от водителя:

— Все понял, Фанхио? [\[60\]](#)

Построенный на исходе Второй мировой войны, Стайвесант-таун представлял собой разросшееся скопление множества крохотных домиков из красного кирпича. Арендная плата здесь была сравнительно невысока, поэтому он стал излюбленным местом проживания представителей среднего класса: полицейских, пожарных, учителей, которые могли позволить себе жить в самом центре Манхэттена, совершенно не беспокоясь о сумасшедшем росте цен на недвижимость.

Майя показывала дорогу. Такси неспешно петляло между одинаковыми прямоугольными строениями.

— Это здесь: десятый этаж, из лифта — вторая дверь направо.

— Поднимешься с нами. А ты проваливай давай! — крикнула Маделин таксисту, и тот покорно укатил прочь, даже не спросив платы за проезд.

Входная дверь поддалась под мощным ударом Маделин. К девушке не только вернулись ее полицейские навыки, но вместе с ними пришла и решимость, заставлявшая ее действовать решительно и бескомпромиссно. То, как она легко перешла к насильственным действиям, слегка обеспокоило Джонатана, хотя в глубине души он понимал, что без этого им никогда не удастся отыскать Элис.

В квартире, за исключением Энтони, никого не было, да и тот все еще нежился в кровати. Прежде чем он успел опомниться, Маделин стремительно подошла к нему и приставила револьвер к его причинному месту.

Парень был высок, худ, под рэперскими татуировками угадывались стальные мышцы. Он инстинктивно попытался закрыть

свой пенис, но Маделин приказала ему поднять руки вверх.
— Если не хочешь лишиться своей Черной Мамбы, придется ответить на пару вопросов, усек?
— У... усек.
— У кого ты украл этот телефон?
Джонатан помахал мобильником Элис у него перед носом.
— Я его нашел!
— Нашел где?
— В машине, которую я вчера вечером снял эвакуатором.
— Что это была за машина?
— Большой «Додж», совсем еще новый, — объяснил Энтони. — Телефон был внутри, под одним из задних сидений.
— И откуда ты увез этот самый «Додж»?
— С Кони-Айленда.
— Конкретней! — надавил Джонатан. — Говори название улицы.
— Да не знаю я! Где-то рядом с пляжем. Неподалеку от старой пещеры ужасов. Возле палатки с хотдогами. Помнится, там еще собаки какие-то вечно лаяли на пустыре...
Джонатан сверился с картой на телефоне.
— Тут? — спросил он, показывая ему отметку на плане города.
— Еще ближе к морю. Вот здесь, правее...
Маделин запомнила дорогу.
— Выдвигаемся! — крикнула она и выбежала из комнаты.

37

Лихорадка В Крови

В то время как животное скрывается в темноте, чтобы умереть, человек ищет свет.
Он хочет умереть у себя дома, в своей стихии, а тьма — это не его стихия.
Грэм Грин

Кони-Айленд
10.00

Элис была мокрой с головы до ног. Крупные капли пота текли по ее лицу. Она опустила голову, чтобы убедиться, что пятно крови прошло через штаны в нижней части ее живота. Почки кровоточили. Теперь ей оставалось недолго. Пожираемая лихорадкой, она тем не менее вышла из своего бредового состояния и немного восстановила ясность мыслей.
Не умирать, пока не испробовано все...
Она почувствовала, что пластиковый хомут, сковывавший ее лодыжки, немного ослаб, однако недостаточно, чтобы она могла освободить ноги. Ее ноги были тяжелыми. Лежа на полу, она сделала усилие, чтобы подтолкнуть их вверх и опереться на узкую туалетную стенку. В этом положении она стала тереть нейлоновой поверхностью хомута о край стены. Угол был старый и истертый, но некоторые его части еще оставались достаточно острыми, чтобы надрезать волокно.
Обливаясь потом, доводя мышцы до судорог, она продолжала это движение вперед и назад в течение четверти часа, пока...
Хомут сдался!
Ободренная этой своей маленькой победой, она с облегчением обнаружила, что в ее движениях появилась определенная свобода. Конечно, наручники по-прежнему приковывали ее к трубе, но теперь ничто уже не казалось невозможным. Она присела и переступила с одной ноги на другую, чтобы немного размяться. Несмотря на слабый свет, она подробно изучила систему трубопроводов, которой было, наверное, лет сто. Элис заметила связующее звено между двумя трубами, где ржавчина уже начала разъедать литье.
Если эта фиговина сломается, откроется путь к спасению!
Она устроилась поудобнее и каблуком правой кроссовки резко ударила в стык труб. Вся система завибрировала, но не сломалась. Из-за удара металлические браслеты еще больше впились ей в кожу, но она уже почти не чувствовала боли.
Трубопровод сломается, Элис была в этом уверена. К сожалению, ее первая атака вызвала страшный грохот, распространившийся по всему зданию. И теперь оставалось только молиться о том, чтобы русского не оказалось поблизости...
В любом случае что ей было терять?
Полная решимости, она собрала остатки сил и принялась бить с каждым разом все сильнее и сильнее. Интуиция не подвела ее: выдержав с десяток ударов, трубы все-таки сломались в своей самой слабой точке.
Элис издала яростный победный крик.
Освободившись от оков, она повернулась и...
...силуэт Юрия стоял в дверном проеме. Зловещая усмешка искажала его одутловатое лицо.
— Моя маленькая матрешка... — сказал он, продвигаясь вперед.
Элис по-звериному зарычала и потеряла сознание.

Манхэттен

Маделин и Джонатан вышли из жилого комплекса. Небо было темным, а буря все еще насквозь продувала город. В течение

почти двенадцати часов непрерывно шел снег. Его слой в данный момент был больше тридцати сантиметров, и ничто не говорило о том, что это когда-либо прекратится. Напротив, большие и тяжелые хлопья все падали и падали. Пешеходам от этого было особенно трудно передвигаться: их тормозили ледяные порывы, бившие прямо в лицо.

— Как мы доберемся до Кони-Айленда? — крикнула Маделин, чтобы заглушить метель.

— Попробуем на метро. Там, на другой стороне улицы, есть станция.

Для Джонатана, в течение многих лет жившего в Нью-Йорке, в снеге не было ничего необычного, но масштабы бури застали врасплох муниципалитет.

Даже на очень широкой 14-й улице автобусы стояли. Такси скользили, а какой-то дерзкий велосипедист грохнулся наземь, совершив один из самых запоминающихся в своей жизни пируэтов. Снегоуборочные машины и экскаваторы трудились на основных магистралях, но их оказалось слишком мало, чтобы очистить второстепенные улицы. Обслуживающим улицы командам не хватало людей. Понятное дело, рождественские праздники.

Маделин и Джонатан бросились к станции, лестница которой превратилась в настоящий каток.

— Из-за снега будет ужасная неразбериха! — обеспокоился Джонатан. — А через час наступит полный хаос.

На перроне выяснилось, что многие поезда задерживаются, но им, хоть и с трудом, удалось пробиться в переполненный вагон.

— Это далеко отсюда? — спросила Маделин, глядя на часы.

Джонатан сверился со схемой, вывешенной в поезде.

— Эта линия не прямая. Надо будет сделать пересадку на «Юнион-сквер», а оттуда до места можно добраться менее чем за час.

— А на машине?

— Обычно минут за двадцать, но не в такой день, как сегодня.

Поезд ехал очень медленно и останавливался так часто, что им потребовалась вечность, чтобы проехать три остановки. Едва ступив на перрон, Маделин схватила Джонатана за руку.

— Поцелуй меня! — попросила она, желая обмануть камеры наблюдения.

И она воспользовалась этим, чтобы засунуть «кольт» в джинсы Джонатана.

— Что ты хочешь, чтобы я с ним делал?

— Ты продолжишь ехать на метро, а я попытаю счастья по дороге.

— Это безумие, Маделин! На выезде из Манхэттена все будет заблокировано.

— У меня есть идея, — сказала она. — Первый, кто придет, совершит то, что нужно. Take care.^[61]

Он попытался протестовать, но она не оставила ему на это времени.

Небо было таким темным, что можно было подумать, будто наступила ночь. Обычно полнолудная, теперь Юнион-сквер была почти пуста. Редкие автомобили включили огни безопасности и ехали очень медленно. На крышах такси сияли сигналы «Не работает». Чтобы очистить путь, внедорожник Департамента полиции Нью-Йорка буксировал брошенный кем-то автомобиль. Только вездеходы могли проехать нормально. Маделин заметила лимузин, застрявший в снегу в начале Парк-авеню. Она встала рядом с машиной и стала ждать, пока полицейский «Форд Эксплорер» остановится, чтобы подцепить транспортное средство. Она выждала тот момент, когда двое полицейских вышли из внедорожника, и уселась на водительское сиденье.

— Эй! — окликнул ее офицер.

Она спешно газанула. Этот автомобиль, должно быть, весил пару тонн и был длиной метров пять. В любом случае он был суперустойчив. Маделин пристегнула ремень безопасности, отрегулировала под себя сиденье и зеркала. Она хорошо знала район и, взяв направление на юго-восток, ввела в GPS-навигатор координаты, которые передал ей эвакуаторщик Энтони. На этот раз она знала, что близка к своей цели. Спасибо Джонатану, она теперь точно знала место, где держат Элис. Сегодня будет написан эпилог в расследовании, которое мучило ее более трех лет.

Конечно, копы попытаются перехватить машину, ибо все полицейские машины наверняка оснащены спутниковой связью, но она на это и рассчитывала: привлечь максимальное количество копов на Кони-Айленд на случай, если что-то пойдет не так.

Первые километры прошли как во сне. Управляя внедорожником, Маделин чувствовала, что пустынный город принадлежит ей. Но потом движение замедлилось в районе Бруклинского моста. Она включила радио на какой-то местной станции. Шло предупреждение от муниципалитета, который просил жителей отказаться от поездок во время бури. Но эти заклинания мало повлияли на жителей Нью-Йорка, которые в эти рождественские выходные решили уехать с Манхэттена.

Маделин включила мигалку и сирену. Эффект оказался мгновенным. Автомобили послушно разошлись, чтобы дать ей проезд, что позволило быстро пересечь мост. Преисполненная решимости воспользоваться этим, она выехала на 278-ю автомагистраль, которая в три полосы шла вдоль берега Аппер-Бэй. Хотя снег и тормозил движение, власти еще не закрыли мосты и туннели. Согласно информации по радио, это могло произойти с минуты на минуту.

Внедорожник проскользнул между двумя спецмашинами, и Маделин увидела вдали световую панель с объявлением о новой пробке. В двух километрах отсюда, в районе, где дороги начинают сужаться, автомобили шли бампер в бампер. Она попыталась проскочить, но ее занесло, она задела центральный бордюр, сломала зеркало заднего вида и на полной скорости воткнулась в бетонную стену.

Вот дерьмо!

На этот раз она была заблокирована. Тяжелый грузовик застрял в снегу и перекрыл движение.

Не испугавшись, Маделин обшарила машину. Один из полицейских имел неосторожность оставить свой пистолет в боковом кармане двери — знаменитый «глок 17», штатное оружие нью-йоркских полицейских. Она схватила пистолет и выскочила из внедорожника, бросив его на обочине дороги. Свинцовое небо и стена из снега закрывали горизонт и придавали дороге некий призрачный вид. Маделин прошла по дороге сотню метров, чтобы обойти место аварии. Вследствие опасных маневров нескольким машинам удалось выбраться из этой передрыги. Маделин направилась к первой из них — семейному универсалу,

которым управлял какой-то яйцеголовый, наклепавший на заднее стекло наклейку: «Движение Чаепития».^[62]

— Выметайся! — крикнула она, ткнув пистолетом ему в лицо.

Мужчина не заставил дважды повторять и стал осторожно ждать, что воровка ударит его кулаком и выльет на него кучу оскорблений.

Маделин поставила ногу на педаль газа. У нее больше не было сирены и мигалки, но она принялась гудеть в клаксон.

Никогда Маделин не была так близка к цели. Она сделала резкий поворот, чтобы свернуть на дорогу, ведущую к Кони-Айленду. Автомобиль накренился, задние колеса на миг заблокировало, но понижением передачи и поворотом руля ей удалось восстановить равновесие.

Образ Элис Диксон, которую держат в плену, какой она видела ее в фильме, постоянно стоял у нее перед глазами. Даже если Элис выйдет живой из этой переделки, в каком физическом и психическом состоянии она окажется после этого кошмара? Элис уже показала свою силу и уравновешенность, но что ее ждет во взрослой жизни после подобной череды травм? Как после такого не потонуть в ненависти или в безумии?

Маделин отогнала от себя эти вопросы, приехав на Нептун-авеню и повернув в тупик, который указал ей Энтони.

Линия F нью-йоркского метро
Станция «Парк-Слоуп»

«Наш поезд остановился на некоторое время. Для вашей собственной безопасности, пожалуйста, не выходите из вагонов...»

Джонатан с тревогой посмотрел на часы. Он спросил себя, где сейчас Маделин. Попытался соединиться с ней, но аппарат был вне зоны доступа. Остановки стали более частыми. Очевидно, рельсы начали замерзать, станции закрывались одна за другой, а Кони-Айленд был еще далеко...

Тупик, в который попал автомобиль, был почти завален снегом. Маделин взяла автоматический пистолет, убедилась, что магазин полон, и оставила машину в начале проулка. Она пошла по тротуару — эти места казались ей какими-то сюрреалистическими. Бывший парк аттракционов с его ветхими зданиями и ржавыми каруселями выглядел как после конца света. Какие-то стройки, начатые то тут, то там, показывали, что когда-нибудь все тут будет восстановлено, но это явно будет не завтра. В самый разгар бури все тут выглядело пустым и угрожающим. Слышны были лишь звук ветра и шум волн, бивших по металлическим каркасам.

И вдруг... лай.

Она вспомнила, что сказал эвакуаторщик: «Помнится, там еще собаки какие-то вечно лаяли на пустыре...»

Она нашла место, которое искала.

Маделин отодвинула в сторону заплесневелую доску забора и увидела немецкого дога с желтой шерстью и сумасшедшими глазами. Он скалил зубы и непрерывно рычал. Она пришла в ужас от его худобы — одна только кожа да кости. Может быть, дог был болен? Или какой-то псих специально так мучил его...

Она почувствовала в крови адреналин, смешанный со страхом: собаки не очень-то ее любили. С тех пор как один боксер укусил ее, когда она была совсем ребенком, она смотрела на собак только издалека, испытывая при этом жуткий испуг, который любая дворняга чувствовала за три километра, принимаясь агрессивно лаять всякий раз, когда она проходила мимо.

Можно было дойти до места, минуя сетчатый забор. Маделин вытащила «глок» из кобуры и выстрелила в замок, чтобы сломать засов. Как она и думала, звук выстрела спугнул дога, и тот отошел в сторону. Она вошла на территорию, ведущую к большому складу, грозившему вот-вот разрушиться. Но не успела она добраться до здания, как дог двинулся по ее следу, а потом целых пять церберов окружили ее, не переставая лаять. Первый бросился на нее и щелкнул пастью на ее левой руке.

Маделин пронзительно закричала, чувствуя, как клыки животного вонзаются в ее плоть. Другой пес вцепился ей в ногу, повалив ее в грязь, а третий нацелился на шею.

Его-то она и застрелила в первую очередь. Выстрелом точно в голову. Потом — двух других, что прыгнули на нее. В панике, смешанной с яростью, она добила и последних двух собак, которые тоже бросились в ее сторону.

Окруженная пятью мертвыми телами, она затаила дыхание, готовая открыть огонь, если другие монстры покажут нос. Все вокруг было в крови. Маделин не стала смотреть на свои раны, но почувствовала боль в руке, разорванной в нескольких местах, — потом.

Она выпрямилась и послала еще одну пулю в замок ангара.

— Элис? — крикнула она.

Склад был погружен в темноту. Она достала фонарик из пистолетной кобуры и укрепила его на стволе.

— Элис? — повторила она, медленно продвигаясь, не спуская пальцев со спускового крючка, светя себе фонариком. На плотном земляном полу она заметила следы, которые вели к металлической лестнице.

«Если кто-то спрятался там, он подстрелит меня, как кролика», — мелькнуло у нее в голове.

Почему она не подождала Джонатана? Почему не предупредила копов?

Потому что была убеждена, что нельзя терять ни секунды.

— Элис? — Маделин начала спускаться по лестнице, которая вела в своего рода темный туннель. Она подняла «глок» немного выше, освещая лучом фонарика узкий проход, через который дул сильный ветер. Она почувствовала, что кровь из раны течет у нее по руке, но на данный момент страх был лучшим из обезболивающих. Подземный коридор, похожий на чугунную трубу, использовался для хранения всякого хлама. Она не могла не содрогнуться, уткнувшись в рекламные щиты из крашеного дерева, разрисованные всякими отталкивающими монстрами, поверх которых красовалась надпись «САМОЕ СТРАШНОЕ ШОУ В ГОРОДЕ».

Она шагнула в лужу и, услышав писк, сразу же повернула оружие вниз, но это была лишь стая крыс. В конце туннеля находилась спиральная рампа, приглашавшая погрузиться в темноту.

— Элис? — снова крикнула она, чтобы обозначить себя и придать себе мужества.

Она подошла к десятку железных дверей, следовавших одна за другой, сбила первый замок и обвела дулом пистолета комнату, в которой пахло затхлой плесенью. Там было пусто. Маделин методично атаковала все остальные двери: с тем же результатом. Вплоть до последней.

В последней комнате горел тусклый свет. Там стояла короткая походная кровать, а еще... Еще там имелась система труб, аналогичная той, к которой была прикована Элис. Осмотрев каждый уголок подполья, Маделин наткнулась на оборванный пластиковый хомут, кусок клейкой ленты и розово-серый свитер с капюшоном, принадлежавший девочке-подростку. Она опустилась на колени, чтобы подобрать его и поднести поближе к лицу: чуть теплый, он был пропитан потом. Учитывая холод, царивший в тюрьме, Элис находилась здесь, вероятно, менее четверти часа тому назад!

Слишком поздно! Она пришла слишком поздно! И все из-за этого гребаного снега! Из-за своей недальновидности! Из-за того, что ее мозги работали слишком медленно! Из-за...

Ее разочарование длилось не более двух секунд. Маделин поднялась и, выставив вперед пистолет, пересекла влажный коридор, чтобы покинуть склад и продолжить охоту.

38

Little Odessa

— Еще труднее, когда хочешь кого-нибудь защитить и не можешь, — сказал Анджел.

— В таких случаях надо не защищать, малыш, а просто любить, — заметил Уолли. — Иногда это все, что мы можем сделать.

Джон Ирвинг

Белый фургон с трудом двигался по липкому снегу Серф-авеню. Несмотря на быстрое движение, дворники не успевали расчищать снежные хлопья, бившие в лобовое стекло.

Сидя за рулем своего грузовика, Юрий испытывал чувство тревоги. Часом раньше он был ошеломлен, услышав в новостях о смерти Блайт Блейк. Сначала он испугался, что полиция сядет ему на хвост, а потом решил сам воспользоваться этой ситуацией. В любом случае Элис принадлежала ему. Эта маленькая шлюшка попыталась сбежать от него, но у нее не хватило сил. Учитывая ее состояние, он все еще был заинтересован не слишком тянуть с тем, чтобы «продать» ее по хорошей цене. Братья Ташенко дали ему свое принципиальное согласие купить девчонку. Рэкет, проституция, торговля оружием — эти два украинца стояли в самом центре организованной преступности. Элис была молодой, красивой, волнующей, к тому же наверняка девственница. Если ее немного переодеть, то сутенеры могли бы собрать неплохой урожай, продвигая ее на панели.

Пыхтя, фургон продолжал свой путь, не слишком увязая в толстом пушистом ковре. На приборной панели были прикреплены икона Богородицы с Младенцем и византийские четки, качающиеся при каждом толчке.

Юрий вздохнул, добравшись до Брайтон-авеню. Главная торговая улица, над которой проходила эстакада метро, была хорошо защищена от бури. Он сделал полуоборот и припарковал свой фургон перед продуктовым магазином. Прежде чем выйти, он взглянул на свою пленницу.

Элис находилась сзади, лежа на полу, и ее била лихорадка. Несколько раз уже она просила воды.

— Что-нибудь еще? — спросил Юрий. — Хочешь поесть?

Она кивнула головой.

— Я хотела бы... — начала она.

Маделин, покачиваясь, вышла из ангара. Она поспешила пересечь участок, где лежали трупы пяти собак, а потом ее вырвало прямо на тротуар. Желудок ее опустошился, лицо блестело от пота, а ярость переполняла сердце. Что же теперь делать? Подняться. Не сдаваться. Бороться до конца. Похититель Элис опережал ее не больше чем на четверть часа. Это было много, это было ничто.

И в десяти метрах ничего не было видно. Бесполезно садиться в машину. Сохранять свободу передвижения, тем более что она не знала местности. Она пошла по улице и оказалась на дамбе, прямо перед Атлантическим океаном. Океан бушевал, и это было столь же поразительное зрелище, как и неожиданное. Маделин уже не было в Нью-Йорке, она находилась в Сибири.

Следуя инстинкту, она продолжила двигаться вдоль берега. Дощатая дорожка была пуста, за исключением нескольких чаек, рывшихся в мусоре.

Маделин была вся мокрая. Вскоре стало понятно, что то, что она принимала за пот, оказалось кровью. При каждом шаге она оставляла тонкий кровавый след на своем пути. Ее бедро сильно пострадало, но кровоточила в основном рука, порванная зубами по всей длине мышцы. Она сделала жгут из шарфа, затянув узел зубами и пальцами здоровой руки. После этого она снова двинулась вперед.

Поезд метро не пошел дальше предпоследней остановки — рельсы оказались полностью покрыты льдом, холод парализовал все. Снег душил город своим тяжелым гнетом.

И лишь выйдя со станции, Джонатан обнаружил несколько полосок на экране телефона, свидетельствовавших о наличии приема в телефонной сети. Он три раза звонил Маделин, но она не ответила. Было еще далеко от места их встречи, и он совершенно не знал, где она находилась.

Спиной к стене.

А если...

Джонатан решил найти местоположение телефона Маделин так же, как они сделали в случае с Элис.

Он запустил навигатор в своем мобильнике.

«Введите имя пользователя».

Легко: он знал адрес Маделин наизусть.

«Введите пароль».

Она его назвала два часа назад! Он набрал «violette1978» и подождал несколько секунд, прежде чем увидел мигающую точку на экране. Маделин была более чем в километре от него, на юге, рядом с побережьем. Он подождал несколько секунд, чтобы обновить страницу, и понял, что точка движется по плоскости.

Маделин бежала, не обращая внимания на снежные хлопья, бившие ей в лицо. Лучше умереть, чем сдаться. Не сейчас, не так близко. Она отошла от берега моря, чтобы срезать путь через стоянку, а затем двинулась по одной из улиц, ведущих к главной артерии Маленькой Одессы.

Квартал получил свое название от первой общины евреев, бежавших от погромов в России и нашедших сходство между нью-йоркской бухтой и портом на Черном море.

Маделин оценила местность: она находилась на Брайтон-авеню, в самом сердце русского анклава. Под сооружениями воздушного метро тут выстроились десятки витрин магазинов с вывесками, написанными кириллицей. Несмотря на снег, местность была полна людей и машин, ехавших почти нормально.

Она открыла глаза, пытаясь поймать какую-либо деталь, подозрительный автомобиль...

Ничего.

Когда она остановилась, ее пронзила боль. Прежде всего она услышала громкие голоса, в которых русский преобладал над английским. Это были слова, обращенные непосредственно к ней.

Увидев свое отражение в витрине, она поняла почему: на ее куртке отсутствовал один рукав, жгут развязался, и она истекала кровью.

Она не могла продолжать двигаться дальше, не зная направления и полностью лишенная сил. Она вошла в какую-то продуктовую лавку на углу 3-й улицы. Ее первые секции были полны запеченных паштетов, мясных фрикаделек, сеток с осетрами и прочих местных изделий, а задняя часть была отведена под туалетные принадлежности. Для дезинфекции Маделин взяла бутылку 70-процентного спирта и несколько упаковок марли и ваты. В кассу она встала за человеком, который как раз оплачивал бутылку минеральной воды и печенье.

— Бутылку клубничного молока, — сказал он по-русски, указывая на холодильную камеру, стоящую за прилавком.

Продавщица открыла холодильник, чтобы дать клиенту то, что тот попросил.

И тут произошел какой-то щелчок.

Сигнал.

Маделин более внимательно посмотрела на коробку печенья: это были круглые бисквиты с шоколадом, увенчанные белым кремом.

Марки «Орео».

Сердце у Маделин чуть не выпрыгнуло из груди. Она бросила покупки на кассе и последовала за незнакомцем на улицу. Это был высокий и крепкий тип, похожий на регбиста, с большим пузом и пухлыми щеками, характерно красными, как и у всех страдающих куперозом. Тяжелой походкой он возвращался к своему белому фургону, припаркованному чуть ниже.

Маделин медленно достала из кармана пистолет, потом вскинула руки и, дождавшись, когда он полностью окажется у нее на прицеле, крикнула:

— Freeze! Put your hands overhead!^[63]

В этот момент она отлично знала, что убьет его, потому что хорошо понимала, что он не поднимет руки и не сдастся, а попытается бежать, понадеявшись на удачу.

Кстати, Юрий именно так и поступил. Он открыл дверь своего фургона и...

Маделин нажала на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Она сделала это еще и еще раз, но пришлось смириться с очевидностью — магазин был пуст.

Джонатан поднимался по улице, защищенной воздушным метро, когда его телефон завибрировал. Это была Маделин, она

кричала:
— Белый фургон!

Он поднял голову и увидел ее в двадцати метрах от себя. С оружием в руках она делала ему какие-то знаки, смысла которых он не понимал.

Он знал одно: надо двигаться быстрее. И еще — у него в кармане имеется револьвер, а эта история обязательно должна была закончиться кровопролитием.

Он схватил «кольт» Дэнни, взвел курок и направил его на фургон, который резко сорвался с места. Хотя он никогда в жизни и не произвел ни одного выстрела, все действия произошли как бы сами по себе. Он поднял ствол, поставил руку так, чтобы она не дрожала, тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок.

Лобовое стекло разлетелось вдребезги.

Фургон развернулся по всей ширине дороги и пробил земляную насыпь, что находилась по центру. Потом он опрокинулся и врезался в бетонную опору метро.

Кровь гудела у Маделин в висках. Время остановилось. Она больше не чувствовала никакой боли. До нее больше не доходили внешние шумы, словно ей пробило барабанные перепонки. Как в замедленной съемке, она подбежала к задней части фургона. Пожарная машина появилась в конце улицы. Позднее засверкают мигалки полицейских машин и «Скорой помощи». Взгляд вправо. Взгляд влево. Она была в шоке, а толпа вокруг явно выражала недоверие: мясник держал в руке нож, торговец рыбой — бейсбольную битку, садовник — железный прут, который она и выхватила хорошо отработанным движением и начала им орудовать, словно ломом, пытаясь вскрыть распашные задние двери фургона.

Сколько раз во сне она проживала эту сцену? Сколько раз это, словно фильм, прокручивалось у нее в голове? Это была ее навязчивая идея. Глубокий смысл ее жизни: спасти Элис, оживить ее.

Под ударами двери наконец уступили.

Маделин заглянула в фургон.

Элис лежала неживой, связанной, вся одежда в пятнах крови.

Нет!

Она не могла умереть вот так.

Маделин наклонилась над ней и приложила ухо к груди, пытаясь услышать биение сердца.

И их кровь смешалась.

Эпилог

На следующее утро солнце взошло в безоблачном небе, засверкав своими лучами по перламутру города.

Покрытый шестидесятью сантиметрами снега, Нью-Йорк был отрезан от остального мира. Сугробы блокировали улицы и тротуары. Все автобусы и такси остались в депо, поезда — на вокзалах, а самолеты оказались прикованы к земле. По крайней мере, на несколько часов Манхэттен стал огромным курортом зимних видов спорта. Многие жители Нью-Йорка, невзирая на холод и ранний час, вооружились лыжами и снегоступами, а дети с радостью в сердце принялись кататься на санках, играть в снежки, лепить снеговиков со всякими забавными причиндалами.

С пластиковой чашкой в одной руке и картонной коробкой в другой, Джонатан аккуратно сошел на замерзший тротуар. Он провел большую часть ночи в комиссариате полиции в разборах полетов с местными полицейскими и важными шишками из ФБР, которые были заняты защитой Дэнни.

Несмотря на все предосторожности, он все же поскользнулся на льду. Как канатоходец, он поймал локтем фонарный столб, облив горячей жидкостью крышку пластиковой чашки. Он со вздохом облегчения прошел в двери госпиталя Святого Иуды на окраине Китайского квартала и Финансового района, поднялся на лифте на этаж, где лежала Элис. Коридор был заполнен копами в униформе, охранявшими вход в ее палату.

Джонатан показал свою аккредитацию и толкнул дверь. Элис лежала на кровати с капельницей в руке, под присмотром медсестры. Она посмотрела на него, и, хотя у нее по-прежнему кружилась голова, ее красивое лицо озарилось улыбкой. Инъекция физраствора сделала свое дело: лицо Элис вновь обрело живой цвет, было удивительно ясным и спокойным, несмотря на все то, что ей пришлось пережить. Он улыбнулся ей и махнул рукой, показывая, что вернется сразу после ухода медсестры.

После этого Джонатан пошел туда, где находилась Маделин. Проходя мимо металлической тележки, он прихватил пластиковый поднос, на который поставил свою пластиковую чашку с горячим шоколадом. Он открыл картонную коробку, достал оттуда три кексика и разложил их вокруг чашки, чтобы было красиво. Наконец, заметив венок из белых цветов, висящий на стене, он вырвал оттуда анемон и завершил им композицию на подносе.

— Завтрак! — крикнул он, входя в палату.

Он думал, что Маделин там одна, но столкнулся нос к носу с капитаном Делгадилло, одним из столпов нью-йоркской полиции, крупным латиносом с белоснежными зубами и строгим взглядом. Одетый с иголки, весьма высокомерный, коп не удостоил его и взгляда.

— Я жду вашего ответа до конца недели, мисс Грин, — заявил он, выходя из палаты.

Маделин лежала в постели. Накануне она перенесла операцию под общим наркозом. Операция прошла хорошо, но клыки слишком глубоко проникли в ее плоть, навечно оставив на ней следы борьбы с догами.

— Это для меня? — спросила она.
— Ваниль, шоколад, зефир. Лучшие кексики во всем Нью-Йорке, — заверил он.
— Ты мне приготовишь все это как-нибудь? Ты же знаешь, я еще ни разу не пробовала твоих блюд!
Он кивнул и присел рядом с ней на матрас.
— Ты видел Элис? — спросила Маделин.
— Только что. Она набирается сил.
— А с копами все прошло хорошо?
— Пожалуй. Они сказали мне, что взяли твои показания здесь?
— Да, меня расспрашивал тот тип, которого ты видел. Никогда не догадаешься: он предложил мне работу!
Сначала он думал, что Маделин шутит, но она с энтузиазмом продолжала:
— Детектив-консультант в Департаменте полиции Нью-Йорка!
— Ты согласишься?
— Наверное. Я люблю цветы, но работа в полиции — это у меня в крови.

Джонатан молча кивнул и встал, чтобы раздвинуть шторы. Когда солнце осветило комнату, Маделин охватила холодная дрожь. Какое будущее ждало их? В эти несколько дней они жили в лихорадке опасности. Препятствия, которые они преодолели вместе, были настолько мощными, что отметили некую границу в их существовании. Каждый по очереди держал жизнь другого в своих руках. Они доверяли друг другу, они дополняли друг друга, они любили друг друга.

А теперь?
Она завернулась в одеяло и встала рядом с ним. Она хотела было задать вопрос, но Джонатан опередил ее.
— Что ты думаешь об этом месте? — спросил он, протягивая ей свой телефон.
На экране мобильного она просмотрела фотографии старого дома с терракотовым фасадом на небольшой улице в Гринвич-Виллидж.

— Очень красиво, а что?
— Он продается. Здесь мог бы получиться хороший ресторан. Я думаю, что рискну начать.
— В самом деле? Ну, это неплохая идея, — прошептала Маделин, не в силах скрыть свою радость.
Он поддразнил ее:
— Таким образом, если ты останешься в Нью-Йорке, я смогу помогать тебе в твоих расследованиях.
— Помогать в моих расследованиях?
— Именно так. Я заметил, что ты часто нуждаешься в моем таком сексуальном уме, чтобы разруливать разные ситуации.
— Это правда, — призналась она. — А я, в свою очередь, смогу помогать тебе на кухне!
— Хм... — хмыкнул он с сомнением.

— Что за «хм»? Я знаю некоторые рецепты, представь себе! Я тебе говорила, что моя бабушка была шотландского происхождения? Она завещала мне секрет своего знаменитого хаггиса.^[64]
— Какой ужас! А почему не пудинга из телячьего сала?

Джонатан раскрыл окно. Они только что нашли общее дело и теперь вышли для продолжения своего шуточного разговора на крошечный балкон с видом на Ист-Ривер и Бруклинский мост.

Воздух был свежим, а небо кристально-чистым. Глядя на снег, искрящийся на солнце, Маделин вспомнила фразу, которую Элис написала на первой странице своего дневника: «Самые прекрасные годы жизни — те, которые еще не прожиты».

Сегодня утром ей хотелось в это верить...

Благодарности

Лорану Танги

Цветочный магазин Маделин существует! Ну, почти... Его мне навевал прекрасный «Воображаемый сад» Лорана Танги с улицы Ля Мишодьер в Париже. Спасибо тебе, Лоран, за все твои рассказы, за твою доступность и твою страсть к цветочному искусству.

Пьеру Эрме

Спасибо за то, что нашли время, чтобы рассказать, как создаются ваши десерты. Наш разговор насытил мое воображение творческими порывами Джонатана.

Максиму Шаттаму и Джессике

Спасибо, Макс, за время, проведенное вместе в Бруклине. Наша прогулка 25 декабря 2009 года на Кони-Айленде, таком заснеженном и таком сюрреалистическом, остается для меня замечательным воспоминанием, которое помогло мне при создании последних глав романа.

Вам, уважаемые читатели и читательницы,

за то, что вы в течение многих лет находите время, чтобы писать мне, делиться своими впечатлениями и поддерживать диалог.

Неизвестной в аэропорту,

которая как-то в августе 2007 года в Монреале случайно обменялась со мной мобильными телефонами, дав мне идею начала всей этой истории...

Места И Люди...

Некоторые читатели, знающие Манчестер, будут удивлены, что у меня Маделин и Дэнни выросли в Читэм-Бридж, хотя существует реальный квартал под названием Читэм-Хилл. Нет, я не ошибся. Но я почувствовал необходимость придумать квартал, чтобы описать их детство: для меня роман — это параллельный мир.

Напротив, Джулиард-скул, эта фантастическая театральная школа в Нью-Йорке, существует. Это прекрасное место для искусства и культуры: студенты, имевшие возможность реализовать там свои таланты, не волнуйтесь: безобразная сцена, которая произошла там, — это чистая фантазия.

Описывая попугая Бориса, я отдал дань уважения Эрже и его свирепому капитану Хэдцоку, а в начале третьей главы вы, конечно же, узнали отрывок из знаменитой песни Брассанса «Фернанда».

И последнее. В течение многих лет я отмечаю фразы, которые заставляют меня смеяться или мечтать, которые живут потом вместе со мной и даже вдохновляют меня. Они приходят то в одной книге, то в другой, чтобы подкрепить то, что я пытаюсь передать. Французские и иностранные читатели привыкли к ним, и я получаю все больше и больше писем, где меня спрашивают, откуда я их беру. Поэтому ниже вы найдете список ссылок. Я был бы рад, если бы эти эпитафии открыли для вас двери в мир какого-то другого автора.

Ссылки

Глава 1.*Claudie Gally.* Seule Venise, Rouergue, 2004.

Глава 2.*Paul Morand.* L'Homme presse, Gallimard, 1941.

Глава 3.*Stieg Larsson.* Millénium 1 — les hommes qui n'aimaient pas les femmes, traduit par L. Grumbach, M. de Govenain, Actes Sud, 2006 (*Стиг Ларссон.* Девушка с татуировкой дракона).

Глава 4.*Carlos Ruiz Zafon.* L'Ombre du vent, traduit par F. Maspero, Grasset, 2004 (*Карлос Руис Сафон.* Тень ветра).^[65]

Глава 5.*Joyce Carol Oates.* Fille noire, fille blanche, traduit par C. Seban, ed. Philippe Rey, 2009.

Глава 6.*Paolo Giordano.* La Solitude des nombres premiers, traduit par N. Bauer, Seuil, 2009 (*Паоло Джордано.* Одиночество простых чисел).

Глава 7.*Romain Gary.* Clair de femme, Gallimard, 1977 (*Ромен Гари.* Свет женщины).

Глава 8.*Joseph O'Connor.* Desperados, traduit par P. Masquart et G. Meudal, Phebus, 1998.

Глава 9.*Marguerite Yourcenar.* L'Œuvre au noir, Gallimard, 1968 (*Маргерит Юсенар.* Философский камень).

Глава 10. Guy de Maupassant. Solitude, in Monsieur Parent, Contes et Nouvelles 1884–1890, Robert Laffont, 1988 (*Ги де Мопассан.* Одиночество).

Глава 11.*Andre Malraux.* Les Noyers de l'Altenburg, 1948, Gallimard, Folio, 1997.

Глава 12.*Carson Mac Cullers.* Frankie Addams, 1946, traduit par J. Tournier, Stock, 2008.

Глава 13.*Michael Connelly.* The Last Coyote, Little, Brown and Company, 1995 (*Майкл Коннелли.* Последний койот).

Глава 14.*M. Joseph O'Connor.* Desperados, traduit par P. Masquart et G. Meudal, Phebus, 1998.

Глава 15. *Paul Verlaine.* Amoureuse du Diable, in Jadis et Naguere, LGF, 2009 (*Поль Верлен.* Любовь дьявола. В сб. «Далекое и близкое»).

Глава 16. Немецкая поговорка.

Глава 17.*Marilyn Monroe.* Fragments, édité par S. Buchthal et B. Comment, traduit par T. Samoyault, Seuil, 2010 (*Мэрилин Монро.* Жизнь, рассказанная ею самой).

Глава 18. *Sophocle.* Œdipe Roi (*Софокл.* Эдип-царь).

Глава 19.*Boris Cyrulnik.* Mourir de dire, la honte, Odile Jacob, 2010.

Глава 20.*Flannery O'Connor.* Mon mal vient de plus loin, traduit par H. Morisset, Gallimard, 1969 (*Фланнери О'Коннор.* На вершине все тропы сходятся).

Глава 21.*Milan Kundera.* L'Insoutenable légèreté de l'être, traduit par F. Kérel, Gallimard, nouv. éd., 1987 (*Милан Кундера.* Невыносимая легкость бытия).

Глава 22.*Juan Manuel de Prada.* La Tempête, traduit par G. Iaculli, Seuil, 2000.

Глава 23.*Alfred de Musset.* A mon frère revenant d'Italie. Poésies complètes, LGF, 2006 (*Альфред де Мюссе.* Моему брату, вернувшемуся из Италии).

Глава 24.*Francois Cheng.* L'Éternité n'est pas de trop, Albin Michel, 2002.

Глава 25. *Jay McInemey.* Trente ans et des poussières, traduit par J. Huet, J.-P. Carasso, L'Olivier, 1993.

Глава 26.*Horace.* Odes. Livre IV, I (*Гораций.* Оды. Книга IV).

Глава 27. *Sénèque.* De la Clemence (*Сенека.* О милосердии).

Глава 28.*R. J. Ellory.* Seul le silence, traduit par F. Pointeau, Sonatine, 2008.

Глава 29. Девиз Зеландии, голландской провинции.

Глава 30.*Mark Twain.* Following the Equator: a Journey around the World, American Publishing Co., 1897 (*Марк Твен.* По экватору).

Глава 31.*Gao Xingjian.* La Montagne de l'âme, traduit par N. et L. Dutrait, éd. de l'Aube, 1995.

Глава 32.*Lord Byron.* Le Pelerinage de Childe Harold (1812), Œuvres complètes, traduit par B. Delaroche, 1938 (*Лорд Байрон.* Паломничество Чайльд Гарольда).

Глава 33. Статья 3521 титула 18 Свода законов США.

Глава 34.*George Sand* (Жорж Санд).

Глава 35.*Christian Bobin.* Le Christ aux coquelicots, Lettres vives, 2002.

Глава 36.*John Dos Passos.* Against American Literature, New Republic, 1916 (*Джон Дос Пассос.*).

Глава 37.*Graham Greene.* Le Troisième Homme, traduit par M. Sibon, Robert Laffont, 1950 (*Грэм Грин.* Третий).

Глава 38.*John Irving.* L'Œuvre de Dieu, la part du Diable, traduit par F. et G. Casaril, Seuil, 1986 (*Джон Ирвинг.* Правила виноделов).

Примечания

1

Big Apple — самое известное прозвище Нью-Йорка. — *Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примеч. пер.*

2

Отдельные жизни *(англ.)*.

3

Знаменитое и очень дорогое вино из долины Напа.

4

Известные марки виски.

5

Хельмут Ньютон (1920–2004) — фотохудожник, с 1961 года сотрудничавший с французским журналом «Вог» и ставший одним из самых значимых фотографов; он часто работал в жанре «ню».

6

Речь идет о песне Jumpin'Jack Flash группы «Роллинг Стоунз». Известные переводы названия этой песни: «Джек-попрыгунчик», «Ванька-Встанька» и т. д.

7

Арчибальд Хэддок — персонаж серии комиксов «Приключения Тинтина» бельгийского художника Эрже (Жорж-Проспер Реми), капитан дальнего плавания, лучший друг главного героя. Капитан обожал использовать в качестве ругательств экзотические слова. В «Словаре брани капитана Хэдцока» приведено 192 произнесенных им ругательных выражения, многие из которых Эрже почерпнул, просматривая словари редких слов.

8

Красный гид Мишлен — наиболее известный и влиятельный из ресторанных рейтингов на данный момент. Гид выпускается с 1900 года и имеет трехзвездную систему оценки ресторанов. Одна звезда означает — очень хороший ресторан в своей категории, две звезды — отличная кухня, ради ресторана имеет смысл сделать отступление от маршрута, три звезды — великолепная работа шеф-повара, имеет смысл предпринять отдельное путешествие сюда.

9

У вас имеется сообщение *(англ.)*.

10

Без пива (дерьмовая жизнь) *(англ.)*.

11

Еда для завтрака, или снэк, содержащая овес, орехи и мед, иногда рис, обычно запеченные до хрустящего состояния.

12

Франсуа Ватель (1631–1671) — метрдотель принца де Конде, покончивший жизнь самоубийством 24 апреля 1671 года прямо во время приема у своего хозяина из-за того, что ловля рыбы в тот день задержалась и он боялся, что приглашенные именитые гости останутся без свежей морской рыбы.

13

Один из величайших французских шеф-поваров второй половины XX века. Получил широкую известность в 90-х годах, покончил жизнь самоубийством, не оставив никаких объяснений, в феврале 2003 года в возрасте пятидесяти двух лет. — *Примеч. автора.*

14

Организация по взиманию членских взносов в области социальной безопасности и семейных пособий (Unions de recouvrement des cotisations de sécurité sociale et d'allocations familiales).

15

Суп из моллюсков с луком и беконом, который подается в сделанной в виде тарелки буханке хлеба. — *Примеч. авт.*

16

«Ты никогда не будешь один» — песня, написанная американскими композиторами Ричардом Роджерсом и Оскаром Хаммерстайном для мюзикла «Карусель» в 1945 году. Песня также является гимном английского футбольного клуба «Ливерпуль».

17

Персонаж пьесы Пьера Корнеля «Сид». Химена была влюблена в дона Родриго, тот вызвал на поединок ее отца и убил его, а она вынуждена была разрываться между любовью и жадой мести.

18

Прозвище футболиста Эрика Кантона, когда он играл в команде «Манчестер Юнайтед».

19

Одна из самых красивых песен французского рок-певца Джонни Холлидея, настоящее имя которого — Жан-Филипп Сме.

20

Последний по счету, но не по значимости *(англ.)*.

21

Пинбол (pinball) — игра, в которой игрок набирает очки, манипулируя металлическим шариком на игровом поле, накрытом

стеклом (в пинбол-машине), при помощи лапок (флипперов). Основная цель игры — набрать наибольшее количество очков, удерживая шарик на игровом поле как можно дольше. *Пэкмен* (pac-man) — аналогичная аркадная игра, впервые вышедшая в 1979 году в Японии. Во всех старых фильмах можно увидеть аппараты для подобных игр, стоящие в барах.

22

Главный мужской персонаж книги «Грозовой перевал» Эмили Бронте. Он выглядит человеком, охваченным страстью, силы которого достаточно, чтобы разрушить себя и все, что находится вокруг него. В книге не дано его полное имя, а слово Heathcliff, составленное из слов heath (вересковая пустошь) и cliff (скала), характеризует его как темного, погруженного в себя и мстительного человека, что в значительной степени определяется упрямой любовью к Кэтрин Эрншоу, его неродной сестре, вышедшей замуж за Эдгара Линтона.

23

Dub, вариант *Dubh* — ирландское имя, означающее «темный».

24

«Обычные подозреваемые», или «Подозрительные лица» (The Usual Suspects), — детективный фильм 1995 года режиссера Брайана Сингера. В 2008 году этот фильм был включен в десятку наиболее значимых детективов в истории Голливуда.

25

OFAC (Управление по контролю за иностранными активами) — филиал Министерства финансов США, занимающийся, в частности, борьбой с отмыванием денег.

26

Девушка, которой там не было (*англ.*).

27

Так называется аристократический район VIII округа Парижа, образованный тремя улицами — Елисейскими Полями, авеню Монтень и авеню Георга V. Там находятся самые дорогие и престижные бутики и Дома моды: Dolce&Gabbana, Prada, Valentino, Louis Vuitton и др.

28

Mariage Freres — одна из самых известных в мире чайных компаний.

29

Устройство, на которое можно записать любой звук, а затем воспроизвести его, нажав клавишу на клавиатуре. При помощи семплера можно воспроизвести звук проезжающего автомобиля, разбитого стекла, фортепьяно и т. д.

30

Так называют квартал на Манхэттене, в Нью-Йорке. Название является аббревиатурой от «Треугольник ниже Канал-стрит» (TRiangle BElow CAnal street). Этот треугольник ограничен Канал-стрит, Вест-стрит, Бродвеем и Веси-стрит.

31

Крем на шоколаде, сливках (или молоке) и сливочном масле. Он используется в качестве глазури или прослойки для торта (иногда предварительно взбивается). Ганаш более плотной консистенции используют для приготовления конфет трюфелей.

32

Певец и гитарист рок-группы «Оазис». Оба родом из Манчестера. — *Примеч. авт.*

33

Тип жилища, переоборудованное под жилье помещение заброшенной фабрики или другого здания промышленного назначения. Слово loft означает «чердак». В США так называют еще и верхний этаж торгового помещения или склада.

34

IMAP (Internet Message Access Protocol) — протокол прикладного уровня для доступа к электронной почте, который предоставляет пользователю обширные возможности для работы с почтовыми ящиками, находящимися на центральном сервере. Почтовая программа, использующая этот протокол, получает доступ к хранилищу корреспонденции на сервере так, будто эта корреспонденция расположена на компьютере получателя.

35

Гастрономический ресторан, принадлежащий шеф-повару Хестону Блюменталю. Считается одним из престижнейших заведений Соединенного Королевства. — *Примеч. авт.*

36

DFO — специальная камера для проявления невидимых отпечатков.

37

Аранчини (arancini — маленькие апельсины) — блюдо сицилийской кухни, представляющее собой обжаренные или в некоторых случаях запеченные шарики из риса диаметром 8–10 см, обычно начиненные мясом, иногда вместе с моцареллой, томатным соусом и зеленым горошком. Свое название блюдо получило благодаря насыщенному желто-оранжевому цвету после обжаривания в масле, придающему ему сходство с маленькими апельсинами.

38

Шикарный нью-йоркский магазин, где продаются всевозможные фрукты, овощи и импортные бакалейные деликатесы.

39

Я не тот, кем был раньше (*лат.*).

40

Тэйзер (TASER) — дистанционное электрошоковое оружие, выстреливающее два электрода-зонда при помощи сжатого газа на расстояние до 10 м. Зонды соединены тонкими изолированными проводами с источником высокого напряжения в корпусе оружия. При попадании зондов в цель электрический искровой разряд напряжением 50 тысяч вольт, передаваемый по проводам, способен пробить слой верхней одежды до пяти сантиметров толщиной. При образовании контакта и круговой цепи напряжение падает до 12 тысяч вольт, что парализует живое существо, пока ток идет по проводам, но не убивает человека.

41

Кукла (*исп.*).

- 42
- Получено, но не заработано (англ.).
- 43
- «Борюсь, чтобы не утонуть» (лат.) — девиз Зеландии, голландской провинции.
- 44
- Little Italy — бывший район компактного проживания выходцев из Италии на Манхэттене.
- 45
- Различные формы одного и того же гена, расположенные в одинаковых участках (локусах) гомологичных хромосом и определяющие альтернативные варианты развития одного и того же признака. По сути, аллель — это вариант последовательности ДНК в данном локусе. А локус — это фиксированное положение (локализация) на хромосоме. Упорядоченный перечень локусов для какого-либо генома (наследственного материала) называется генетической картой.
- 46
- Жан-Мишель Баския — американский художник, который прославился сначала как граффити-художник в Нью-Йорке, а затем, в 1980-х годах, как очень успешный неоэкспрессионист.
- 47
- Сезар Бальдаччини — французский скульптор, наибольшую известность которому принесли скульптуры из металлолома и остовов разбитых машин.
- 48
- Служба федеральных маршалов (United States Marshals Service) — подразделение Министерства юстиции США, старейшее федеральное правоохранительное агентство США, созданное в 1789 году. В задачи Службы входит обеспечение деятельности федеральных судов, контроль за исполнением их приговоров и решений, розыск, арест и надзор за содержанием федеральных преступников и т. д.
- 49
- WITSmmmmmmm EC (Witness Security Program) — программа защиты свидетелей США. За тридцать лет существования через нее прошли 16 тысяч человек, из них 7 тысяч живут под вымышленными именами в разных частях страны.
- 50
- Американская военная база, включающая в себя тренировочный центр и академию ФБР.
- 51
- Drug Enforcement Administration (DEA) — Управление по борьбе с наркотиками.
- 666666
- 2
- Девочка в темноте (англ.).
- 53
- Спаси меня, папа! Измени показания, пожалуйста! И мы снова будем вместе. Ладно, пап? (англ.)
- 54
- Изображение, полученное компьютером и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства.
- 55
- Matchbox — спичечный коробок (англ.).
- 56
- «Life and Death» — жизнь и смерть (англ.).
- 57
- В поисках Элис (англ.).
- 58
- Не твоё дело! (англ.)
- 59
- Флэтайрон-билдинг — один из самых старых и самых известных небоскребов на Манхэттене, имеющий треугольную форму и похожий на утюг.
- 60
- Хуан Мануэль Фанхио — знаменитый аргентинский автогонщик, пятикратный чемпион «Формулы 1» (примечание переводчика).
- 61
- Береги себя (англ.).
- 62
- Tea Party Movement — консервативно-либертарианское политическое движение в США, возникшее в 2009 году в виде серии протестов, вызванных в том числе актом 2008 года о чрезвычайной экономической стабилизации и рядом реформ в области медицинского страхования.
- 63
- Стой! Руки над головой! (англ.)
- 64
- Национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердца, печени и легких), порубленных с луком, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке. Внешне блюдо похоже на домашнюю колбасу.
- 65
- Здесь и далее в скобках указаны имена авторов и названия произведений, переведенных на русский язык. — (Примеч. ред.).